

Составление и общая редакция

У. Новотный, С.А. Андреева

Перевод выполнен

У. Новотный, Е.Д. Филимонова, А.А.Капитонов, В. Финенко

Л. Иванова, Р. Гладкова, И. Дегтярев, И.Гагиева

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: Доклады и выступления. Международная научная конференция, 26 – 27 октября 2007 года, г. Москва / Составление и общая ред. У.Новотного, С.А. Андреевой. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – с.

Сборник содержит научные статьи, представленные участниками международной научной конференции, организованной Российским университетом дружбы народов, Центром гуманистических исследований в Москве и Испанским фондом «Пангея».

Recopiladores y redactores

H. Novotny, S. Andreeva

Traductores

H. Novotny, E. Filimonova, A. Kapitonov, V. Finenko,

L. Ivanova, R. Gladkova, V. Degtyarev, I. Gagieva

BASES HUMANISTAS PARA LA CONVERGENCIA ENTRE CULTURAS: Informes e intervenciones. Conferencia Científica Internacional, 26 – 27 octubre 2007, Moscú / Recopiladores y redactores: H.Novotny, S.Andreeva. – М: Ed. URAP, 2008. – p.

Esta recopilación contiene las ponencias presentadas por los partícipes de la conferencia científica internacional organizada por la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos, el Centro de Estudios Humanistas de Moscú y la Fundación “Pangea” de España.

© Издательство Российского университета дружбы народов, 2008

© Коллектив авторов, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
ПРИВЕТСТВИЯ	
Филиппов В.М. , Ректор РУДН	7
Новотный У. , Президент ЦГИМ.....	
Санчес Балливиан С. , Посол Республики Боливии в РФ	
Али Галед Ахмед Галед , Культурный <i>Атташе</i> Посольства АРЕ в РФ	
ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ	
Коваль Б.И. Философские основы гуманистического восприятия мира	
Госало Гонсалес Э. Практические основы ненасилия как методология Нового гуманизма.....	
Горелов А.А. Эволюция гуманизма (от древности до наших дней)	
Новотный У. Интенциональность как основа гуманистического мировоззрения	
Глинская И.Ю. Человек и его предназначение	
Нижников С.А. Проблема соотношения морали и политики в истории политической мысли	
Андреева И. Роль и значение принципов гуманизма в современной мировой политике	
Клейменова Т. Нравственные ценности как основа гуманизма в решении сложных политических и внешнеполитических вопросов	
Чалдымов Н.А.- Солод В.Ю. Тенденции развития человечества и ненасилие	
Кричевский С.В. Применение принципа ненасилия при освоении Космоса (методологические, социоприродные и практические аспекты)	
Лебедев В.В. Уходя в океан космоса	
Кульпин-Губайдулин Э.С. Гуманизм и борьба за природные ресурсы в XXI веке	
Иванченко Г.В. Концепт счастья в (пост)гуманистической перспективе	
Карнацкая Л.А. Примирение как путь гуманизации мира	
Буянов С.В. Проблемы гуманизма в свете восточно-христианской антропологии	
Безрогов В.Г. Ученичество как основа гуманизации образовательных систем.....	

Геворгян К. Этноконфессиональная общность езидов: история и современность

Савельев П. Декларации движения к миру без насилия

Старостина М.С. Репрезентация молодежного проекта «Содружество. Память поколений»

ДЕКЛАРАЦИЯ «Принципы гуманизма и ненасилия».....

НАШИ АВТОРЫ .....

INDICE

DE LOS REDACTORES	6
SALUDOS DE APERTURA	
Filippov V. , <i>Rector URAP</i>	
Novotny H. , <i>Presidente CEHM</i>	
Sánchez Ballivián S. , <i>Embajador de la República de Bolivia en FR...</i>	
Galeb Akhmed Galeb A. , <i>Agregado Cultural de Egipto en FR</i>	
INFORMES E INTERVENCIONES	
Koval B. La percepción humanista: principio universal del desarrollo personal y social	
Gozalo González E. Fundamentos prácticos de la no-violencia como metodología del nuevo humanismo.....	
Gorelov A. El desarrollo del humanismo (desde la antigüedad hasta nuestros días).....	
Novotny H. Intencionalidad: fundamento de la visión del mundo humanista ...	
Glinskaya I. El ser humano y su predestinación: de la antigüedad a la actualidad.....	
Nizhnikov S. Etapas en el desarrollo del pensamiento político: en camino hacia una política humanista.....	
Andreeva I. Rol y significado de los principios humanistas en la política mundial actual	
Kleymenova T. Los valores morales como fundamento del humanismo en la resolución de complejos problemas políticos y de relaciones internacionales	
Chaldimov N. – Solod V. Tendencias del desarrollo de la humanidad y no violencia	
Krichevsky S. Aplicación del principio de la no violencia en la conquista del Cosmos (aspectos metodológicos, sicionaturales y prácticos)	
Lebedev V. Sumergiéndonos en el océano del Cosmos	
Kulpin-Gubaydulin E. Humanismo y lucha por los recursos naturales en el siglo XXI	
Ivanchenko G. El concepto de felicidad en una perspectiva (post)humanista	
Karnatskaya L. La reconciliación como camino de humanización del mundo	
Buyanov S. La cuestión del humanismo a la luz de la antropología cristiana oriental	

Bezrogov V. El rol del maestro en la humanización de los sistemas educativos .....

Savelev P. Declaración del movimiento hacia un mundo sin violencia.....

Starostina M. Presentación del proyecto juvenil “Comunidad CIS. Memoria de las generaciones” .....

DECLARACION “Principios del humanismo y la no violencia” .....

NUESTROS AUTORES .....

ОТ РЕДАКЦИИ

Представленный сборник работ подготовлен по итогам Международной научной конференции «Гуманистические основы взаимодействия цивилизаций», которая прошла 26-27 октября 2007 года в Российском университете дружбы народов.

Данная конференция была организована Межвузовским центром гуманитарного образования по философской компаративистике факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Центром гуманистических исследований в Москве и Испанским фондом «Пангея». Она является продолжением работы, посвященной вопросам гуманизма и ненасилия в современном мультикультурном мире, которая совместно проводится начиная с 2006 года Центром гуманистических исследований и Университетом при активном участии Испанского фонда «Пангея».

В данном сборнике представлены приветствия, доклады и выступления участников конференции. Основные работы включают изучение идейных истоков гуманизма, рассмотрение примеров ненасильственного решения политических проблем в мире, а также примеры гуманистического развития в истории России и мира.

В конце сборника вниманию читателей представлена Декларация «Принципов гуманизма и ненасилия», инициативно разработанная и подписанная участниками конференции с целью поддержания ненасильственной политики и принятой 27 июня 2007 года на 61 сессии Генеральная Ассамблея ООН Резолюции о проведении Международного дня ненасилия.

Организаторы конференции выражают свою искреннюю благодарность Генеральному директору группы торговых компаний «ПИК» (г.Владивосток) Наталье Филипповой за финансовую поддержку проведенной Международной научной конференции «Гуманистические основы взаимодействия цивилизаций».

DE LOS REDACTORES

La presente recopilación resume el trabajo desarrollado en la Conferencia Internacional “Bases humanistas para la convergencia entre culturas”, realizada el 26-27 de octubre de 2007 en la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos.

Dicha conferencia fue organizada por el Centro de formación humanitaria en filosofía comparativa de la Facultad de Humanidades de la URAP, el Centro de Estudios Humanistas de Moscú y la Fundación “Pangea” de España. Se trata de la continuación de los trabajos dedicados al humanismo y la no-violencia en el mundo contemporáneo que son llevados adelante desde el año 2006 por el Centro de Estudios Humanistas y la Universidad con la activa participación de la Fundación Pangea.

En esta recopilación se han incluido los saludos de apertura, intervenciones y ponencias de los partícipes de la conferencia. Los trabajos principales abarcan el estudio de los fundamentos ideológicos del humanismo, ejemplos de solución no violenta de conflictos políticos en el mundo, como así también ejemplos del desarrollo humanista en la historia de Rusia y del mundo.

Al final de esta publicación se presenta a la atención del lector la Declaración de “Principios del Humanismo y la No-violencia”, iniciativa elaborada y aprobada por los participantes de la conferencia con el objetivo de promover las políticas no violentas y, en particular, dar aplicación práctica a la resolución tomada el 27 de junio de 2007 en la 61ª sesión de la Asamblea General de la ONU instaurando el 2 de octubre como Día Internacional de la No-violencia.

Los organizadores de la conferencia expresan su sincero agradecimiento al Director General del grupo empresario “PIK” (Vladivostok) Natalia Filippova por el apoyo financiero prestado para la realización de la Conferencia Científica Internacional “Bases humanistas para la convergencia entre culturas”.

**Приветственное слово Ректора
Российского университета дружбы народов
проф. В.М. Филиппова**

Я искренне рад приветствовать участников и гостей Международной научной конференции «Гуманистические основы взаимодействия цивилизаций». Российский университет дружбы народов всегда содействовал проведению конференций, посвященных таким актуальным вопросам как развитие мультикультурного диалога и гуманистической составляющей мировых процессов. Данная конференция особенно уникальна, она является третьей в цикле конференций, проведенных совместно с нашими испанскими друзьями Фондом «Пангея» и Международным центром гуманистических исследований в Москве. Конференция является продолжением работы многих видных ученых из разных стран в области интеграции гуманистических процессов в мировую науку и политику.

Тема гуманизма как никогда актуальна на сегодняшний день. Процесс глобализации набирает обороты с каждым годом и независимо от отношения к данному противоречивому явлению различных народов мира, необходимость взаимного сотрудничества и толерантный подход в отношениях как правило неизбежны, и глобальная интеграция должна опираться не только на международное право, но и на гуманистическую стратегию развития.

Основные направления работы конференции «Гуманистические основы взаимодействия цивилизаций» включают изучение идейных истоков гуманизма, рассмотрение примеров ненасильственного решения политических проблем в мире, а также примеры гуманистического развития в истории России.

Особую важность в повестке дня имеет рассмотрение и подписание Декларации «Принципов гуманизма и ненасилия», инициативно разработанную участниками конференции с целью поддержания ненасильственной политики и принятой 27 июня 2007 года на 61 сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюции о проведении Международного дня ненасилия.

Искренне желаю всем участникам и гостям конференции плодотворной работы и выдающихся результатов.

**Saludo de apertura del Rector
de la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos
Prof. V.Filippov**

Estoy sinceramente feliz de saludar a los partícipes y visitantes de la Conferencia Científica Internacional “Bases humanistas para la convergencia entre culturas”. La Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos siempre ha favorecido la realización de conferencias dedicadas a cuestiones tan actuales como el desarrollo del diálogo multicultural y el componente humanista en los procesos mundiales. Esta conferencia es muy especial por ser la tercera del ciclo organizado conjuntamente con nuestros amigos españoles de la Fundación “Pangea” y con el Centro de Estudios Humanistas de Moscú. La conferencia es continuación del trabajo de destacados científicos de diferentes países en el campo de la integración de los procesos humanistas en la ciencia y la política mundial.

El tema del humanismo es más actual que nunca al día de hoy. El proceso de globalización se va acelerando con cada año e independientemente de la actitud de los diferentes pueblos del mundo hacia este contradictorio proceso, la necesidad de reciprocidad y un enfoque tolerante en las relaciones es evidente. La integración global debe operar no solamente sobre la base del derecho internacional sino de una estrategia humanista de desarrollo.

Los bloques de trabajo principales de la conferencia “Bases humanistas de la convergencia entre culturas” incluyen: el estudio de las fuentes ideológicas del humanismo, la revisión de ejemplos de resolución no violenta de problemas políticos en el mundo, como así también el análisis de ejemplos del desarrollo humanista en la historia de Rusia.

Especialmente importante en el orden del día es la discusión y firma de la Declaración de “Principios del humanismo y la no violencia”, iniciativa desarrollada por partícipes de la conferencia con el objetivo de apoyar resueltamente la política no violenta y, en particular, la Resolución aprobada el 27 de junio de 2007 en la sesión 61 de la Asamblea General de la ONU declarando el 2 de octubre Día Internacional de la No Violencia.

Mis sinceros deseos de un fructífero trabajo y excelentes resultados a todos los partícipes y visitantes de la conferencia.

**Приветственное слово Президента
Центра гуманистических исследований в Москве
Уго Новотного**

Я хотел бы, прежде всего, поблагодарить Ректора и коллег Российского университета дружбы народов за человеческую теплоту и активное участие в подготовке данной конференции; наших дорогих друзей из фонда Пангея Испании, приехавших специально на это мероприятие, за их неоценимый вклад в наш совместный проект; и, конечно, всех участников и гостям научной конференции «Гуманистические основа взаимодействия цивилизаций». Особую благодарность хотел бы выразить генеральному директору компании «ПИК» из Владивостока, Наталии Филипповой, без поддержки которой, проведение данного мероприятия было бы невозможно.

Для нашего центра, и всего философско-общественного течения Универсального гуманизма, тематика конференции является концептуальным ядром и основой нашей общественной работы. Вдохновленные посланием латиноамериканского мыслителя и наставника Марио Родригес – Сило, мы воспринимаем миссию Гуманизировать жизни на Земле, как жизненный путь, дающий с каждым шагом все больше смысла нашему существованию.

Поэтому я искренне рад, что мы именно в этом контексте собрались сегодня, и еще поработаем завтра, чтобы обменяться идеями, опытом, найти точки соприкосновения и решения, которые могли бы принести пользу не только российскому, но и мировому сообществу. Надеюсь, принятие Декларации принципов гуманизма и ненасилия станет нашим общим достижением в этом направлении.

Мои наилучшие пожелания для каждого из Вас и для нашей совместной работы.

**Saludos de apertura del Presidente
del Centro de Estudios Humanistas de Moscú
Hugo Novotny**

Quisiera ante todo agradecer al Rector y colegas de la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos por su calidez humana y activa participación en la preparación de esta conferencia; a nuestros queridos amigos de la Fundación Pangea España, que llegaron especialmente a este evento, por su inestimable aporte en nuestro proyecto conjunto; y, por supuesto, a todos los partícipes e invitados de esta conferencia científica “Bases humanistas para la convergencia entre culturas”. Un especial agradecimiento quisiera expresar al Director General de la compañía “PIK” de Vladivostok, Natalia Filippova, sin cuyo apoyo no hubiera sido posible esta conferencia.

Para nuestro Centro y para toda la corriente filosófico-social del Humanismo Universalista la temática de esta conferencia es el núcleo conceptual y fundamento de nuestro trabajo social. Inspirados en el mensaje del pensador y guía latinoamericano Mario Rodríguez – Silo, vivimos la misión de Humanizar la Tierra como un camino de vida que, con cada paso, da mayor sentido a nuestra existencia.

Por ello es un gran gusto que, en este contexto, nos hayamos reunido aquí, hoy y también lo haremos mañana, para intercambiar ideas y experiencias; para encontrar puntos de coincidencia y tomar resoluciones que sean de utilidad no sólo a la sociedad rusa, sino a toda la comunidad mundial. Confío en que la redacción y firma de la Declaración de principios del humanismo y la no violencia se convierta en un gran logro conjunto en esta dirección.

Mis mejores deseos para cada uno de ustedes y para nuestro trabajo común.

Приветственная речь посла Боливии Серхио Санчес Балливиан

В первую очередь мне бы хотелось выразить свою глубочайшую признательность Российскому университету дружбы народов и Центру гуманистических исследований в Москве за приглашение принять участие в событии такого масштаба, а также поблагодарить всех тех, благодаря чьим усилиям стало возможным проведение подобного мероприятия, целью которого является обсуждение ключевых вопросов развития человечества.

Благодаря визиту, осуществленному господином Уго Новотным, президентом Центра гуманистических исследований Москвы, в Посольство Боливии, я смог по достоинству оценить вклад Центра гуманистических исследований и Университета дружбы народов в дело объединения человечества в борьбе за идеалы ненасилия, толерантности, взаимопонимания и солидарности между нашими столь различными народами и культурами.

Как известно, Эво Моралес Айма, президент Боливии, объявил о решении Боливии раз и навсегда отказаться от военных действий на международной арене.

Благодаря этому поистине историческому решению Боливия станет одной из первых стран, отказывающихся рассматривать войну как метод решения международных конфликтов. На законодательном собрании в данный момент рассматривается вопрос о включении в новую конституцию положения об отказе от войн.

Остается надеяться, что это новаторское положение в очередной раз напомнит мировой общественности о необходимости всемирного разоружения, с целью сохранения человеческой жизни и окружающей среды.

Я искренне полагаю, что данное решение президента Боливии будет воспринято с воодушевлением участниками движением нового гуманизма, являясь воплощением на практике провозглашаемых ими идеалов.

Напоследок мне бы хотелось поблагодарить ректора Университета дружбы народов, благодаря которому в стенах университета обучаются и воспитываются в лучших традициях гуманизма молодые люди из 130 стран мира.

Благодарю за внимание.

**Palabras de salutación del Embajador de Bolivia
Sergio Sánchez Ballivián**

Deseo en primer término expresar mi agradecimiento a la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos y al Centro de Estudios Humanistas de Moscú por la cordial invitación para participar en este importante evento. Felicitar a todos los que hacen posible llevar adelante estas jornadas de reflexión y debate sobre temas de vital importancia para la humanidad.

Cuando recibí la grata visita en la Embajada de Bolivia del Presidente del Centro de Estudios Humanistas de Moscú, Sr. Hugo Novotny, me entusiasmaron las iniciativas que vienen desarrollando el Centro y la Universidad de la Amistad de los Pueblos en su admirable esfuerzo por sensibilizar a las sociedades para que la humanidad pueda transitar por el camino de la no violencia, la tolerancia, la comprensión y la solidaridad entre nuestras diversas culturas y pueblos.

Como todos Ustedes conocen el Presidente de Bolivia, Evo Morales Ayma anunció la decisión del estado boliviano de renunciar a la guerra. Esta histórica medida, que convierte a mi país en el abanderado del rechazo a la guerra como método para resolver los conflictos con otros países, será planteado ante la Asamblea Constituyente que se lleva a cabo en Bolivia, para que en la nueva Carta Magna se introduzca la renuncia del estado boliviano a la guerra.

Abrigamos la esperanza de que esta determinación, pionera en el actual contexto internacional, contribuya a generar conciencia en el mundo sobre la necesidad del desarme mundial para preservar la vida humana y el medio ambiente.

Creo sinceramente que, para el humanismo, esta determinación del estado boliviano es compartida con esperanza, porque refleja el fundamento de lo que muchos de Ustedes vienen planteando.

Quiero terminar estas breves palabras, felicitando al Rector de esta casa superior de estudios, señor Vladimir Filippov, por la magnífica labor de esta prestigiosa Universidad en educar y preparar a los jóvenes de 130 países del mundo en los principios humanistas.

Muchas gracias por su atención y los mejores deseos de éxito en esta Conferencia Internacional.

**Приветственные слова атташе по культуре посольства
Египта в РФ
Проф. Али Галед Ахмед Галед**

Я хотел бы сначала поблагодарить Российскому университету дружбы народов, фонду Пангея и Центру гуманистических исследований в Москве за приглашение на эту конференцию.

Я думаю, что тема конференции очень нужна нашему времени: «Гуманистические основы взаимодействия цивилизаций». Казалось бы, что на протяжении много веков гуманисты – мыслители, философы – сформировали основные концепции гуманизма, и в античности, и в средние века, и в эпохе Возрождения и в современное время. Однако если следить за то, что варится в средствах массовой информации, это вообще удивительно – почти что пропаганда насилия, не только в новостях, но и в драматургии. Я чувствую, что в настоящее время есть такие тенденции, чтобы подорвать отношения между народами. Хотя все это идет под лозунгами демократии, глобализации и т.д.

Человеческая цивилизация - это одна цивилизация, но многогранная. Те, кто говорит о столкновении цивилизаций, они забывают, что люди разные по своей натуре. Бог создал нас разными. Разве никто не представляет себе, что все люди были одинаковы; это не серийное производство.

Наш мир прекрасный, потому что он разнообразный. Мы должны сохранять это разнообразие и стараться, как можно больше понять друг друга. Мне жалко тех, кто поднимает такие лозунги как «столкновение цивилизаций», они не знают что они люди.

Очень часто также, под лозунгом свободы слова, идет оскорбление других. Даже в некоторых странах Европы есть законы, которые запрещают обсуждение определенных тем. И в то же время в этих странах поднимается лозунг свободы слова.

То, что я говорил, это очень грустно. Но все-таки, раз мы собрали сегодня, значить есть надежда.

Я желаю всем участникам конференции успехов. И надеюсь, люди, в конце концов, поймут, что такое гуманизм.

Спасибо большое.

**Palabras de salutación del Encargado de Cultura de la
Embajada de Egipto en la FR**

Prof. Ali Galeb Ajmed Galeb

Quisiera ante todo agradecer a la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos, a la Fundación Pangea y al Centro de Estudios Humanistas de Moscú por la invitación a esta conferencia.

Considero que el tema de esta conferencia “Bases humanistas para la convergencia entre culturas” es muy importante para nuestro tiempo. Pareciera que en el transcurso de muchos siglos los humanistas – filósofos, pensadores – formularon las bases de la concepción humanista, en la antigüedad, en el medioevo, en el Renacimiento y en el momento actual. Sin embargo, si observamos lo que se refleja en los medios masivos de información nos sorprende: prácticamente la propaganda de la violencia, no sólo en las noticias, sino también en las obras dramáticas. Siento que actualmente se desarrollan algunas tendencias que intentan deteriorar las relaciones entre los pueblos. Aunque todo esto se haga bajo los eslogans de la democracia, la globalización, etc.

La civilización humana es una, aunque múltiple. Aquellos que hablan de choque de civilizaciones olvidan que la gente es diferente por naturaleza. Dios nos ha creado distintos. Quién pudiera imaginar que fuéramos todos iguales, esto no es una producción en serie.

Nuestro mundo es maravilloso porque es múltiple, diverso. Debemos cuidar esta diversidad e intentar, al máximo posible, comprendernos unos a otros. Me compadezco de aquellos que levantan consignas del tipo “choque de civilizaciones”, ellos no se reconocen humanos.

Muy frecuentemente también, bajo la consigna de libertad de palabra se esconde la ofensa de otros. Incluso en algunos países europeos hay leyes que prohíben la discusión de ciertos temas. Y al mismo tiempo en estos países se habla de libertad de palabra.

Todo lo que he dicho hasta aquí es muy triste. Pero a pesar de todo, desde el momento en que estamos aquí reunidos, quiere decir que hay una esperanza. Deseo lo mejor a todos los partícipes de esta conferencia. Y expreso mi esperanza de que la gente comprenderá, en definitiva, qué cosa es el humanismo.

Muchas gracias.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Гуманистическое восприятие – универсальный принцип личного и общественного развития

Б.И. Коваль

Тема, которую мы собираемся обсудить, звучит солидно и ответственно: «Гуманистические основы взаимодействия цивилизаций». Формула эта звучит красиво и справедливо, но раскрыть ее содержание, а главное – понять механизм воздействия гуманистического мировоззрения на людей, живущих в разных странах и районах земного шара, крайне сложно. О каких основах гуманизма мы говорим? Как они сформировались? В чем их сила и привлекательность? И что есть сам гуманизм – мораль, социальное поведение, психология или некое политическое, религиозное, атеистическое, эзотерическое или научное направление?

Вопросов много и ответы на них даются разные. Одним гуманизм нравится, другие его отрицают. Весьма напряженные отношения существуют между религией, вернее - церковью и гуманистической философией, сторонники которой нередко воспринимаются как секстанты-еретики. Многие гуманисты, в свою очередь, отрицают веру в Бога. Многие являются верующими. Нередко появляются и ложные квази-гуманистические группы, которые спекулируют на человеческих слабостях и наивности, рисуя себя «спасителями, защитниками бедных и растерявшихся людей».

В этой запутанной психо-ментальной обстановке важно найти какой-то ориентир, чтобы не метаться из стороны в сторону. Вот почему мы начинаем обсуждение с определения, как сказано в программе, «идейных истоков и нравственных начал» гуманизма.

Я, видимо, не скажу ничего нового, но я высказываю только свою точку зрения и вовсе не претендую на истину, а лишь приглашаю вас к диалогу.

Обычно истоки гуманизма относят к эпохе раннего Ренессанса XII-XIV веков и мировоззрению итальянских корифеев. И это верно, если говорить о гуманизме как системе взглядов на человека как центра бытия. Однако не следует забывать, что итальянские гуманисты сами были людьми верующими. Они не противопоставляли, а соединяли Бога и человека. Выступали не против Бога, а против церковной схоластики и пассивности человека перед судьбой. Предтеча гуманизма Данте Алигьери (1265-1321) писал: «Из всех проявлений божественной

премудрости человек – величайшее чудо» (1, с. 645). И это действительно так, что, соответствует философии Библии. Этой же линии придерживались Петрарка, Боккаччо, Пико де ля Мирандола, Никола Макиавелли, Леонардо Да Винчи, Эразм Роттердамский, Томас Мор и другие мыслители XII-XVI веков. Они составляли небольшое меньшинство, ибо большинство находилось в объятиях средневековой схоластики, и видели в человеке не столько «образ и подобие Божье», сколько падшего грешника, постоянно пребывающего в сетях дьявола.

Жан Кольвин (1-ая половина XVI в.), основатель пуританства, утверждал: «Все составные части человека – разум и воля, душа и тело осквернены или вообще заполнены похотью. Если сказать еще короче, то человек есть не что иное, как сама похоть (concupiscence)». (2, с.247) Странно, но даже и сейчас кое-кто в России полагает, что человеком, как и «три тысячи лет назад, движут, секс, жадность, страх за собственную жизнь и прочие первичные инстинкты». Это слова известного Андрея Кончаловского (см. «Культура», 21.08.2007), который презирает свой собственный народ. «Мы не готовы к свободе и демократии...» потому России нужна «сильная авторитетная власть», «побольше страха» нужно перед городовым. Удивительный подход демонстрирует популярный маэстро. Так сильно любит русского человека, что просто ненавидит его за слабости и прегрешения. Простить и принять для такого философа невозможно. Это называется мизантропизмом. Прямым антиподом такой позиции является именно гуманизм, т.е. человеколюбие, антропоцентризм, уважение личности, ее свободы, уникальности и перспективы совершенствования (так наз. перфекционизм).

Но любовь и уважение к личности не есть открытие итальянских гуманистов. Поэтому исторический гуманизм как процесс оформления его принципов и постулатов есть лишь определенный этап в истории *широкого и стихийного – я бы сказал – народного, бытового гуманистического мировосприятия.*

Во всех цивилизациях, начиная с языческих времен, естественным образом проявлялись те или иные гуманистические мотивы, образы, идеи и формы поведения простых людей. Собственно говоря, и до сих пор мы видим любовь, добро, солидарность, уважение, свободу и другие самые обычные добродетели, самые необходимые жизненные энергии.

Князь Петр Кропоткин, и не только он один, отдавал приоритет именно чувству солидарности и взаимопомощи в борьбе человека за существование. В этом смысле я вижу в наших с вами гуманистических воззрениях, чувствах и делах особого рода человеческую ментально-

психическую и духовно-эмоциональную *энергию*. Вопрос о человеческой витальной и духовной энергии есть, на мой взгляд, стержень реального и действенного гуманизма. Не чьи-то чужие идеи и моральные декреты, не религия и наука, хотя и они тоже, но сама обычная не испорченная цивилизацией энергия жизни и солидаризма, включая любовь, дружбу, заботу, уважение и прочее, - вот, что можно считать *стихийными* «началами гуманизма». Идейными, точнее, *мировоззренческими* истоками можно считать гуманизм эпохи Возрождения. Но разве заветы древнееврейского Бога Ягве «не убий», «возлюби ближнего как самого себя», заботься о родителях и детях, не делай зла и др. – это не гуманистические принципы? А разве призыв Аллаха «спеши делать добро» – это не гуманизм? А древнеегипетская, древнеиндийская, древнегреческая философия – это не гуманизм? Вспомним формулу великого Протагора (V в. до н. э.): «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и не существованию несуществующих» (3, с. 375). Под «существующими» философ понимал реальные субстанции – животных, природу, вещи и, разумеется, самих людей. А под «несуществующими» – умопостигаемые или фантастические субстанции – идея, красота, добро, любовь и т.д.

Но в центре – человек как высшая мера всем вещам. Он сам определяет все и вся, в том числе долг и свободу, добро и зло, но, конечно, в соответствии с волей богов. Великое место греки отводили и Фатуму.

На Востоке древние даосы и конфуцианцы в Китае также в человеке видели «истинное сердце мира», «совершенный плод» всех мировых сил. Важно уметь гармонизировать силы инь и ян (женское и мужское начала), «расширить сознание», ощущать радость жизни, пробуждать в себе «человечность» (жэнь).

Особняком стоит буддийский гуманизм. Он видит цель нравственного совершенствования не в улучшении жизни на земле, но в постепенном отказе от самого желания жить, дабы достичь просветления и нирваны.

Земная и плотская жизнь, по словам Будды, это одни страдания. Избавиться от них можно только путем прерывания цепи перерождений (реинкарнации) и ухода с земли навсегда.

Такой странный гуманизм оправдывается идеей ахимса – *ненасилия* по отношению ко всем живущим на земле, мягкосердечии и покорности матери, отцу и всем старшим людям, а также принципами «благородных истин» - стремление к миролюбию, отказу от злобы, ненависти, борьбе с ложью, трудолюбием, самообладанием, взаимопомощью, отказом от чувственных страстей и т.д.

Особым образом гуманистическая идея пронизывает христианство. В личности Иисуса Христа соединяются две природы – божественная и человеческая. По этому «образу» и «подобию» должен жить человек. Он должен избегать всякого греха, уметь различать добро и зло, не допускать уныния, гордыни, зависти, любить других людей, уважать труд, бежать от эгоизма, верить в свободу, не допускать насилия, плотского самолюбия и т.д. Все это хорошо известно. Особое значение в христианстве придается душе и духу, вере в Бога и спасение. Но это есть лишь религиозные формы (упаковки) истинно гуманистического содержания.

Другое дело, разумеется, что люди, к какой бы вере они не принадлежали или оставались атеистами, не являются ангелами, а посему ведут себя не так, как хотели бы себя вести. Христос учит: «любите врагов ваших» (Мф. 5, 38-39), «любите друг друга» (Ин.13, 34) не насильничайте и т.д. Но мало кто соблюдает эти заповеди. Вот почему Ф. Ницше говорит, что в истории только Иисус Христос был тем единственным, «первым и последним» христианином, который жил «чтобы показать как нужно жить... В сущности был только один христианин, который умер на кресте» (4, с. 660, 672).

В наше время некоторые светские организации – партии, профсоюзы, творческие союзы, религии и даже правительства – выступают перед массами в роле гуманистов и радетелей человеческого счастья. Часто такой прием является спекулятивным, и так сказать, пиаром в целях привлечения людей на свою сторону. Большинство простых людей склоняется к стихийному и инстинктивному гуманизму.

Вот почему мы с полным основанием можем сказать, что гуманистическая ориентация, настроенность, ожидание есть универсальный принцип мировоззрения, личного и общественного развития. Сила его в простоте и естественности, и в отличии от религий и партий, государств и других социальных институтов – они все, не только, а нередко не столько объединяют людей, сколько разъединяют на различные и враждебные группы по признакам веры, партийной идеологии, национальности, гражданства, профессии, возраста и т.д.

Гуманизм игнорирует (или почти сознательно *превосходит*) эти различия и видит *человека как личность* – личность свободную, равную, достойную, творческую, ценную и уникальную. Задача гуманизма *помочь* развитию лучших качеств – воли, разума, чувства, самоуважения, веры в себя, толерантности и многое другое.

Новый гуманизм, который развивает Сило и его друзья - Уго, Эдуардо, Антонио и тысячи других энтузиастов - *впитывает* все

лучшие достижения мирового гуманизма и преобразует их в массовое действие, соответствующее современным условиям.

Сделать это трудно, но важно. Вся история сопряжена с противоречиями и насилием: одно поощряет другое. Разорвать этот порочный круг почти невозможно, но, тем не менее, именно эту задачу ставит перед собой все демократические движения.

Гуманистический интернационал видит достижение этой задачи «ненасильственными методами». В современном мире сфера ненасильственных действий чрезвычайно широка и многообразна. Это и радио, и телевидение, и демонстрации, и кампании неповиновения, и пацифистское движение, и борьба за экологию, и многое другое. В этом смысле «борьба за гуманизацию мира в своем развитии и итоге обеспечивает прогресс» (5, с.6).

Исходя из этих постулатов, новый гуманизм не стоит в стороне от жизни, а, напротив, активно в ней участвует. Он выступает в лице Движения и гуманистических партий; в поддержку демократии; против отчуждения, насилия, дискриминации; против зависимости и диктата монополий; за разоружение и мирное сотрудничество народов; за ликвидацию бедности; в защиту экологической безопасности и т.д. Такой подход открывает путь для плодотворной и искренней коалиции со всеми другими демократическими движениями и партиями на правах взаимного уважения и равенства.

Гуманистическое движение в различных странах мира регулярно организует международные научные конгрессы и политические встречи. В ряде крупных городов работают небольшие радио- и телестудии, клубы, регулярно проходят образовательные занятия и беседы с молодежью из средних и бедных слоев населения.

Философия нового гуманизма не ограничивается этикой, хотя именно она лежит в ее основе, но охватывает самый широкий круг вопросов – экономику, политику, экологию, международные отношения, образование, информатику, культуру и т.д. Сейчас речь идет только об этической стороне этого мировоззрения, практике в плане развития социальной солидарности и самоопределения цельной и самостоятельной личности.

В конечном счете, только гуманистическая ориентация позволит обеспечить дальнейшее благородное развитие всего человечества и удержать его от физического и духовно-этического самоубийства. На этом пути реалии современного бытия начнут приближаться к идеалу социальной справедливости и устранению всякого «структурного зла».

Мы считаем, согласно Николаю Александровичу Бердяеву и другим философам серебряного века, что «Не личность есть часть

общества, а общество есть часть личности... Личность лишь частично принадлежит обществу» (6, с.48).

Именно ценность человеческой жизни есть та основа, на которой строится наша концепция ненасилия. Она так же восходит к древним временам, но наиболее ярко воплотилась в философии Л.Н.Толстого и Ганди. «Сатану, - по словам Толстого, - нельзя изгнать сатану, неправду нельзя очистить неправдою, и зло нельзя победить злом. Поэтому непотворение злу злом есть единственное средство победить зло» (7, с.169).

Не «око за око» и не «кровь за кровь», не справедливая месть, как учит ветхий завет, а прощение, толерантность, ненасильственное сопротивление злу – вот идея Толстого.

Эту идею воплотил в политическую практику великий вождь великого индийского народа Мохандас Карамганд Ганди (1869-1948). В этом году отмечалась 138 годовщина со дня рождения Ганди. 2 октября 2007 г. проходил Международный день ненасилия. Четыре кампании международного марша сатьяграхи под руководством Ганди в 30-х годах XX столетия в борьбе против английских колонизаторов за сарвадайю – «общество социальной справедливости» - вошли в историю как великий человеческий подвиг.

Новые гуманистические инициативы, в том числе и наш сегодняшний семинар, входит в общий поток движения к солидарности, добру и очеловечиванию бытия, борьбе с пороками насилия, войн, эгоизма, лжи и других препятствий, к освобождению и развитию каждой личности и всего человечества.

В России сегодня авторитет гуманистического мировоззрения постепенно набирает силу. Но в борьбе с искушениями консумизма, богатства и власти нет сомнений, что в будущем гуманистическая идея восторжествует навсегда.

Литература

1. Данте. Божественная комедия. – М., 1998.
2. Кальвин. Наставление в христианской вере. Т.1.М., 1997.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, изречениях знаменитых философов. М., 1979.
4. Ницше Ф. Соч. в двух томах, Т.2. М., 1990.
5. Гуманистический Интернационал. Документы и материалы. М., 1992.
6. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.,1994.
7. Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении. М., 1998.

La percepción humanista: principio universal del desarrollo personal y social

Prof. Boris Koval

El tema que nos disponemos a tratar suena serio y responsable: “Bases humanistas para la convergencia de culturas”. Es un enunciado bello y justo; pero develar su contenido y, sobre todo, comprender los mecanismos de la influencia de una visión del mundo humanista en la gente de distintos países y regiones del globo terráqueo, resulta extremadamente complejo. ¿De qué bases humanistas estamos hablando? ¿Cómo se han formado? ¿En qué consiste su fuerza y atracción? ¿Y qué cosa es el humanismo en sí: una moral, un comportamiento social, una psicología o cierta orientación política, religiosa, ateista, esotérica o científica?

Son muchas preguntas y las respuestas pueden ser muy diferentes. A unos les gusta el humanismo, otros lo rechazan. Una relación tensa existe entre la religión, o mejor sea dicho, entre la iglesia y la filosofía humanista, cuyos partidarios frecuentemente son percibidos como sectantes, herejes. Muchos humanistas, por su parte, rechazan la fe en Dios. Aunque muchos otros son creyentes. Suelen aparecer también falsos grupos cuasi-humanistas, que especulan con las debilidades y la ingenuidad humanas dibujándose a sí mismos como “salvadores, defensores de los pobres y de la gente desorientada”.

En esta confusa situación psico-mental es importante encontrar alguna referencia para no menearse de un lado a otro. Por esta razón es que comenzaremos la discusión con las definiciones, tal como se plantea en el programa, de las “fuentes ideológicas y principios morales” del humanismo.

Seguramente no diré nada nuevo. Expresaré sólo el propio punto de vista y de ningún modo pretendo tener la verdad, simplemente les invito al diálogo.

Habitualmente se relacionan a las fuentes del humanismo con la época del Renacimiento temprano de los siglos XII al XIV y las visiones de los corifeos italianos. Y esto es correcto, si hablamos del humanismo como sistema de ideas que pone al hombre como centro de la existencia cotidiana. Sin embargo, no se debe olvidar que los humanistas italianos mismos fueron gente creyente. Ellos no confrontaron, sino que unieron a Dios y al ser humano. No se expresaron contra Dios, sino contra la escolástica eclesiástica y la pasividad del hombre frente al destino. El precursor del humanismo Dante Alighieri (1265-1321) escribió: “De todas las expresiones de la sabiduría divina el hombre es el milagro más grande” (1). Y esto es verdaderamente así, lo cual corresponde con la filosofía de la Biblia. Esta

misma línea sostuvieron Petrarca, Bocaccio, Pico de la Mirándola, Nicolás Maquiavelo, Leonardo da Vinci, Erasmo de Rotterdam, Tomás Moro y otros pensadores de los siglos XII al XVI. Ellos fueron una pequeña minoría, ya que la mayoría se encontraba en los ámbitos de la escolástica medieval y veían en el ser humano no tanto la “imagen y semejanza de Dios”, cuanto un pecador caído, permanentemente enredado en las redes del diablo.

Juan Calvino (1ra. mitad del siglo XVI), creador del puritanismo, afirmaba: “Todas las partes compositivas del ser humano, la razón y la voluntad, el alma y el cuerpo, están profanadas o llenas de concupiscencia. Si lo expresáramos aún más sintéticamente, diríamos: el ser humano no es otra cosa más que concupiscencia” (2). Es extraño, pero incluso hoy se puede encontrar en Rusia quien afirma que al ser humano, como hace “tres mil años atrás, lo mueven el sexo, la sed, el miedo por la propia vida y otros instintos primarios”. Estas palabras son del reconocido director Andrey Konchalovsky (ver Canal Cultura, 21.08.2007), quien desprecia a su propio pueblo, diciendo: “no estamos preparados para la libertad y la democracia...”, por lo cual Rusia necesita “un poder fuerte y autoritario”, “más temor” frente a los guardianes del orden. Sorprendentes declaraciones del popular maestro de la cinematografía. Tan fuerte ama al pueblo ruso que sencillamente lo detesta por su debilidad y sus pecados. No se puede admitir ni perdonar a semejante filósofo. Esto se llama misantropismo.

En las antípodas de tal posición se encuentra precisamente el humanismo: el amor por el ser humano, el antropocentrismo, el respeto por la persona, su libertad, unicidad y posibilidad de perfeccionamiento.

Pero el amor y el respeto por la persona no es un descubrimiento de los humanistas italianos. Por ello el humanismo histórico como proceso de formación de sus principios y postulados es sólo una etapa en la historia de la *amplia y espontánea* - yo diría - *popular y cotidiana percepción del mundo humanista*.

En todas las civilizaciones, comenzando desde los tiempos del paganismo, de un modo natural surgieron diferentes motivos humanistas, imágenes, ideas y formas de comportamiento de la gente sencilla. Propiamente hablando, hasta hoy vemos el amor, la bondad, la solidaridad, el respeto, la libertad y otras virtudes habituales, las energías vitales más necesarias.

El príncipe Petr Kropotkin (y no sólo él) dieron prioridad precisamente al sentimiento de solidaridad y a la ayuda mutua en la lucha del hombre por la existencia. En este sentido veo en nuestra mirada, sentimientos y acciones humanistas un especial tipo de energía humana psico-mental y espiritual-emocional. La cuestión de la vitalidad humana y la energía espiritual es, desde mi punto de vista, el alma del humanismo real

activo. No las ideas ajenas y decretos morales, no la religión y la ciencia, aunque ellas también, sino la más habitual energía de la vida, no viciada por la civilización, y el solidarismo, incluyendo el amor, la amistad, la compasión, es lo que puede ser considerado “principios espontáneos del humanismo”.

Como fuente de ideas, más precisamente de concepciones del mundo, puede considerarse al humanismo del Renacimiento. Pero acaso los preceptos del antiguo dios hebreo Jehová: “no mates”, “ama a tu prójimo como a ti mismo”, ocúpate de tus padres y tus hijos, no hagas el mal, etc. – ¿no son también principios humanistas? Acaso el llamamiento de Allah “apúrate a hacer el bien” – ¿no es humanismo? Y las filosofías del Antiguo Egipto, la Antigua India, la Antigua Grecia – ¿no son humanistas? Recordemos la fórmula del gran Protágoras (siglo V a.C.): “el Hombre es la medida para todas las cosas – para la existencia de lo existente y la no existencia de lo no existente” (3). Como “existente” el filósofo entendía las substancias reales: los animales, la naturaleza, las cosas y, por supuesto, la gente misma; y como “no existente”, las substancias mentales o fantásticas: la idea, la belleza, el bien, el amor, etc.

Pero en el centro está el ser humano como medida superior para todas las cosas. El mismo define todo, inclusive el deber y la libertad, el bien y el mal, pero claro, en correspondencia con la voluntad de los dioses. Un lugar especial los griegos reservaron a Fátuma.

En el Oriente, tanto el Taoísmo como el Confucianismo en China vieron en el hombre el “verdadero corazón del mundo”, el “fruto perfecto” de todas las fuerzas del mundo. Es muy importante saber armonizar las fuerzas yin y yan (los principios femenino y masculino), “ampliar la conciencia”, experimentar la alegría de vivir, despertar en uno mismo la “humanidad” (yen).

Un caso especial es el humanismo budista, que ve el objetivo del perfeccionamiento moral no en el mejoramiento de la vida en la Tierra, sino en la progresiva renuncia al deseo, dedicándose al logro de la iluminación y el nirvana.

La vida terrestre y carnal, en palabras de Buda, son sólo sufrimiento. Puede uno liberarse de él sólo por medio de la interrupción de la cadena de renacimientos (reencarnaciones) y la partida de la Tierra para siempre.

Tal tipo especial de humanismo se justifica con las ideas del ahimsa, la no violencia en relación a todo lo que vive en la Tierra; como así también los principios de las “nobles verdades”: la aspiración de paz, renuncia a la maldad, el odio, la lucha con la mentira, la laboriosidad, el autocontrol, la ayuda recíproca, la renuncia a las pasiones sensuales, etc.

De un modo especial la idea humanista impregna al cristianismo. En la personalidad de Jesucristo se combinan dos naturalezas: la divina y la humana. Según esta “imagen” y “ semejanza” debe vivir el hombre. Debe evitar todo pecado, aprender a distinguir el bien del mal, no permitirse el abatimiento, la soberbia, la envidia; amar a otros, evitar el egoísmo, creer en la libertad, no permitir la violencia. Todo esto es bien conocido.

Un especial significado en el cristianismo se le otorga al alma y al espíritu, a la fe en Dios y la salvación. Pero estas son sólo formas religiosas (envoltorios) de un contenido verdaderamente humanista.

Otra cosa, claro, es que la gente, cualquiera sea la fe a la que pertenezcan o aún siendo ateos, no son ángeles y por lo tanto no se comportan exactamente como quisieran. Cristo enseña: “Ama a tu enemigo”. “Amáos los unos a los otros”. Pero son pocos los que observan estos preceptos. Por eso F.Nietzsche dice que en la historia sólo Jesucristo fue el único, “primero y último” cristiano que vivió “para mostrar cómo hay que vivir... En definitiva, existió sólo un cristiano, que murió en la cruz” (4).

En el momento actual, algunas organizaciones laicas: partidos, sindicatos, sociedades artísticas, religiones e incluso gobiernos, se muestran a las masas en el rol de humanistas y protectores de la felicidad humana. Frecuentemente se trata de una actitud especulativa, de propaganda dirigida a atraer gente al propio bando. Aprovechando que la mayor parte de la gente sencilla se inclina al humanismo instintivo y espontáneo.

Por eso podemos, con pleno fundamento, afirmar que la orientación humanista, la actitud humanista, es el principio universal del desarrollo personal y social. Su fuerza está en la simpleza y la coherencia; lo cual la diferencia de las religiones, los partidos, los estados y otras instituciones, que no tanto unen a la gente, cuanto la dividen en diferentes grupos enemigos, según fe, ideología, nacionalidad, profesión, edad, etc.

El humanismo ignora (o casi concientemente supera) estas diferencias y ve al ser humano como una personalidad libre, igualitaria, digna, creativa, valiosa y única. La tarea del humanismo está en ayudar al desarrollo de las mejores cualidades del hombre: voluntad, razón, sensibilidad, fe en sí mismo, tolerancia y muchas otras.

El Nuevo Humanismo que desarrolla Silo y sus amigos, entre ellos Hugo, Eduardo, Antonio y miles de otros entusiastas, entre ellos nosotros, los reunidos en esta sala, se nutre de los mejores logros del humanismo mundial y los transforma en acción social, en correspondencia con las condiciones del mundo actual.

Esta tarea no es fácil, pero es muy importante. Toda la historia se conjuga con contradicciones y violencia: una estimula a la otra. Romper este

círculo vicioso es muy difícil, pero de cualquier modo, precisamente esta tarea se plantean todos los movimientos democráticos.

La Internacional Humanista se plantea el cumplimiento de esta tarea por “medios no violentos”. En el mundo actual, la gama de posibles acciones no violentas es extremadamente amplia y diversa: radio, televisión, demostraciones, campañas de desobediencia civil, manifestaciones pacifistas, campañas ecológicas y mucho más. En este sentido, la “lucha por la humanización del mundo, en su desarrollo y consecuencias, garantiza el progreso” (5).

Partiendo de estos postulados, el nuevo humanismo no deja a un lado la vida sino todo lo contrario: participa en ella activamente. Se expresa en la forma de Movimiento y de partidos humanistas; en apoyo de la democracia; contra la violencia, la discriminación y la alienación; contra la dependencia y el dictado de los monopolios; por el desarme y la cooperación pacífica entre los pueblos; por la liquidación de la pobreza; en defensa de la seguridad ecológica. Este enfoque abre el camino para una coalición franca y constructiva con todos los movimientos y partidos democráticos, en condiciones de respeto mutuo e igualdad.

El Movimiento Humanista en diferentes países del mundo organiza regularmente congresos científicos internacionales y encuentros políticos. En diferentes capitales del mundo funcionan pequeñas emisoras de radio y televisión, clubes, se desarrollan actividades educativas, encuentros de jóvenes de las capas media y baja de la población.

La filosofía del Nuevo Humanismo no se limita a la ética, aunque precisamente ella descansa en su base; sino que abarca el más amplio círculo de cuestiones: economía, política, ecología, relaciones internacionales, educación, informática, cultura, etc. No se trata sólo del aspecto ético de esta visión del mundo, sino también sobre la práctica, en cuanto desarrollo de la solidaridad social y la autodeterminación de una personalidad íntegra y autónoma.

Al fin de cuentas, sólo la orientación humanista posibilita el desarrollo generoso de la humanidad, protegiéndola del suicidio físico y ético-espiritual. Por este camino, las realidades de la existencia actual comenzarán a acercarse al ideal de la justicia social y a la eliminación de todo “mal estructural”.

Consideramos, siguiendo a Nicolás Berdiaev y otros filósofos del Siglo de Plata, que “No es la persona parte de la sociedad, sino que la sociedad es parte de la persona... La persona sólo parcialmente pertenece a la sociedad” (6).

Precisamente el valor de la vida humana es la base sobre la cual se construye nuestra concepción de no-violencia. Esta concepción nace ya en

tiempos antiguos, aunque se materializó más brillantemente en la filosofía de León Tolstoy y Mahatma Gandhi. “Satanás – en palabras de Tolstoy – no puede ser expulsado por Satanás, la mentira no puede ser eliminada por la mentira y el mal no puede ser vencido por el mal. Por ello, el no empleo de la violencia contra la maldad es el único medio para vencer al mal” (7).

Ni “ojo por ojo” ni “sangre por sangre”; no por la venganza justa, como enseña el Viejo Testamento, sino con el perdón, la tolerancia, la lucha no violenta contra la maldad. Estas son las ideas de Tolstoy.

Esta idea fue encarnada en la práctica política por el gran líder del pueblo indio Mohandas Karamchand Gandhi (1869 – 1948). En este año se celebró el 138 aniversario del nacimiento de Gandhi; y ese mismo 2 de octubre de 2007 se celebró el Día Internacional de la No Violencia. Las cuatro campañas de la marcha internacional Satyagraha bajo la conducción de Gandhi en los años 30 del siglo XX, en lucha contra los colonizadores ingleses y por una “sociedad de justicia social”, pasaron a la historia como una grandiosa hazaña humana.

Nuevas iniciativas humanistas, inclusive nuestro seminario de hoy, entran en la corriente común del movimiento hacia la solidaridad, el bien y la humanización de la existencia; del movimiento contra la violencia y las guerras, contra el egoísmo, la mentira y otros impedimentos a la liberación y el crecimiento de cada persona y de toda la humanidad.

En Rusia hoy la autoridad de la visión humanista se fortalece crecientemente. En la lucha contra la seducción del consumismo, la riqueza y el poder, sin ninguna duda, la idea humanista triunfará.

Bibliografía

1. Dante. La divina comedia – Moscú: 1998.
2. Calvino. La institución de la religión cristiana. T.1. Moscú: 1997.
3. Diógenes Laercio. Sobre la vida, sentencias de grandes filósofos. Moscú: 1979.
4. Nietzsche F. Obras completas. T.2. Moscú: 1990.
5. Internacional Humanista. Documentos y materiales. Moscú: 1992.
6. Berdiaev N. Espíritu y libertad. Moscú: 1994.
7. Tolstoy L. Sobre la verdad, la vida y el comportamiento. Moscú: 1998.

Практические основы ненасилия как метода нового гуманизма

Э. Госало Гонсалес

Новый гуманизм, душой которого стало учение Сило, предлагает новый взгляд на то, какими критериями мерить полноценность наших действий. Таким критерием становится «внутреннее ощущение действия», понятие, сформулированное Сило в 1978 году, в его лекциях на Канарских островах.

Что есть полноценное действие? На этот вопрос были даны разные ответы, и почти всегда они связаны с определением действия как хорошего или плохого. Речь всегда шла об определении полноценного действия в рамках того, что с древности называлось этикой или нравственностью. Изначально нас интересует, что делает действие полноценным.

Среди ответов на этот вопрос были и те, что давались и с религиозных, и с юридических, и с идеологических точек зрения. Все рекомендации исходили из того, чтобы дать ответ: что есть действие во зло и что есть действие, приносящее добро. Все это важно с точки зрения того, насколько каждый поступок меняет направление жизни человека. Все в человеческой жизни зависит от этого направления. Если я вижу определенным образом свое будущее, моя нынешняя жизнь строится исходя из этого видения. Поэтому все эти вопросы о полноценном и неполноценном действии, добре и зле определяют не только будущее человека, но и его настоящее. Определяют не только жизнь одного человека, но и коллективов людей, целых народов.

Различные религиозные доктрины предлагали свои варианты ответов. Верующие говорят, что надо выполнять определенные правила, следуя Божественным предписаниям. И это хорошо для тех, кто исповедует ту или иную религию. Однако разные религии постулируют разные предписания. Одни запрещают определенные действия, чтобы избежать нежелательных противодействий. Другие – чтобы избежать адского огня. Некоторые изначально универсальные религии не совпадают в своих предписаниях и заветах. Но наибольшую тревогу вызывает то, что весьма большие группы населения в разных частях света не могли, даже если очень хотели, следовать этим предписаниям и заветам, потому что не принимали их всей душой, не чувствовали их своими. И получалось, что неверующие – которые с точки зрения этих религий все равно Божьи создания – не следуя этим предписаниям, оказывались вне Божьей благодати. *Религия, если она*

универсальна, должна быть таковой не потому, что она распространена на большой территории, а потому, что она должна жить в сердце человека, независимо от его социального статуса или местоположения.

Юридические законы также постулируют, что надо делать, а чего необходимо избегать в человеческих отношениях и в обществе. Есть множество кодексов, которые регулируют отношения между людьми. Есть уголовный кодекс, предусматривающий наказуемость за определенные преступления, другими словами, за поступки антисоциального характера. Юридические системы дают, таким образом, свою версию ответа на вопрос, что есть плохой, а что есть хороший поступок. Таким образом, религии дают рекомендации исповедующим их верующим, а юридические системы вырабатывают законы и правила, годные для того или иного исторического момента, социальной организации. Но ни те, ни другие ничего не могут сказать о том, что делать человеку, индивидууму. Здравый смысл подсказывает людям, что общество должно каким-то образом регулироваться во избежание хаоса. Но с очевидностью все это имеет отношение к технике регулирования социального поведения, а не к моральному обоснованию. Вот как получается, что юридически выверенные нормы поведения в рамках разных сообществ иногда противоречат друг другу. Юридические системы не универсальны по своей природе. Они годны лишь для определенного момента, определенной структуры и не могут быть применимы всеми людьми, в любой эпохе или в любом месте земного шара. И, что самое главное, они ничего не могут дать индивидууму, чтобы он мог определить для себя, что есть добро или зло.

Идеологические доктрины - большие любители длинных интеллектуальных описаний. Некоторые из них постулируют, что человек разновидность хищного животного, который идет вперед, во что бы то не стало, иногда по трупам. Эта нравственная система определяется жадной властью. Оно может показаться романтической, но на самом деле она ориентирована только на успех любой ценой и ничем не может помочь человеку, когда по дороге к этой власти с ним случаются неприятности.

Есть другая идеологическая доктрина, которая гласит: поскольку природа эволюционирует, и человек есть продукт этой эволюции, то он есть отражение тех условий, что сложились в данный момент. И его поведение лишь отражает тот тип общества, в котором он живет. Так что, например, у одного класса может быть одна мораль, а у другого – другая. Таким образом, этика определяется объективными условиями и

средствами производства. Поэтому не стоит особо беспокоиться, потому что человек действует автоматически, повинаясь импульсам извне. Эволюция материи идет по направлению к энтропии, физики говорят о том, что мир скоро умрет, поэтому любой поступок, совершенный в результате таких автоматических процессов заранее предвещает смерть мира. В рамках такого автоматического подхода человек делает, что получается, потому что его к этому подталкивают объективные факторы. Где добро и зло?

Есть и такие доктрины, которые утверждают: нравственность – это разновидность социального давления, которое сдерживает наши импульсы, и вот это сдерживание осуществляется неким супер-эго. И понимание этого приводит к тому, что в котле сознания эти импульсы сублимируются и направляются в одну сторону. Здесь мы имеем дело с таким разделением: «вот давление общества, а вот мои импульсы, и похоже на то, что импульсы эти могут сублимироваться, если я, например, художник. И если получается сублимировать, то хорошо, а если нет – все закончится неврозом». Получается, что такая мораль есть некий способ противостоять социальному давлению под угрозой заболеть неврозом.

Другие психологические доктрины трактуют добро и зло сквозь призму адаптации. Такая адаптационная мораль позволяет вписаться в некий коллектив, и по мере того, как индивидуум выпадает из коллектива, у него появляются проблемы. Так что уж лучше идти в ногу и вписываться. Такая система определяет, что есть зло или добро в зависимости от степени адаптации, достигнутой индивидуумом в его среде.

Во времена всеобщей усталости культуры, которые уже имели место в разных цивилизациях, возникают краткосрочные, моментальные ответы на вопросы о том, как надо и как не надо себя вести. Я говорю об этических школах декаданса. В различных культурах на этапе их заката находятся моралисты, которые торопятся найти способ, как бы получше упорядочить свои принципы исходя из острой необходимости придать своей жизни направление, а не следовать какой-либо идеологии. Некоторые говорят приблизительно следующее: «жизнь потеряла всякий смысл, поэтому я могу жить в свое удовольствие... если получится». Им вторят другие: «Так как особого смысла в жизни мы не видим, то надо делать то, что приносит удовлетворение и обеспечивает хорошее самочувствие, чего бы это ни стоило». Другие декадансные школы утверждают: «Мне плохо и сама жизнь есть страдание, поэтому надо хотя бы соблюдать приличия и стоически все это воспринимать».

Несмотря на то, что предлагаемые этими школами решения носят временный характер, за ними тоже стоит идеология. Она утверждает, что смысл утерян, и сама по себе является реакцией на эту потерю смысла.

Есть и другая психологическая концепция, хотя ее нелегко классифицировать, которая утверждает: «Правильное действие – это, то что совершается свободно. Действие служит освобождению». Такая позиция весьма сложно воспринимается обычным человеком, ищущим ответ на вопрос «Что делать?».

Все сходятся лишь в одном: вопрос обоснования действия важен. Для нас он представляется первостепенным.

Обосновать действие с помощью абсурдных теорий в надежде, что в них каким-то неожиданным образом образуется ответственность – невозможно. Рассуждение о том, что «так сложилось, что я должен это сделать и поэтому я это сделаю» напоминает сделку с банком. О какой ответственности может идти речь, если мир, в котором ты живешь, абсурден и заканчивается ничем?

Каковы истоки полноценного действия?

Истоки полноценного действия не лежат в области идеологий, религий, верований или социальных правил. Несмотря на то, что все эти вещи действительно важны, истоки полноценного действия не имеют к ним отношения, они – *во внутреннем ощущении, которое вызывает само действие*. И между внешними критериями и критерием внутреннего переживания человеком своих действий, существует огромная разница.

Каковы же характеристики внутреннего ощущения полноценного действия?

1. оно переживается как гармоничное, целостное;
2. оно сопровождается ощущением роста;
3. его хочется испытать вновь, придавая ощущение преемственности во времени.

Давайте рассмотрим эти три аспекта по отдельности.

В сложной ситуации я могу поступить самым разным образом. Если я подвергся нападению, то моя реакция может оказаться насильственной. То есть, отвечая раздражением на внешний стимул и на то напряжение, которое он у меня вызвал, я почувствую, что разрядился и испытаю облегчение. Казалось бы, таким образом первое условие полноценного действия выполнено: внешний стимул вызывал раздражение, я даю ему ход и получаю ощущение разрядки, в результате чего возникает ощущение гармонии.

Полноценное действие не может определяться исключительно ощущением разрядки, потому что эта разрядка кратковременна, и третье важное ощущение - преемственности во времени - не возникает.

Допустим, в момент *А* я реагирую таким образом, что вызываю разрядку. Но в момент *Б* мне это уже не приносит радости, а вызывает ощущение противоречия. Эта разрядка не вызвала гармоничного ощущения, потому что следующий после нее момент противоречит предыдущему. Совершенно необходимо, чтобы действие сопровождалось ощущением непрерывности во времени, чтобы не возникало противоречий или других нарушений.

Можно привести многочисленные примеры, когда действие кажется полноценным, но через минуту оно уже не кажется таковым, и человек не хочет продолжать действовать в том же духе, потому что оно вызывает у него не ощущение гармонии, а противоречивые чувства.

И есть еще один фактор: ощущение внутреннего роста. Множество действий, совершаемых в течение дня, выглядят как разрядка в результате напряжения. Эти действия не связаны с этикой. Мы их совершаем, они приводят к переживанию удовольствия, но и только. И если снова возникает напряжение, мы, уподобляясь конденсатору, который накапливает заряд, а потом разряжается, тоже разряжаем это напряжение. Возникает впечатление, что мы в порочном круге повторяющихся действий, который оставляет странное чувство того, что если жизнь есть вот эта вот череда страданий и удовольствий, то она недалеко от абсурда. Получается, что наши реакции не зависят от нашей воли, от нашего выбора.

Но есть действия, которые мы, возможно, и не так часто совершали в нашей жизни, но они оставили стойкое ощущение гармонии, целостности. От этих действий также остается ощущение того, что в нас что-то улучшилось. Возникает желание повторить их в будущем, создавая переживание того, что мы растем, становимся лучше. *Эти три ощущения – целостности, внутреннего роста и преемственности во времени и есть индикаторы полноценного действия.*

Мы не утверждаем, что эти критерии лучше других и что им надо следовать, во что бы то не стало. Мы просто сформулируем некое предложение и систему критериев их оценки. Мы говорим о тех действиях, которые вызывают ощущение внутреннего единства или противоречия. И, наконец, мы рассказали о том, как можно добиться того, чтобы полноценные действия совершались нами чаще обычного.

«Если ты будешь повторять действия, направленные на внутреннее единство, уже ничто не сможет тебя остановить», говорит Сило.

Очевидно, что не все наши благие намерения реализуются. Часто мы пытаемся сделать что-то важное, и у нас не получается. Мы осознаем, что порядок вещей можно улучшить, усовершенствовать; полноценное действие тоже можно усовершенствовать и *повторение тех поступков, которые вызывают ощущение целостности, роста и преемственности во времени и есть такой путь усовершенствования полноценного действия.*

Принципы полноценного действия, описаны Сило, для укрепления внутреннего единства.

Самый главный Принцип из всех, гласит: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Этот принцип не нов, ему тысячи лет. Он выжил в разных культурах и религиях. Он универсален и его формулировали самыми разными способами. Иногда через отрицания: «Не делай другому того, что не хочешь, чтобы делали тебе». Это другой подход к той же идее. Другой его вариант: «Возлюби ближнего как самого себя». Это величайший этический принцип, и это самый важный принцип полноценного действия.

Но как же я хочу, чтобы другие обращались со мной? Если мы принимаем то, что хорошо бы обращаться с другими так, как хочешь, чтобы обращались с тобой. Отвечая на этот вопрос, предполагается, что я отвечу – вот такие действия причиняют мне зло, а такие – добро. То есть мы возвращаемся на круги своя – мы оцениваем действие исходя из этических категорий, в рамках теорий и религий. Мне хорошо от того, от чего может быть хорошо и другим. И всегда найдется некто, кто будет причинять зло, потому что ему нравится, чтобы с ним плохо обращались.

Для нас важно ориентироваться на основы полноценного действия, а они лежат в ощущении, которое порождает это действие.

Если я говорю «поступай с другими, как тебе бы хотелось, чтобы поступали с тобой», то я имею в виду, что в сознании должен быть некий механизм, который создает проблемы в момент, когда мы причиняем зло другим людям. Что это за механизм? Допустим, я вижу страдающего человека, или кого-то, кто порезался у меня на глазах – во мне это находит немедленный отклик. Как может отражаться на мне то, что происходит с другим? Это магия!

Известно, что любому восприятию соответствует образ, и также понятно, что одни образы вызывают напряжение, а другие –

расслабление. Любому восприятию соответствует некая репрезентация, которая, в свою очередь, вызывает ощущение. Так что понять механизм восприятия явления через внутренний его образ, который мобилизует некие ощущения в разных частях своего тела, не так сложно.

Поэтому, конечно же, мы идентифицируемся с человеком, порезавшим палец у нас на глазах. Я с ним идентифицируюсь, потому что я его вижу, и мои зрительные образы вызывают к жизни кинестетические и тактильные образы, а они, в свою очередь, вызывают реакцию в форме ощущения и все это выливается в то, что я чувствую порез другого человека на себе.

Но что интересно – мне больно не только от вида страданий другого человека, но и от своих собственных действий, причиняющих страдания другому, потому что мои действия также порождают во мне определенные ощущения.

Здесь речь идет уже о втором круге импульсов. Первый соответствует внешнему восприятию, репрезентации, восприятию самой репрезентации и внутреннему ощущению. А второй – это уже наши действия, и его можно описать так: любому действию, которое я совершаю во внешнем мире, соответствует также внутреннее ощущение.

Подобного рода обратная связь позволяет нам учиться действовать. Если бы я не осознавал эту обратную связь в результате своих действий, я бы не мог их совершенствовать. Печатать, например, я учусь в результате повторения действий, я фиксирую свои ошибки и удачи. Но я могу их фиксировать только потому, что я совершаю эти действия. В среде интеллектуалов существует укоренившийся предрассудок, перекинувшийся в область педагогики, что можно чему-то научиться, лишь помыслив об этом. Человек чему-то научается, когда он получает информацию извне. Но механизм работы энергетических центров, отвечающих у человека за реакцию, основан на образах, которые в них попадают и мобилизуют их работу; а работа состоит в том, что они испытывают напряжение, разряжающееся в действиях во внешнем мире. И реакция на эти действия фиксируется уже другими механизмами сознания, механизмами «второго круга». Она говорит, например, «ты ошибся клавишей», или «ты нажал правильную клавишу».

Первый круг отвечает за фиксацию ощущений страдания другого. Второй – за фиксацию ощущений, производимых мной действиями.

Среди действий мы четко различаем те, что способствуют объединению внутренних смыслов, приобретению внутреннего

единства и те, что вызывают остро противоречивую, разрушительную внутреннюю реакцию. Эти последние заставляют человека так сильно страдать и раскаиваться, вызывают ощущение такого глубокого разлада, что вряд ли захочется их повторить. Эти действия, даже оставаясь в нашем прошлом, оказывают влияние на наше настоящее, не будучи осмысленными и гармонично включенными в поток сознания; они препятствуют воссозданию ощущения внутреннего роста, о котором мы говорили ранее.

Наши действия, совершаемые в мире, крайне важны. Одни вызывают ощущение целостности, другие - разлада. Те из них, что придают нам целостности, позволяют нам расти, улучшают и совершенствуют нас, мы называем полноценными, и с их помощью мы несем другим людям те же ощущения гармонии, что переживаем сами.

Действие меняет внешнюю среду (общество) и внутреннюю среду (психику). *Ненасильственное действие, противостоя насильственному, открывает путь, устремленный в будущее.*

Сегодня нам нужны четкие ориентиры, чтобы выстраивать свое поведение. Эти ориентиры должны носить универсальный характер, особенно в ситуации стирания границ во всем мире (мундиализации), когда ни одна из культур не может дать удовлетворяющий всех ответ на главные вопросы. Любая культура стремится не только выжить, но и навязать себя другим, поэтому из каждой из них необходимо взять наиболее прогрессивные и ценные элементы, чтобы совершить переход к построению универсальной человеческой общности.

Поэтому¹:

Мы утверждаем человека как высшую ценность, не сопоставимую ни с религией, ни с государством, ни с капиталом, ни с любыми общественными системами или моделями.

Мы за свободу мышления.

Мы утверждаем равенство прав и возможностей для всех людей.

Мы признаем и поощряем разнообразие культур и обычаев.

Мы против любых форм дискриминации и физического, экономического, расового, религиозного, сексуального и морального насилия.

Мы поставили перед собой цель максимально способствовать воплощению в жизнь правила «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой».

---

¹ Предлагается включить в Декларации настоящей конференции.

Fundamentos prácticos de la no-violencia como metodología del nuevo humanismo

Eduardo Gozalo González

El nuevo humanismo, inspirado en el pensamiento de Silo, plantea un nuevo enfoque sobre la justificación de la acción, basado en el registro interno de la acción explicado en Canarias en el año 1978.

¿Cuál es la acción válida? A esta pregunta se ha respondido o se ha tratado de responder de distintos modos, y casi siempre teniendo en cuenta la bondad o la maldad de la acción. Se ha tratado de responder a lo válido de la acción. Es decir, se han dado respuestas a lo que desde antiguo ha sido conocido como lo ético o lo moral. Básicamente, nos interesó saber qué era lo válido en la acción.

Hubo respuestas religiosas, hubo respuestas jurídicas, hubo respuestas ideológicas. En todas esas respuestas, se nos decía que las personas debían de hacer las cosas de un modo y también evitar hacer las cosas de otro modo. Esto es de mucha importancia por cuanto el quehacer humano, según tenga una dirección o tenga otra, desarrolla también una forma de vida distinta. Todo se acomoda a la vida humana, según la dirección. Si mi dirección al futuro es de un tipo, mi presente se acomoda también a él. De manera que estas preguntas en torno a lo válido, lo inválido, lo bueno, lo malo, afectan no sólo al futuro del ser humano, sino que afectan su presente. Afectan no sólo al individuo, afectan a los conjuntos humanos, afectan a los pueblos.

Diferentes posturas religiosas daban su solución. Los creyentes de determinadas religiones decían que hay que cumplir con ciertas leyes, con ciertos preceptos, inspirados por Dios. Eso era válido para los creyentes de esas religiones. Es más: distintas religiones daban distintos preceptos. Algunas indicaban que no debían realizarse determinadas acciones, para evitar cierta vuelta de los acontecimientos: otras religiones lo indicaban para evitar un infierno. Y a veces no coincidían tampoco estas religiones, que en principio eran universales, tampoco coincidían en sus preceptos y en sus mandatos. Pero lo más preocupante de todo esto era que sucedía en áreas del mundo donde muchísimos de esos habitantes no podían cumplir con esos preceptos, con esos mandamientos, aún queriendo de muy buena fe, porque no los sentían. De tal manera que los no creyentes -que también para las religiones son hijos de Dios-, no podían cumplir esos mandatos, como si estuvieran dejados de la mano de Dios.

Una religión, si es universal, debe serlo no porque ocupe geográficamente el mundo. Básicamente debe ser universal porque ocupe el corazón del ser humano, independientemente de su condición, independientemente de su latitud.

Los sistemas jurídicos establecen, de algún modo, aquello que debe hacerse o debe evitarse en el comportamiento de relación, en el comportamiento social. Existen códigos de todo tipo para reglar las relaciones. Hay hasta códigos penales, que proveen la punición para determinados delitos, es decir para comportamientos considerados no sociales, o asociales o antisociales. Así pues, los sistemas jurídicos también han tratado de dar su respuesta a la conducta humana, en lo que hace al buen o mal comportamiento. Y así como las religiones han dado su respuesta, y está bien para sus creyentes, también los sistemas jurídicos lo han hecho y está bien para un momento histórico dado, está bien para un tipo de organización social dado, pero nada dice al individuo que debe cumplir con una determinada conducta. Porque la gente razonable, sin duda advierte que es interesante que exista una regulación de la conducta social, a fin de evitar un caos total. Pero, claro, esta es una técnica de organización social, pero no es una justificación de la moral. Y por cierto que según su desarrollo y según su concepción, las distintas comunidades humanas tienen normas de conducta jurídicamente regladas, que a veces se oponen. Los sistemas jurídicos no tienen validez universal. Sirven para un momento, para un tipo de estructura, pero no sirven para todos los seres humanos, ni sirven para todos los momentos y todas las latitudes; y lo más importante de todo, nada dicen al individuo acerca de lo bueno y lo malo.

Las ideologías son más amigas de los desarrollos. Algunas doctrinas explicaban que el ser humano es una suerte de animal rapaz, un ser que se desarrolla a costa de todo y que debe abrirse paso a pesar de todo; a pesar incluso de los otros seres humanos. Una suerte de voluntad de poderío es la que está detrás de esa moral. De algún modo esa moral, que puede parecer romántica, es sin embargo exitista; y nada dice al individuo en cuanto a que las cosas le salgan mal en sus pretensiones de voluntad de poderío.

Hay otro tipo de ideología, que nos dice: por cuanto todo en la naturaleza está en evolución, y el ser humano mismo es producto de esta evolución, y el ser humano es el reflejo de las condiciones que se dan en un momento dado, su comportamiento va a mostrar el tipo de sociedad en que vive. Así pues, por ejemplo, una clase va a tener un tipo de moral, y otra va a tener otro tipo de moral. De esta manera, la moral está determinada por las condiciones objetivas, y por las relaciones y por el modo de producción. Así pues no hay que preocuparse mucho, por cuanto uno hace lo que mecánicamente está

impulsado a hacer. La materia en evolución va a la entropía; los físicos hablan de la muerte final del mundo, por lo tanto todo acto moral mecanicista, proclama por anticipado la muerte del mundo. De tal manera que limitándonos al desarrollo mecánico, yo hago lo que hago, porque estoy impulsado en tal sentido. ¿Dónde está el bueno y dónde está el malo?... Hay un choque mecánico de partículas en marcha.

Otras ideologías nos decían cosas como estas: la moral es una suerte de presión social, una suerte de presión que sirve para contener la fuerza de los impulsos, y esta contención que efectúa es una suerte de super-yo, esta compresión que hace en el caldero de la conciencia permite de todas maneras que aquellos impulsos básicos se vayan sublimando, vayan tomado cierta dirección.

Así que por aquí hay una presión de un conjunto social, y acá yo tengo impulsos, y parece que las cosas se pueden sublimar, siempre que yo sea artista, por ejemplo. Entonces va a estar bien si puedo sublimar; y si no, parece que terminaré en la neurosis. De modo que esto de la moral, en realidad es una forma de encarar estas presiones, para no reventar de neurosis.

Otras ideologías, también psicológicas, explicaron lo bueno y lo malo según la adaptación. Una moral conductual adaptativa, algo que permite encajar en un conjunto y, en la medida en que uno desencaja de ese conjunto, se segrega de ese conjunto, tiene problemas. Así que más vale andar derechito, y encajar bien en el conjunto. La moral entonces nos dice qué es lo bueno y qué es lo malo, de acuerdo a la adaptación que debe establecer el individuo, al encajar que el individuo tenga en su medio.

En las épocas de las grandes fatigas culturales, como sucedió ya repetidamente en otras civilizaciones, surgen las respuestas cortas, inmediatas, acerca de lo que se debe hacer y de lo que no se debe hacer. Me estoy refiriendo a las llamadas escuelas morales de la decadencia. En distintas culturas, ya en su ocaso, surgen suertes de moralistas que muy rápidamente tratan de acomodar sus cosas -por necesidad más que por ideología-, tratan de acomodar sus cosas como buenamente pueden, a fin de dar una dirección a su vida.

Están algunos que dicen más o menos esto: "La vida no tiene ningún sentido, y como no tiene ningún sentido, puedo hacer cuanto me plazca... si puedo".

Otros dicen: "Como la vida no tiene mucho sentido, debo hacer aquellas cosas que me satisfacen, que me hacen sentir bien, a costa de todo lo otro".

Hay otras doctrinas de las escuelas morales de la decadencia que dicen: "Ya que estoy en una mala situación y hasta la misma vida es sufrimiento, debo hacer las cosas guardando ciertas formas. Debo hacer las cosas como un estoico".

Detrás de estas escuelas, aunque sean respuestas de emergencia, hay también ideología. Está, parece, la ideología básica de que todo ha perdido sentido, y se responde de urgencia a esa pérdida de sentido.

Hay otras concepciones, -tal vez psicológicas, y esto no es tan fácil de definir- que nos dicen: La recta acción es aquella que se cumple con desapego". "La acción en todo caso sirve para liberar". Esta es una postura un poco difícil, muy difícil para la persona normal que se pregunta "¿qué hago?".

Todos han advertido la importancia que tiene la justificación o injustificación de un acto. A nosotros nos importa mucho este problema de la acción y de la justificación de la misma.

No se puede justificar la acción con una teoría del absurdo, en donde de pronto aparece de contrabando el compromiso. Sucede que estoy comprometido con eso, y por eso debo cumplirlo. Una especie de coacción bancaria. No puedo establecer ningún tipo de compromiso si el mundo en que vivo es absurdo y termina en la nada.

¿Cual es la base de la acción válida?

La base de la acción válida no está dada por las ideologías, ni por los mandatos religiosos, ni por las creencias, ni por la regulación social. Aún cuando todas estas cosas sean de mucha importancia, la base de la acción válida no está dada por ninguna de ellas, sino que está dada por **el registro interno de la acción**. Hay una diferencia fundamental entre esta valoración que parece provenir del exterior y esta valoración que se hace de la acción por el registro que el ser humano tiene de lo que precisamente hace.

¿Y cuál es el registro de la acción válida?

El registro de la acción válida es aquel que:

1. se experimenta como unitivo;
2. da al mismo tiempo sensación de crecimiento interno,
3. se desea repetir, porque tiene sabor de continuidad en el tiempo.

Examinaremos estos tres aspectos de modo separado. El registro de unidad interna por una parte, la continuidad en el tiempo por otra.

Frente a una situación difícil, puedo yo responder de un modo o de otro. Si soy hostigado, por ejemplo, puedo responder violentamente, y frente a esa irritación que me produce el estímulo externo, y esta tensión que me provoca, puedo distenderme, puedo reaccionar violentamente y al hacerlo experimentar una sensación de alivio. Me distiendo. Así pues, y aparentemente, se ha cumplido la primera condición de la acción válida: frente a un estímulo irritante, lo saco de enfrente y al hacerlo me distiendo y al distenderme tengo un registro unitivo.

La acción válida no puede justificarse simplemente por la distensión, porque sucede que aunque me distienda en ese instante, no tiene ese registro continuación en el tiempo.

En el momento A produzco la distensión al reaccionar de ese modo, en el momento B, no estoy para nada de acuerdo con lo que hice. Esto me produce contradicción. Esa distensión no es unitiva por cuanto el momento posterior contradice al primero. Es necesario que la acción cumpla, también, con el requisito de la unidad en el tiempo, sin presentar fisuras, sin presentar contradicción.

Así podríamos presentar numerosos ejemplos en donde esto de la acción válida para un instante no lo es para el siguiente, y el sujeto no puede, cabalmente, tratar de prolongar ese tipo de actitud, porque no registra unidad sino contradicción.

Pero hay otro punto: que tampoco se registra una suerte de sensación de crecimiento interno. Hay numerosas acciones que todos hacemos durante el día, determinadas tensiones que aliviarnos distendiendo. Estas no son acciones que tengan que ver con lo moral; y las realizamos y nos distendemos y nos provoca un cierto placer, pero ahí queda. Y si nuevamente surgiera una tensión, nuevamente la descargaríamos con esa suerte de efecto de condensador, donde sube una carga y al llegar a ciertos límites se la descarga. Y así, con este efecto condensador, de cargar y descargar, nos da la impresión de que estuviéramos metidos en una eterna rueda de repeticiones de actos, en donde en el momento en que se produce esa descarga de tensión la cosa resulta placentera; pero nos deja un extraño sabor de que si la vida fuera simplemente eso, una rueda de repeticiones, de placeres y dolores, no pasaría del absurdo. Y hoy, frente a esta tensión, provocho esta descarga. Y mañana del mismo modo... sucediéndose la rueda de las acciones, como el día y la noche, continuamente, independiente todo de la voluntariedad humana, independiente todo de la elección humana.

Hay acciones, sin embargo, que tal vez muy pocas veces hayamos realizado en nuestras vidas. Son acciones que nos dan gran unidad en el momento. Son acciones que nos dan además registro de que algo ha mejorado en nosotros, cuando hemos hecho eso. Y son acciones que nos dan una propuesta a futuro, en el sentido de que si pudiéramos repetir las, algo iría creciendo, algo iría mejorando. Son acciones que nos dan unidad, sensación de crecimiento interno, y continuidad en el tiempo. Esos son los registros de la acción válida.

Nosotros no decimos que esto sea mejor o peor, o deba coercitivamente hacerse.

Hemos dado más bien las propuestas, y los sistemas de registros que corresponden a esas propuestas. Hemos hablado de las acciones que crean unidad, o crean contradicción. Y por último hemos hablado del perfeccionamiento de la acción válida, por la repetición de esos actos.

Como para cerrar un sistema de registros de acciones válidas, decimos:

"Si repites tus actos de unidad interna, ya nada podrá detenerte".

Esto último habla no sólo del registro de unidad, de la sensación de crecimiento, de la continuidad en el tiempo. Eso habla del perfeccionamiento de la acción válida.

Es claro, que no todas las cosas nos salen bien en los intentos. Muchas veces tratamos de hacer cosas interesantes, y no salen tan bien. Nos damos cuenta de que las cosas pueden mejorar y pueden perfeccionarse; y también la acción válida puede perfeccionarse; y la repetición de aquellos actos que dan unidad y crecimiento y continuidad en el tiempo, la repetición de las acciones válidas, es el perfeccionamiento de la misma acción.

Silo expone en Principios muy generales, los registros de la acción válida.

Hay un Principio mayor, el Principio mayor de todos, aquél que dice: "Trata a los demás como quieres que te traten a ti." Este Principio no es cosa nueva. Este Principio tiene milenios. Ha aguantado el paso del tiempo en distintas regiones, en distintas culturas. Es un Principio universalmente válido. Se ha formulado de distintas maneras este Principio. Se lo ha considerado por el aspecto negativo, por ejemplo, diciendo algo así como: "No hagas a otros lo que no quieres que te hagan a ti". Es otro enfoque de la misma idea. O bien se ha dicho: "Ama a tu prójimo como a ti mismo". Es otro enfoque. Desde

antiguo se ha hablado de este Principio. Es el más grande de los Principios morales. Es el más grande de los Principios de la acción válida.

Pero ¿como quiero que me traten a mí? Porque se da por sentado que será bueno tratar a los demás como uno quisiera que lo traten a uno mismo. Y ¿cómo quiero yo que me traten a mí mismo? Tendré que responder a eso diciendo que si me tratan de un modo me hacen mal y si me tratan de otro me hacen bien. Tendré que responder acerca de lo bueno y de lo malo. Tendré que volver a la eterna rueda de definir la acción válida, según una u otra teoría, según una u otra religión. Para mí será buena una cosa, para otra persona será la misma cosa. Y no faltará alguno que tratará muy mal a otro, aplicando el mismo Principio, porque sucede que a él le gusta que lo traten mal.

Nos interesa ir a la base de la acción válida, y la base de la acción válida está en el registro que se obtiene de ella.

Yo digo "tratar a los demás como quiero que me traten" ¿Y ésto por qué, a su vez? Habrá algún mecanismo en uno, habrá alguna forma en el funcionamiento de la mente, que crea problemas en uno cuando uno trata mal a los otros. Y ¿cómo puede ser ese funcionamiento? Si yo veo a alguien en muy mala condición, o veo a alguien de pronto que sufre un corte, o una herida, algo resuena en mí. ¿Cómo puede resonar en mí algo que le está sucediendo al otro? ¡Es casi mágico!.

Sabemos bien que a toda percepción corresponde una imagen. Y que algunas imágenes pueden tensar ciertos puntos, otras imágenes pueden distenderlos. Si a toda percepción va correspondiendo una representación, y de esa representación se tiene a su vez registro, es decir, una nueva sensación, entonces no es tan difícil de entender el mecanismo, este de que al percibir un fenómeno, y al tomar la imagen interna de ese fenómeno, y al movilizarse esta imagen, tenga a su vez sensación en distintas partes de mi cuerpo o de mi intracuerpo que se han movilizado por acción de la imagen anterior.

Entonces, claro que me siento identificado cuando alguien sufre un corte. Me siento identificado cuando alguien sufre un corte, porque a la percepción visual de tal fenómeno le corresponde un disparo de imagen visual; y correlativamente un disparo de imágenes cenestésicas y táctiles, de las cuales además tengo una toma interna que da sensación y que termina provocando en mí el registro del corte del otro. No será bueno que trate yo a los demás de mala manera no sólo porque tengo el mismo tipo de registro del sufrimiento del otro -y ahí hay ya algo interesante- sino también porque al hacer un tipo de actividad u otra, tengo registro de lo que hago.

Estoy hablando de un segundo circuito. Una cosa es el primer circuito que corresponde a la percepción, representación, nueva toma de la representación y sensación interna. Y otra cosa es el segundo circuito, que tiene que ver con la acción, y que significa algo así como esto: que a toda acción que lanzo hacia el mundo, de esa acción tengo también registro interno.

Esa toma de realimentación es, por ejemplo, lo que nos permite aprender haciendo cosas. Si no hubiera en mí una toma de realimentación de los movimientos que estoy haciendo, jamás podría perfeccionarlos. Yo aprendo a escribir a máquina por repetición, es decir voy grabando actos entre acierto y error. Pero puedo grabar actos únicamente si los realizo. De tal modo que es desde el hacer, desde donde tengo registro. Hay un prejuicio grande entre muchos intelectuales, que a veces ha invadido el campo de la pedagogía, y es el prejuicio de que se aprenden las cosas por pensarlas. Algo se aprende porque se tiene la recepción del dato. Sin embargo, la mecánica de los centros de respuesta nos dice que estos centros se movilizan cuando hasta ellos llegan imágenes, y la movilización de los centros de respuesta es una sobrecarga de los mismos, que dispara su actividad al mundo. Pero de este disparo de actividad hay una toma de realimentación que va a memoria y que va a conciencia por otro lado. Y esta toma de realimentación es la que nos permite decir, por ejemplo, me equivoqué de tecla, esto está bien. Y ahí voy registrando la sensación del acierto y del error. Y ahí voy perfeccionando el registro del acierto.

Estamos hablando de un segundo circuito. **El primero se refería al dolor en el otro que yo registro en mí. El segundo circuito habla del registro que tengo de la acción que produzco.**

Habrán acciones que permitan integrar contenidos internos, y habrá acciones tremendamente desintegradoras. Determinadas acciones producen en el ser humano tal carga de pesar, tal arrepentimiento y división interna, tal profundo desasosiego, que esta persona jamás quisiera volver a repetirla. Y no obstante han quedado, tales acciones, fuertemente adheridas al pasado. Y aunque no se volviera en el futuro a repetir tal acción, siguen presionando desde el pasado, sin resolverse, sin entregarse, sin permitir que la conciencia traslade, transfiera, integre sus contenidos, y permita al sujeto esa sensación de crecimiento interno de la que hemos hablado anteriormente.

No es indiferente la acción que se realiza en el mundo. Hay acciones de por sí, de las que se tiene registro de unidad, y acciones que dan registro de desintegración.

Nosotros registramos como unitivo, como valioso, como algo que nos hace crecer, y nos mejora y nos perfecciona, nosotros registramos también como

acción válida, el llevar a otros estas mismas cosas, en palabras y en hechos sencillos.

La acción transforma el medio externo (social) y el medio interno (psicológico); **la acción no-violenta, por contraposición a la acción violenta, es guiada por una dirección mental de apertura al futuro.**

Hoy día necesitamos tener referencias claras de conducta que puedan ser válidas universalmente, en estos momentos de mundialización en donde la tesis cultural no puede dar respuesta satisfactoria.

Cada cultura busca no solo permanecer sino imponerse a otras y pensamos que solo tomando los elementos más progresivos y válidos de ellas se podrá dar un salto en la historia humana superador de etapas culturales pasadas y adentrarnos en la construcción de la nación humana universal.

Por ello: ²

Consideramos al ser humano como máximo valor por encima del dinero, del Estado, de la religión, de los modelos y de los sistemas sociales.

Impulsamos la libertad de pensamiento.

Propiciamos la igualdad de derechos y la igualdad de oportunidades para todos los seres humanos.

Reconocemos y alentamos la diversidad de costumbres y culturas.

Nos oponemos a toda discriminación y a toda forma de violencia física, económica, racial, religiosa, sexual, psicológica y moral.

Nos proponemos dar creciente cumplimiento a esa regla que nos recuerda “tratar a los demás como queremos ser tratados“.

---

² Propuesta a incorporar en la Declaración de Principios final.

**Развитие гуманизма
(от древности до наших дней)**

А.А. Горелов

1. Спор о гуманизме

Начну с одного весьма знаменательного философского спора полувековой давности. Видный представитель известного направления философии XX века – экзистенциализма – Жан Поль Сартр опубликовал в 1946 году брошюру под названием «Экзистенциализм – это гуманизм». В ней он утверждал, что экзистенциализм является современным вариантом гуманизма.

Ж.-П. Сартр дает два определения гуманизма, которые, с его точки зрения, совершенно различны. «Под гуманизмом можно понимать теорию, которая рассматривает человека как цель и высшую ценность» (3, с. 343). Такой гуманизм, по Сартру, ведет к фашизму, который только что вверг человечество в пучину мировой войны. Тут сразу же возникает два вопроса. Каким образом гуманизм, который видит в человеке высшую ценность, может привести к фашизму. И далее, что может считаться высшей ценностью, если не человек. Отвечая на второй вопрос, можно сказать, что высшей ценностью может быть и Яхве, и Аллах, и Троица, и Единое, и Ничто, и Бытие в целом, наконец, любое растение и животное, которые люди считают прародителем данной общественной группы; человек может также признаваться равноценным со всеми другими живыми организмами; вопрос о том, кто представляет собой высшую ценность, вообще может не ставиться. Что касается ответа на первый вопрос, то Сартр отвечал на него следующим образом: «Экзистенциалист никогда не рассматривает человека как цель, так как человек всегда незавершен. И мы не обязаны думать, что есть какое-то человечество, которому можно поклоняться на манер Огюста Конта. Культ - человечество приводит к замкнутому гуманизму Конта и - стоит сказать - к фашизму» (3).

Второе – экзистенциальное - понимание гуманизма, по Сартру, заключается в том, что человек находится постоянно в мире, реализуя себя «в поиске цели вовне, которой может быть освобождение или еще какое-нибудь конкретное самоосуществление» (3, с. 344). Такой позитивный гуманизм и продолжает, по Сартру, экзистенциализм.

Объявление Сартром экзистенциализма — модного философского течения XX века, учреждающего приоритет индивидуального человеческого существования, — гуманизмом

вызвало обращение к родоначальнику экзистенциализма М. Хайдеггеру с просьбой прокомментировать его отношение к попытке обновить понимание данного традиционного для философии термина. Хайдеггер отозвался пространным «Письмом о гуманизме», в котором подверг уничижительной критике понятие гуманизма в западной культуре Нового времени.

Хайдеггер понял, что желание слегка подновить традиционное понимание гуманизма мало что дает. Отвечая на вопрос: «Каким образом можно возратить какой-то смысл слову «гуманизм», Хайдеггер определяет гуманизм как “раздумье и заботу о том, как бы человек был человеческим, а не бесчеловечным, “негуманным”, то есть отпавшим от своей сущности» (4, с. 319). Но что такое сущность человека, вопрошает Хайдеггер, и обращается к греко-римскому «культивированию человечности».

По Хайдеггеру, «высшие гуманистические определения человеческого существа еще не достигают подлинного достоинства человека» (4, с. 328). В философии Нового времени под гуманизмом, по существу, понимался антропоцентризм, который в своем самоутверждении дошел до отрицания всего, что вне его.

Гуманизм Хайдеггера — это «гуманизм, мыслящий человечность человека из близости к бытию. Но это вместе и гуманизм, в котором во главу угла поставлен не человек, а историческое существо человека с его истоком в истине бытия» (4, с. 338). К позиции Хайдеггера близок Н.А. Бердяев. «Повторяется та парадоксальная истина, что человек себя приобретает и себя утверждает, если он подчиняет себя высшему сверхчеловеческому началу и находит сверхчеловеческую святыню как содержание своей жизни» (1, с. 402). «Гуманизм и индивидуализм не могли решить судьбы человеческого общества, они должны были разложиться» (1, с. 394).

Такое пессимистическое заключение о судьбах гуманизма можно принять, если рассматривать гуманизм как явление западной цивилизации, возникшее в эпоху Возрождения. Но обращение к истории человеческой культуры показывает, что феномен гуманизма отнюдь не детище западной цивилизации. Последняя наложила на него свои сущностные черты, но родился гуманизм как таковой гораздо раньше.

2. Три этапа гуманизма

Гуманизм как концепция возник в «осевое время» (по К. Ясперсу) и предстал в трех развернутых формах. Одной из них был *нравственно-ритуальный гуманизм* Конфуция. Социальный кризис в Китае за 6 веков до нашей эры создал Конфуция, который принял

вызов времени. Помогло ему, как ни странно, отсутствие в Китае пантеона богов, который подсказал бы мифологический ответ. Конфуцию пришлось обратиться к человеческой личности, т.е. использовать средства, которые и необходимы для выработки гуманистического учения.

Главный довод Конфуция: в человеческом общении — не только на уровне семьи, но и государства — важнее всего мораль. Главное слово для Конфуция — взаимность. Эта отправная точка поднимала Конфуция над религией и философией, для которых вера и разум оставались основными понятиями.

Основой гуманизма Конфуция выступает почтительность к родителям и уважительность к старшим братьям. Идеалом государственного устройства для Конфуция была семья. Правители должны относиться к подданным, как хорошие отцы семейства, а те — почитать их. Высшие должны быть благородными мужами и показывать низшим пример человеколюбия, действуя в соответствии с «золотым правилом этики».

Мораль, по Конфуцию, несовместима с насилием над человеком. На вопрос: «Как вы смотрите на убийство людей, лишенных принципов, во имя приближения к этим принципам?» Кун-цзы ответил: «Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым» (2, с. 161).

На вопрос: «Правильно ли отвечать добром за зло?» Учитель ответил: «Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью» (2, с. 165). Хотя это не доходит до христианского «возлюбите врагов ваших», но не свидетельствует, что в ответ на зло следует применять насилие. Справедливым будет ненасильственное сопротивление злу. Человеколюбием Конфуций называл сдерживание себя, чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала. Для Конфуция ритуал жертвоприношения выше жалости к животным.

Чуть позже в Греции Сократ сформулировал философскую программу предотвращения насилия путем нахождения в процессе диалога общечеловеческой истины. Это был, так сказать, философский вклад в гуманизм. Как сторонник ненасилия Сократ выдвинул тезис, согласно которому «лучше терпеть несправедливость, чем причинять ее», позднее взятый на вооружение стоиками.

Смерть Сократа характеризует его не меньше, чем жизнь и взгляды. Ученики Сократа – киники – учили довольствоваться малым, а Эпикур, развивая традиции греческой философии, разработал теорию желаний, в соответствии с которой удовлетворять стоит только естественные необходимые желания.

Наконец, третьей формой гуманизма в древности, имевшей не только общечеловеческий, но и, говоря современным языком, экологический характер, был древнеиндийский принцип ахимсы – непричинения вреда всему живому, который стал основополагающим для индуизма и буддизма. На этом примере хорошо видно, что гуманизм отнюдь не противоречит религии.

В конечном счете, христианство победило древний мир не насилием, а силой духа и жертвенностью. Заповеди Христа – это образцы гуманности, которые вполне допускают распространение на природу. Так, пятая евангельская заповедь, которую Л.Н. Толстой считает относящейся ко всем чужим народам, вполне может быть расширена до «возлюбите природу». Но, победив и создав могущественную церковь, христианство повернуло от мученичества праведников к мучительству инквизиции. Под видом христиан к власти приходили люди, для которых главным была власть, а не христианские идеалы, и они-то дискредитировали веру в христианство, способствуя обращению взоров подданных к древности. Пришла эпоха Возрождения с новым пониманием гуманизма.

Новоевропейский гуманизм — это радость расцвета творческой индивидуальности, которая с самого начала была омрачена стремлением к покорению всего окружающего. Это подтачивало *творчески-индивидуалистический западный гуманизм* и вело к постепенной утрате доверия к нему. В гуманизме Нового времени произошла подмена, и он ушел в индивидуализм, а затем в потребительство с социалистической и фашистской реакциями на него. Обе исторические формы гуманизма были несовершенны потому, что в них не было сердцевины гуманности — ненасилия. В гуманизме Конфуция ритуал был выше жалости к животным, в гуманизме Нового времени творчество ориентировалось на господство над природой.

Для гуманизма индивидуальность важна, потому что без личного осознания действие не имеет смысла. Гуманизм Конфуция заключил себя в ритуал, и необходимо стало обращение к личности, которая сама для себя решает, что ей нужно. Но в своем заикливании на себя новоевропейский гуманизм отринул окружающее бытие.

Освобождение от сковывающих ритуалов благотворно, но без ущерба для нравственности, от которой в своей агрессивно-потребительской вседозволенности гуманизм Нового времени все дальше отходил. Западный гуманизм — антитезис конфуцианскому, но вместе с подчиненностью личности общественным порядкам, он выплеснул и гуманность. Произошла подмена гуманизма под влиянием развития западной материальной цивилизации, которая заменила

гуманистическое желание «быть» агрессивно-потребительским желанием «иметь».

М. Хайдеггер прав в том, что европейский гуманизм исчерпал себя в индивидуализме и агрессивности. Но гуманизм — не только западное детище. Возможны иные пути развития цивилизации. Их пролагают и проповедают Л.Н. Толстой, М. Ганди, А. Швейцер, Э. Фромм.

3. Современный гуманизм

В XX веке в мире стала складываться принципиально новая ситуация. Все с большей силой заявляет о себе тенденция глобализации, и это накладывает свой отпечаток на все философские понятия. Критика западной техногенно-потребительской цивилизации заставила пересмотреть в числе прочих и понятие гуманизма.

Хайдеггер выявил недостаточность гуманизма эпохи Возрождения в наше время. Критикуя западный гуманизм, Хайдеггер вел, по существу, к необходимости синтеза древнего гуманизма с новоевропейским. Этот синтез не будет простым соединением того и другого, а качественно новым образованием, соответствующим нашему времени. Синтез западного и восточного гуманизма должен соединить следование нравственным максимам с творением нового.

Хайдеггер утверждал: «“Гуманизм” означает теперь, если мы решимся сохранить это слово, только одно: существо человека существенно для истины бытия, однако так, что все сводится как раз не просто к человеку как таковому» (4, с. 340-341). Н.А. Бердяев говорил о каре за гуманистическое самоутверждение человека. Она в том, что человек противопоставил себя всему окружающему, тогда как он должен был соединиться с ним. Бердяев писал, что гуманистической Европе наступает конец. Но для того, чтобы расцвел новый гуманистический мир. Гуманизм эпохи Возрождения лелеял индивидуализм, новый гуманизм должен быть прорывом сквозь индивидуальность к бытию.

Возникли представления о новом гуманизме, интегральном гуманизме, универсальном гуманизме, экологическом гуманизме, трансгуманизме. На наш взгляд, все эти предложения идут в одном направлении, которое может быть названо *глобальным гуманизмом* как качественно новой формы гуманизма XXI века. Глобальный гуманизм не является творением какой-либо одной цивилизации. Он принадлежит всему человечеству как становящейся единой системе. По отношению к двум предшествующим этапам гуманизма, играющим роль тезиса и антитезиса, он в соответствии с гегелевской диалектикой выполняет роль синтеза. Глобальный гуманизм в определенной степени

возвращается к первому этапу с его ненасильственностью и экологичностью (принцип ахимсы) и приматом нравственности и человечности (Конфуций и философская традиция Древней Греции), и в то же время вбирает то лучшее, что внесла западная мысль – стремление к творческой самореализации человека. Это воплощается в современных формах гуманизма, которые будут последовательно рассмотрены ниже.

Первая из них – *экологический гуманизм*, главная идея которого — отказ от насилия над природой и человеком. Традиционное понимание гуманизма, по Хайдеггеру, метафизично. Но бытие может дарить себя, а человек — относиться к нему с благоговением, что сближает подход М. Хайдеггера и А. Швейцера. А. Швейцер появился, когда настала пора изменить человеческое отношение к природе. Природа входит в сферу морали как следствие возросшего научно-технического могущества человека.

Гуманизм происходит от «*homo*», в котором не только «человек», но и «земля» («гумус» как наиболее плодородный слой земли). И человек — «*homo*» от земли, а не только «*men*» от ума и «антропос» от стремления ввысь. В этих трех словах — три концепции человека. В «*men*» и «антропос» нет ничего от земли и от человечности. Гуманизм, таким образом, по происхождению слова понимается как земной, экологический.

Экологический гуманизм выполняет хайдеггерову задачу приобщения к бытию. Вход в бытие осуществляется через практику человеческой природообразовательной деятельности. Однако человек не детерминирован технологическим путем, которым он идет. Он может двинуться экологическим путем, который скорее выведет его к бытию. Дороги, которые он выбирает, определяют, выйдет он к бытию или нет.

Новая экологическая мысль должна соединяться с традиционным гуманизмом, в основе которого лежит ненасилие. Это и дает экологический гуманизм, представляющий гуманизм Конфуция, Сократа, Христа и эпохи Возрождения, распространенный на природу, ростки которого в философии Толстого, Ганди и других. В культуру должна войти этика, в этику — природа, и через этику культура в экологическом гуманизме соединяется с природой.

Экологический гуманизм лежит на пересечении восточных и западных традиций. Запад может много дать в научно-техническом плане для решения экологической проблемы, Индия — дух ахимсы, Россия — традиционное терпение и дар самопожертвования. Такая экологическая конвергенция безусловно полезна. Синтетическая мощь

экологического гуманизма выражается и в синтезе отраслей культуры, принявших участие в его создании. Это искусство, религия, философия, политика, мораль, наука.

Этика экологического гуманизма — этика ахимсы, распространенная на весь мир; «золотое правило экологии», сформулированное Л.Н. Толстым: «относись так, как хочешь, чтобы относились к тебе не только к людям, но и к животным». Экологический гуманизм требует изменения отношения к природе (защита животных, охрана среды от загрязнения и т.д.), к людям (сохранение культурного и индивидуального разнообразия), к Универсуму. Если мы хотим преодолеть экологический кризис, нужно учиться ненасильственному взаимодействию с природой прежде всего отказу от желания покорить ее.

Люди начинают понимать, что насилие над природой обращается против них самих. А гуманность по отношению к природе будет еще одним аргументом в обосновании необходимости отказа от насилия в межличностных отношениях.

Второй формой глобального гуманизма можно назвать *ненасильственный гуманизм*. Беда западной цивилизации, по А. Швейцеру, в том, что она пыталась удовлетвориться культурой, оторванной от этики. Но конечной целью должно быть духовное и нравственное совершенство индивида. Новоевропейская культура считала, что духовность придет с ростом материального благосостояния, а этого не случилось.

Возрождая древний принцип ахимсы, Швейцер писал: «Для истинно нравственного человека всякая жизнь священна, даже та, которая с нашей человеческой точки зрения кажется нижестоящей» (5, с. 30). Вслед за Толстым и Ганди, которые говорили о законе любви, Швейцер пишет о воле к любви, которая стремится устранить самораздвоенность воли к жизни.

Эколого-социальные кризисы требуют практического гуманизма, но они же вынуждают человечество подняться на новую теоретическую ступень. Путь к подлинно глобальному сознанию и всемирной культуре лежит не через подавление одних культур другими, а через объединение людей и наций на базе общечеловеческой, нравственной мудрости. По такому же пути, наверное, шло когда-то объединение людей в племена и нации. Христианина Толстого и индуса Ганди объединяли инварианты этики, которые оказались важнее национальных и религиозных различий. И так ненасильственно должен объединяться мир для решения глобальных проблем.

Социально-ориентированный вариант современного гуманизма представляет концепция *нового гуманизма* Сило, в которой главное внимание уделяется преодолению социального неравенства посредством ненасильственных действий. Что касается *трансгуманизма* – еще одной формы современного гуманизма, то он, отказываясь от ориентации на покорение человека и природы, в то же время в полной мере сохраняет и развивает творческий характер гуманизма. Трансгуманизм нацелен на увеличение продолжительности человеческой жизни, борьбу с болезнями (в том числе путем замены органов человеческого тела искусственными органами и естественными с помощью стволовых клеток) и, в конечном счете, на практическое достижение человеком бессмертия. Здесь трансгуманизм смыкается с идеями, высказанными в XIX веке русским философом Н.Ф. Федоровым и продолженными представителями русского космизма К.Э. Циолковским и др.

Подытоживая рассмотрение глобального гуманизма, попробуем сформулировать его основные принципы:

1. Гармония человека с природой.
2. Равноценность всего живого.
3. Ненасилие (ахимса).
4. Самоограничение вместо потребительства.
5. Становление любовно-творческой личности.
6. Нравственное самосовершенствование.
7. Личная ответственность за мир.
8. Золотое правило этики и экологии.
9. Несотрудничество с эксплуататорскими классами.
10. Сохранение разнообразия природы, человека и культуры.

Литература

1. Бердяев Н.А.. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т. 1.
2. Древнекитайская философия. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1973.
3. Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э, Камю А., Сартр Ж.П. Сумерки богов. - М.: Издательство политической литературы, 1989.
4. Проблема человека в западной философии. - М.: Прогресс, 1988.
5. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992.

El desarrollo del humanismo (desde la antigüedad hasta nuestros días)

Gorelov A.A.

1. El debate sobre humanismo.

Comenzamos con un debate filosófico muy significativo que tiene ya más de medio siglo. El destacado representante de la conocida corriente filosófica del siglo XX – el existencialismo – Jean-Paul Sartre publicó en el año 1946 un escrito llamado “El existencialismo es un humanismo”.

Sartre propone allí dos definiciones de humanismo, las cuales, en su opinión, son completamente diferentes. “Bajo el término “humanismo” se puede comprender una teoría que contempla al hombre como objetivo y más alto valor” [3, p. 343]. Este humanismo, según Sartre, lleva al fascismo, que acaba de sumir a la humanidad en la vorágine de la guerra mundial. De inmediato surgen dos preguntas. ¿De qué modo el humanismo, que ve en el hombre el valor más alto, puede llevar al fascismo? Y luego, ¿qué cosa puede ser considerada como el valor más alto, si no el hombre? Contestando a la segunda pregunta se puede decir que el más alto valor puede ser tanto Yahvé, como Alá, la Trinidad, lo Único, la Nada, el Ser en general; finalmente cualquier planta o animal que la gente considere el procreador del grupo social en cuestión. El hombre puede también considerarse del mismo valor que los demás organismos vivos; la cuestión sobre quién representa el más alto valor, puede de hecho no plantearse siquiera. En lo que se refiere a la primera pregunta, Sartre la responde así: “El existencialista nunca ve al hombre como un objetivo, puesto que el hombre no es algo terminado. Y no estamos obligados a pensar que hay alguna humanidad a la cual se puede adorar a la manera de Auguste Comte. El culto a la humanidad conduce al humanismo cerrado de Comte y – se debe decir – al fascismo” [3].

La segunda concepción - existencial - del humanismo, según Sartre, consiste en que el hombre se encuentra constantemente en el mundo, realizándose “en la busca de un objetivo en el exterior, que puede ser la liberación o cualquier otra autorrealización concreta” [3, p. 344]. Según Sartre, tal humanismo positivo, precisamente, continúa al existencialismo.

La declaración de Sartre que el existencialismo – una corriente filosófica a la moda del siglo XX que establece la prioridad de la existencia humana individual – es un humanismo, motivó un pedido a M. Heidegger, el fundador del existencialismo, para que comentara su actitud acerca del intento de renovar la comprensión de este término tradicional para la filosofía. Heidegger contestó con la extensa “Carta sobre el humanismo”, en la cual sometió a una crítica despectiva la noción de humanismo en la cultura occidental de la Edad Moderna.

El profundo pensador Heidegger comprendió que el deseo de renovar ligeramente el concepto tradicional de humanismo no daba muchos frutos. Contestando a la pregunta “Cómo se puede recuperar un sentido para la palabra “humanismo”, Heidegger define al humanismo como “la meditación y la preocupación porque el hombre no sea inhumano, es decir alejado de su esencia” [4, p. 319]. Pero cuál es la esencia del hombre, se pregunta Heidegger, y se dirige hacia al grecorromano “cultivo del humanitarismo”. Según Heidegger, “las más altas definiciones humanistas del ser humano no alcanzan todavía la verdadera dignidad del hombre [4, p. 328]”. En la filosofía de la Edad Moderna bajo el término humanismo se comprendía al antropocentrismo, que en su autoafirmación llegó hasta la negación de todo lo que no fuera él.

El humanismo de Heidegger es “el humanismo que comprende al humanitarismo del hombre a partir de su proximidad al Ser. Pero al mismo tiempo es el humanismo en que la prioridad absoluta no es dada al hombre sino a la esencia histórica del hombre con su fuente en la verdad del Ser” [4, p. 338]. N.A. Berdiaev es de una opinión afín. “Se repite aquella verdad paradójica que el hombre se adquiere y autoafirma, si se somete al más alto principio sobrehumano y encuentra al santuario sobrehumano como contenido de su vida” [1, p. 402]. “El humanismo y el individualismo no pudieron resolver los destinos de la sociedad humana y debieron desintegrarse” [1, p. 394].

Una conclusión tan pesimista sobre los destinos del humanismo puede ser admitida si el humanismo se ve como un fenómeno de la civilización occidental surgido en el Renacimiento. No obstante, al recurrir a la historia de la cultura humana se demuestra que el fenómeno del humanismo no es solamente obra de la civilización occidental. Esta última le añadió algunos rasgos esenciales, pero el humanismo de por sí nació mucho antes.

2. Tres etapas del humanismo.

El humanismo como concepción surgió en “el tiempo axial” (según K. Jaspers) en tres formas muy amplias. Una de ellas fue el *humanismo moral y ritual* de Confucio. La crisis social en China en el siglo VI a.C. creó a Confucio, quien respondió al desafío de su tiempo. Le ayudó, aunque parezca extraño, el hecho que en China no había un panteón de los dioses que pudiera haber sugerido una respuesta mitológica. Confucio tuvo que referirse a la personalidad humana, es decir utilizar los medios que precisamente son necesarios para elaborar una enseñanza humanista.

El principal argumento de Confucio es que en las relaciones humanas – no solamente al nivel de una familia sino también al nivel de un estado – lo más importante es la moral. La palabra más importante para Confucio es

“reciprocidad”. Este punto de arranque elevó a Confucio por encima de la religión y de la filosofía, para las cuales la fe y la razón continuaban siendo los conceptos básicos.

La base del humanismo de Confucio es el respeto a los padres y a los hermanos mayores. El ideal de la estructura política era para Confucio la familia. Los gobernantes deben tratar a sus súbditos como buenos padres de familia, y aquellos deben respetarlos. Los superiores tienen que ser hombres nobles y dar a los inferiores el ejemplo de amor al ser humano, actuando en consecuencia con “la regla de oro de la ética”.

La moralidad, según Confucio, es incompatible con la violencia hacia el hombre. Contestando a la pregunta: “¿Cómo considera Usted el homicidio de la gente que no tienen principios en aras de la aproximación a esos principios?” Confucio dice: “¿Para qué matar a la gente, gobernando el Estado? Si buscáis el bien, el pueblo será bueno también” [2, p. 165].

A la pregunta “¿Es correcto responder al mal con bondad?” Confucio contestó: “¿Cómo se puede responder con bondad? Al mal se responde con justicia” [2, p. 165]. Aunque eso no llega hasta el principio cristiano “amad a vuestros enemigos”, tampoco evidencia que haya que hacer uso de la violencia en respuesta al mal. Lo justo será la resistencia no violenta al mal. Confucio denominaba humanitarismo al control de sí, para corresponder en todo a las exigencias del rito. Para Confucio el rito de sacrificio es superior a la piedad hacia los animales.

Un poco más tarde, en Grecia, Sócrates formuló un programa filosófico de prevención de la violencia mediante el descubrimiento de la verdad humana universal en el proceso del diálogo. Este fue, por así decirlo, un aporte filosófico al humanismo. Como partidario de la no-violencia Sócrates presentó una tesis, conforme a la cual “es mejor soportar la injusticia que producirla”. Más tarde esa tesis fue tomada por los estoicos.

La muerte de Sócrates le caracteriza no menos que su vida y sus opiniones. Los discípulos de Sócrates – los cínicos – enseñaban que había que satisfacerse con poco. Y Epicuro, desarrollando las tradiciones de la filosofía griega, ideó la teoría de los deseos, conforme a la cual solamente los deseos naturales necesarios deben ser satisfechos.

Por fin, la tercera forma del humanismo en la antigüedad, que tenía carácter no sólo humano universal sino, utilizando el lenguaje moderno, ecológico, era el principio del ahimsa de la India antigua – el principio de no-violencia hacia todo lo vivo, que se hizo fundamental en el hinduismo y en el budismo. Este ejemplo demuestra muy bien que el humanismo de ningún modo contradice a la religión.

En definitiva, el cristianismo venció al mundo antiguo no con la violencia sino con la fuerza moral y el espíritu de sacrificio. Los mandamientos de

Cristo son modelos de humanitarismo que pueden ser extendidos a la naturaleza. Así, el quinto mandamiento evangélico que, según L. Tolstoi, se refiere a todos los pueblos ajenos, se puede perfectamente extender hasta “amad a la naturaleza”. No obstante, al vencer y establecer una iglesia poderosa, el cristianismo desvió del martirio de los justos hacia la violencia de la Inquisición. Bajo el aspecto de cristianos llegó al poder gente para la cual el poder era lo principal y no los ideales cristianos; y ellos desacreditaron la fe en el cristianismo, contribuyeron a que las miradas de los súbditos se dirigieran a la antigüedad. Llegó el Renacimiento con una nueva comprensión del humanismo.

El humanismo neoeuropeo es la alegría del florecimiento de la individualidad creativa, que desde el inicio fue oscurecida por la ambición de someter a todo lo que le rodeaba. Esto minó al *humanismo occidental creativo e individualista* y llevó a una pérdida progresiva de la confianza hacia él. El humanismo de la Edad moderna sufrió un cambio y se convirtió en individualismo, luego en consumismo, con la reacción en contra socialista y fascista. Ambas formas históricas del humanismo fueron imperfectas pues no contenían el núcleo del humanismo: la no-violencia. Si en el humanismo de Confucio el rito era superior a la piedad hacia los animales, en el humanismo de la Edad Moderna el trabajo creador se orientaba a la supremacía sobre la naturaleza.

Para el humanismo la individualidad es importante porque sin la toma de conciencia personal la acción no tiene sentido. El humanismo de Confucio se reclinó en el rito, y fue necesario dirigirse a la personalidad que decide para sí misma lo que necesita. Pero en su encierro sobre sí el humanismo neoeuropeo desechó al medio ambiente.

La liberación de los ritos encadenantes es benéfica, pero sin mengua de la moral, de la que se alejaba cada vez más el humanismo de la Edad Moderna en su agresivo y consumista “todo está permitido”. El humanismo occidental es la antítesis del humanismo confuciano, pero con la subordinación del individuo al orden público desechó también el humanitarismo. Tuvo lugar la sustitución del humanismo bajo la influencia del desarrollo de la civilización materialista occidental, la cual cambió el humano deseo de “ser” por el agresivo deseo consumista de “tener”.

M. Heidegger tiene razón en que el humanismo europeo agotó sus posibilidades en el individualismo y la agresividad. Pero el humanismo no es solamente una creación occidental. Hay otras posibles vías de desarrollo de la civilización. Las practican y preconizan L. Tolstoi, M. Gandhi, A. Schweizer, E. Fromm.

3. El humanismo contemporáneo.

En el siglo XX comenzó a gestarse una situación completamente nueva. Se manifiesta cada vez con más fuerza la tendencia de la globalización, y esto imprime su huella en todos los conceptos filosóficos. La crítica de la civilización occidental, tecnogénica y consumista, obligó a reexaminar entre otras la noción de humanismo.

Heidegger destacó la insuficiencia de humanismo del Renacimiento en nuestro tiempo. Criticando el humanismo occidental, Heidegger condujo en realidad a la necesidad de una síntesis del humanismo antiguo con el humanismo neoeuropeo. Esta síntesis no será una mera unión de uno y otro, sino una formación cualitativamente nueva, que se corresponda con nuestro tiempo. La síntesis del humanismo oriental y occidental debe unir la observación de las máximas morales con la creación de algo nuevo.

Heidegger afirmaba: “‘Humanismo’ significa ahora; si nos decidimos a conservar esta palabra, solamente una cosa: la esencia del hombre es esencial para la verdad del Ser, pero de modo que no todo se reduzca simplemente al hombre como tal” [4, p. 340-341]. N. Berdiaev hablaba del castigo por la autorrealización humanista del hombre. Consiste en que el hombre se opuso a todo lo que le rodeaba, cuando debía haberse unido con ello. Berdiaev escribía que la Europa humanista se acababa. Pero para que el nuevo mundo humanista floreciera. El humanismo del Renacimiento acariciaba el individualismo, el nuevo humanismo debe ser un avance resuelto a través del individualismo hacia el Ser.

Surgieron ideas del nuevo humanismo, el humanismo integral, el humanismo universalista, el humanismo ecológico, el transhumanismo. A nuestro juicio, todas estas propuestas van en la misma dirección, que puede ser denominada el *humanismo global*, como una forma cualitativamente nueva del humanismo del siglo XXI. El humanismo global no es creación de una sola civilización. Pertenece a toda la humanidad como sistema único en proceso de formación. Respecto de las dos etapas anteriores del humanismo, que juegan el papel de tesis y antítesis, él juega el papel de síntesis conforme a la dialéctica hegeliana. El humanismo global vuelve a la primera etapa con su no-violencia y su ecologismo (el principio de ahimsa) y con la primacía de la moral y el humanitarismo (Confucio y la tradición filosófica de la Grecia Antigua); pero al mismo tiempo integra lo mejor que propuso el pensamiento occidental: la aspiración hacia una autorrealización creativa del hombre. Esto se realiza en las modernas formas del humanismo, que serán contempladas paso a paso más adelante.

La primera es el *humanismo ecológico*, cuya idea principal es la renuncia a la violencia contra la naturaleza y el hombre. El concepto tradicional de humanismo, según Heidegger, es metafísico. Pero el Ser puede regalarse, y el hombre puede tratarlo con veneración, lo que aproxima los enfoques de

Heidegger y de Schweizer. A. Schweizer surgió cuando llegó el momento de cambiar la actitud del hombre hacia la naturaleza. La naturaleza entra en la esfera de la moral como consecuencia del creciente poderío científico-técnico del hombre.

Humanismo proviene de la partícula “homo” en la cual se encuentra no solamente el hombre sino también “la tierra” (“humus” como la más fértil capa de la tierra). Y el hombre es “homo” por la tierra y no solamente “men” por la inteligencia y “antropos” por su aspiración hacia lo alto. En estas tres palabras se encuentran tres concepciones del hombre. En “men” y en “antropos” no hay nada de la tierra y del humanitarismo. El humanismo, entonces, a partir del origen de la palabra, se comprende como terrenal, ecológico.

El humanismo ecológico cumple la misión heideggeriana de la entrada al Ser. La entrada al Ser se realiza a través de la práctica de la acción humana dirigida a la transformación de la naturaleza. No obstante, el hombre no está determinado por la vía tecnológica que toma. La vía que él elija determina si entra o no entra al Ser.

El nuevo pensamiento ecológico debe unirse con el humanismo tradicional que tiene la no-violencia como fundamento. Eso es lo que da el humanismo ecológico - el humanismo de Confucio, Sócrates, Cristo y el Renacimiento, extendido a la naturaleza; cuyos brotes se encuentran en la filosofía de Tolstoi, Gandhi y otros. La ética debe entrar en la cultura, la naturaleza en la ética y por medio de la ética, la cultura se une con la naturaleza en el humanismo ecológico.

El humanismo ecológico está situado en la intersección de las tradiciones orientales y occidentales. El occidente puede aportar mucho en el plano científico-técnico para la resolución del problema ecológico, India puede dar el espíritu del ahimsa, Rusia, su tradicional tolerancia y el espíritu de sacrificio. Tal convergencia ecológica es indudablemente útil. La potencia sintética del humanismo ecológico se expresa también en la síntesis de las ramas de la cultura que tomaron parte de su creación: el arte, la religión, la filosofía, la política, la moral, la ciencia.

La ética del humanismo ecológico es la ética de ahimsa extendida hacia todo el mundo. La “regla dorada de la ecología” formulada por L. Tolstoi es así: “Trata no solamente a la gente sino también a los animales del modo en que quieres ser tratado”. El humanismo ecológico exige un cambio de actitud hacia la naturaleza (la protección de los animales, del medio ambiente contra la contaminación etc.), hacia la gente (la conservación de la diversidad cultural e individual) y hacia el Universo. Si queremos superar la crisis ecológica hay que aprender a actuar de modo no-violento hacia la naturaleza y ante todo renunciar a la pretensión de someterla.

La gente comienza a comprender que la violencia sobre la naturaleza se torna contra uno mismo. El humanismo hacia la naturaleza será un argumento más en la fundamentación de la necesidad de renunciar a la violencia en las relaciones interpersonales.

La segunda forma del humanismo global puede ser denominada *humanismo no-violento*. La desdicha de la civilización occidental, según A. Schweizer, consiste en que trató de satisfacerse con una cultura separada de la ética. Pero el objetivo debe ser el perfeccionamiento espiritual y moral del individuo. La cultura neoeuropea consideró que la espiritualidad llegaría con la elevación del bienestar material, pero eso no sucedió.

Rescatando el antiguo principio del ahimsa, Schweizer escribió: “Para el hombre verdaderamente moral cada vida es sagrada, incluso aquella que desde el punto de vista humano nos parezca inferior” [5, p. 30]. Continuando a Tolstoi y Gandhi que hablaban de la ley del amor, Schweizer escribe sobre la voluntad de amar, que intenta eliminar la “autoduplicidad” de la voluntad de vivir.

Las crisis ecológico-sociales exigen un humanismo práctico, pero ellas mismas fuerzan a la humanidad a subir a un nuevo escalón teórico. El camino hacia una verdadera conciencia global y hacia una cultura mundial no pasa por el aplastamiento de una cultura a otra, sino a través de la unión de la gente sobre la base de la sabiduría moral omnihumana. Del mismo modo fue probablemente en otros tiempos la unión de la gente en tribus y naciones. Lo que unía al cristiano Tolstoi y al hindú Gandhi eran las invariantes de la ética, que resultaron más importantes que las diferencias nacionales y religiosas. Así, no violentamente, debe unirse el mundo para resolver los problemas globales.

Una variante socialmente orientada del humanismo contemporáneo está representada por la concepción del *nuevo humanismo* de Silo, en el cual la atención está principalmente dedicada a la superación de la desigualdad social mediante la acción no-violenta. En lo que se refiere al *transhumanismo*, una forma más del humanismo moderno, el mismo renuncia al sometimiento del hombre y la naturaleza, al mismo tiempo que conserva y desarrolla integralmente el carácter creativo del humanismo. El transhumanismo tiene por objeto el aumento de la longevidad del hombre, la lucha contra las enfermedades (incluso mediante el cambio de los órganos del cuerpo humano por órganos artificiales y por órganos naturales con ayuda de células-madre) y, en definitiva, hacia el logro práctico de la inmortalidad. Aquí el transhumanismo se junta con las ideas expresadas en el siglo XIX por el filósofo ruso N. Fyodorov y continuadas por los representantes del cosmismo ruso, K. Tsiolkovsky y otros.

Resumiendo esta revisión del humanismo global intentaremos formular sus principios fundamentales:

1. La armonía del hombre con la naturaleza.
2. La igualdad valorativa de todo lo vivo.
3. La no-violencia (ahimsa).
4. La autorrestricción en lugar del consumismo.
5. La formación de un individuo compasivo y creativo.
6. El autoperfeccionamiento moral.
7. La responsabilidad personal por el mundo.
8. La regla de oro de la ética y la ecología.
9. La no-colaboración con las clases explotadoras.
10. La conservación de la diversidad de la naturaleza, del hombre y de la cultura.

Интенциональность – основа гуманистического мировоззрения

У. Новотный

Всеобщая история Вселенной, начиная с Большого взрыва до наших дней, показывает эволюционный процесс спирального восхождения, где цикличность ускоряется при устойчивом движении энергии, материи и жизни от простых ко все более сложным формам организации.

Когерентность и актуальность этой картины обеспечиваются передовыми теориями и экспериментальными данными последних десятилетий в областях синергетики, квантовой механики, астрономии, астрофизики, биологии и антропологии.

По нашему мнению, парадигма, рождающаяся на междисциплинарной почве Универсальной истории, потенциально способна обосновать развитие земной цивилизации на несколько веков вперед, тем более, если в этот процесс моделирования включить также знания и опыт глубинной психологии, или психологии Глубины. Работы в этой области Юнга, Гуссерля, Грофа, Торчинова, Сило, являются фундаментальными.

Хотелось бы коротко рассмотреть некоторые вопросы, заслуживающие внимания с точки зрения тематики нашего сегодняшнего круглого стола – основа гуманистического мышления.

Первый вопрос: эволюция Вселенной, жизни, человека – случайность или интенциональность?

Случайность – это понятие, которое не нуждается в сложных определениях. Случайность есть случайность; «неожиданное обстоятельство, явление», согласно толковому словарю русского языка.

Можно, например, думать, что это просто случайность, что тяжелые элементы возникли в ходе эволюции звезд. Как справедливо замечает А. Панов в своей статье о Мультиверсе:

«Если бы этого уровня энергии 7,65 МэВ в ядре углерода не было, тяжелые химические элементы в нашей Вселенной никогда не были бы синтезированы, и возникновение жизни стало бы невозможным. То, что от какого-то случайного уровня зависит столь многое, кажется совершенно невероятным».

Да, действительно. Такое же можно наверно сказать и о возникновении атомов из нуклонов и электронов, формировании звезд, и о возникновении жизни на Земле, человека и т.д.; то есть перед

каждым решающим моментом, когда происходит бифуркация, выбор альтернатив, и начало новой ветви эволюции...

Что же касается понятия «интенциональности», можно проследить его развитие, начиная с древнегреческих философов, на уровне индивидуума, сознания человека. Аристотель сказал: "То, что дано глазам, являет нацеленность (*intentio*) души".

Схоластика, комментировавшая Аристотеля, использовала также это понятие. А в конце XIX века, Brentano вел его в западную психологию. Он полагал, что сознание определяется тем фактом, что оно интенционально устремлено на что-то, указывает на нечто, находящееся вне его самого, то есть, предполагает объект. Таким образом, интенциональность придает значимое содержание сознанию, привносит в него смысл.

Но именно у Гуссерля, ученика Brentano, исследование интенциональности в начале XX века принимает исчерпывающий характер, в частности в его «Идеях по поводу чистой феноменологии» и «Картезианских размышлениях». Он считал что «сознание никогда не существует в субъективном вакууме, а всегда является осознанием чего-то. Сознание не только не может быть отделено от мира своих объектов, более того, на самом деле оно конституирует этот мир». Согласно его концепции, невозможно понять, как устроена реальность, не понимая сущность интенциональности сознания, которая эту реальность создает. Гуссерль открыл дорогу мышлению к достижению независимости по отношению к материальности феноменов.

Американский психолог Ролло Мэй этимологически определяет «интенциональность» как движение по направлению к чему-то, некую склонность, тенденцию. Главным в этом понятии является небольшое слово "tend" [клониться, направляться]. «Наши действия - пишет Мэй - не являются исключительно результатом побуждений, идущих из прошлого; мы движемся по направлению к чему-то». И это слово также означает, "заботиться о" - мы заботимся о наших близких, о нашей работе, направляем заботу на самих себя. И то и другое есть проявление нашей склонности, тенденции».

Ролло Мэй приводит простой пример из обыденной жизни: «На столе, за которым я сижу, лежит лист бумаги. Если я собираюсь изложить на бумаге некоторые заметки для своей рукописи, то я вижу лист с точки зрения его чистоты; не исписан ли он уже? Если же мое намерение состоит в том, чтобы сложить из листа игрушечный самолетик для моего внука, то я вижу бумагу с точки зрения ее плотности. Или же, если я собираюсь рисовать на ней, то вижу шероховатую текстуру бумаги, приглашающую мой карандаш и

обещающую сделать мои линии более интересными. В каждом случае это один и тот же лист бумаги, и я всегда тот же человек, реагирующий на него. Но я вижу три совершенно различных листа бумаги. Конечно же, нет никакого смысла называть это "искажением": это просто пример бесконечного разнообразия смыслов, которые может иметь для нас данный случай, данное сочетание раздражителя и ответа. Намерение - это обращение внимания человека к чему-то. В этом смысле восприятие направляется интенциональностью».

Таким же образом, память, воображение, поведение, направляются интенциональностью.

В свою очередь, латиноамериканский мыслитель Марио Родригес – Сило, основатель Нового гуманизма, считает что «сознание и есть интенциональность» и подчеркивает «активности сознания, способного изменять мир и самого себя в соответствии с его устремлениями; примат будущего над настоящим». «Представления о возможном и лучшем будущем, позволяют изменить настоящее – пишет он. Чтобы произошли перемены, недостаточно давления обстоятельств, но необходимо осознавать, что перемены возможны и зависят от человеческих действий. Это не борьба механических сил, а столкновение человеческих устремлений».

На наш взгляд, интенциональность, пространственность и темпоральность сознания, это ключевые понятия, объясняющие структуру человеческой жизни; без которых сегодня не обойтись для описания явлений, как и внутреннего, так и окружающего мира человека.

Конечно, существуют и другие взгляды на эту тему, прямо противоположные данному, согласно которым от людей ничего не зависит, все уже предопределено, все решено... Но, думаю, нет необходимости здесь на этом останавливаться.

Также часто бывает, что при прогнозировании возможных сценариев будущего, ставится вопрос о том, какие из этих сценариев более вероятны, а какие менее. Как будто бы разрешение этой альтернативы - дело статистики, независимо от нашего отношения к будущему.

Гуманистический взгляд делает акцент на возрастающей роли интенциональности человека в эволюционном процессе системы Человек-Земля, решающей в момент выбора, перед каждой исторической точкой бифуркации. С нашей точки зрения, стремление к преодолению боли и страдания, к преодолению пространственно-временных ограничений, обусловлены телесностью, является двигателем человеческой истории.

Но с самого начала мы поставили вопрос об интенциональности не только в рамках эволюции человека. Параллель очевидна - тенденция, движение по направлению к чему-то, стремление к чему-то, действительно прослеживается на протяжении всего эволюционного процесса нашей Вселенной.

В своих работах, Сило выходит за пределы индивидуума, человеческого, и уделяет внимание на некую Эволюционную интенциональность (по испанский "intencion evolutiva", по английский "evolutionary intentionality"), которая порождает время и задает направление движения нашей Вселенной, где энергия, материя и жизнь эволюционируют от простых ко все более сложным формам.

И объясняет эту концепцию: «Когда материя начинает двигаться, питаться и размножаться, появляется жизнь. И живая материя создает энергетическое поле, которое традиционно называется "душой". Душа или, иными словами, энергетический двойник физического тела, действует внутри и вокруг жизненных центров живых существ. Живые существа размножаются, и посредством этого акта передается, благодаря слиянию клеток, энергетическое поле. На основе этого поля формируется новое существо, которое в дальнейшем становится полностью независимым. Последовательная эволюция нашего мира создала человеческое существо также в постоянном движении и изменении. В нем, в отличие от других видов существ, генерируется общественный опыт, способный быстро изменять его. Таким образом, человеку удастся достичь условий, выходящих за рамки строгих законов природы, преобразуя себя, строя себя физически и психологически».

Действительно, кроме движения от простого к сложному, в эволюции человека можно также наблюдать устойчивую тенденцию к увеличению степени свободы. Профессор Назаретян называет этот процесс «последовательной исторической тенденцией «удаления от естества».

Начиная с полного подчинения наших древних предков природным условиям, человек на своем пути спиралевидного восхождения прошел через овладение огнем, землей, энергией, физико-химическими и биологическими процессами. Так продолжалось и до настоящего времени, когда человек не только научился управлять ядерными реакциями (как теми, что происходят в недрах звезд), погодой, процессами искусственного воспроизводства жизни, но и готовится к манипуляции генетическими кодами, к перестройке своей телесности, перестройке собственной психической структуры, к освобождению психических функций от физического носителя...

Невиданный скачок к высшей степени недетерминизма и свободы. Все благодаря интенциональности человека, в процессе его развития на нашей планете.

Мы говорим о необходимости сегодня нового, гуманистического взгляда на историю, на настоящее и на будущее. И мы стараемся это осуществить, например, через научно-образовательные фильмы. Но в чем же заключается особенность этого взгляда?

Речь здесь также идет об интенциональности. Мы считаем активное участие человека решающим фактором в определении курса истории, в построении настоящего. Мы считаем возможность и способность выбирать направление, решающим фактором в определении сценария будущего, к которому мы движемся.

Но нужно выяснить очень важный момент. Нашими фильмами, из серии «Маяки человечества» или «Гуманисты в истории России», например, мы не хотим научить или помочь людям лучше выбирать правителя. Мы глубоко уверены, что живем в такое особое время, в таком перекрестке пространственно-временных координат, когда *в душе каждого человека* может родиться Фридрих II, Николай или Елена Рерих, Лев Толстой... В каждом человеке, будь он ученый, правитель, художник, рабочий или школьник, может появляться Сила, вдохновение, сигнал Глубины, может родиться Дух.

В индийском храме Боробудур, расположены три круга в форме колокола шатра; заключающие в себе «Будд медитации», которые напоминают о том, что мудрость Будды кроется в каждом из нас и лишь ожидает того момента, когда *разум пробудится ото сна*.

Возможно, как еще один знак наступившего времени, рождаются сегодня все больше дети индиго, которые начинают с ранних лет рассказать нам о строении вселенной и смысле жизни на Земле... Вот, в какое время мы живем...

Интенциональность определяет восприятие мира. Интенциональность определяет видение будущего. Интенциональность определяет поведение человека. Интенциональность человека определяет историю, открывая всегда дорогу в будущее; и ничто не может ее остановить.

Осознание этого факта дает нам огромную силу, неограниченную законами материального мира душевную и творческую свободу. Полноценное осознание этого факта дает нам ключ для построения совершенно новых, немислимых ныне миров.

Конечно, возникает сразу перед нами острейший вопрос, вопрос об этике. Об этике в науке, этике в политике, этике в обществе в целом. Мы будем посвящать этому животрепещущему вопросу наш

следующий семинар в Москве; а возможно, целый мировой форум Центров гуманистических исследований в Пунта-де-Вакас, Аргентина, в следующем году.

Но, конкретно, когда в повседневной жизни задумаешься о необходимости придать жизни конструктивное направление, рост, смысл, и в тоже время хочется помогать другим, своим близким, сразу вспоминаются слова Сило на открытии Парка Ла Реха в Аргентине; то, что он назвал «небольшая просьба, почти рецепт»:

«В любой момент дня или ночи, вдохни струю воздуха и представь себе, что воздух достигает твоего сердца, Тогда проси всеми силами души за себя и за своих дорогих людей. Проси внутри себя избавиться от всего того, что заставляет тебя мучиться противоречиями; проси, всем сердцем, чтобы жизнь твоя приобрела единство».

Литература

1. Гроф С. Психология будущего. Уроки современных исследований сознания. М., 2001.
2. Гуссерль. Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии – М., 1999.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления. С-Пб., 1998.
4. Кэмпбелл Д. Мифический образ. М., 2004.
5. Мэй Р. Любовь и воля. М., 1997.
6. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., 2004.
7. Панов А.Д. Универсальный эволюционизм и проблема SETI. М., 2007.
8. Сило К вопросу о мышлении. М., 1992.
9. Сило Речь на открытии Южноамериканского парка Ля-Реха, Аргентина, 07/05/2005. www.poslaniesilo.ru
10. Торчинов Е. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. С-Пб., 2005.
11. Юнг К.Г. Психология и алхимия. М., 2003.
12. Silo Apuntes de Psicología. Ed. Ullrica, 2007.
13. Silo Obras Completas, T. 1 y 2. Ed. Plaza y Valdés, 2002.
14. Silo: www.silo.net

Intencionalidad: fundamento de una visión del mundo humanista

Hugo Novotny

La historia evolutiva de nuestro Universo, desde la explosión creativa hasta el momento actual, nos muestra un proceso de ascenso espiralado donde energía, materia y vida avanzan hacia formas cada vez más complejas en ciclos progresivamente acelerados.

La coherencia y actualidad de esta concepción está sustentada por teorías y datos experimentales de las últimas décadas en los campos de la mecánica cuántica, astronomía, astrofísica, biología, antropología, sinérgica (teoría del caos, autopoiesis).

En nuestra opinión, asistimos hoy al nacimiento de un nuevo paradigma cosmogónico capaz de sustentar el desarrollo de la civilización humana en los siglos que vendrán. Especialmente si, en el proceso de modelación en marcha, se incluyen los conocimientos y la experiencia de la psicología profunda o psicología de lo Profundo. Los trabajos en estos campos de K.Jung, E.Husserl, R.May, S.Grof, E.Torchinov y Silo, tienen carácter fundamental.

En el contexto de esta nueva visión del mundo, quisiéramos considerar brevemente algunos puntos que, desde nuestro punto de vista, merecen atención en el contexto de esta conferencia sobre las bases del pensamiento humanista.

Primera cuestión: ¿la evolución del Universo, la vida, la vida humana, son producto de la casualidad o de la intencionalidad?

El concepto de casualidad no necesita definiciones complejas. Según nos dice el diccionario, casualidad es un “fenómeno o circunstancia inesperado”. ¿Se puede pensar, por ejemplo, que es una simple casualidad que los elementos químicos pesados surgieran en el transcurso de la evolución de las estrellas? Como advierte con justeza A. Panov en su artículo sobre el Multiverso: “Si el nivel de energía de 7.65 MeV en el núcleo de carbono no se hubiera dado, los elementos químicos pesados nunca hubieran sido sintetizados en nuestro Universo y el surgimiento de la vida no hubiera sido posible. Tal hecho, que de un nivel casual de energía dependa en adelante tanto, resulta completamente increíble”.

Así es. Y seguramente lo mismo puede decirse respecto de la conformación de los átomos a partir de nucleones y electrones libres en el plasma primordial, de la formación misma de las estrellas, del surgimiento de la vida, del ser humano... o sea, frente a cada momento decisivo, cuando en el proceso se produce una bifurcación y comienzo de un nuevo ciclo evolutivo. Resulta muy poco creíble que todo sea producto de la casualidad.

En lo que hace al concepto de “intencionalidad”, se lo puede encontrar ya en los filósofos de la antigua Grecia. Aristóteles decía: *“Lo que se presenta a nuestros ojos es una “intentio” del alma”*.

La escolástica, retomando a Aristóteles, utilizó también este concepto. Y a finales del siglo XIX es Brentano quien lo introduce en la psicología occidental. Según Brentano, la conciencia se define por el hecho mismo de ser intencional, direccionada hacia algo, mostrando algo ubicado fuera de ella misma, o sea, presupone un objeto. De tal modo, la intencionalidad otorga significados a la conciencia, dándole sentido.

Pero es Husserl, discípulo de Brentano, con quien el estudio de la intencionalidad adquiere un carácter estricto, en sus “Ideas acerca de una fenomenología pura” y sus “Meditaciones cartesianas”. El consideraba que la conciencia no existe en un vacío subjetivo, sino que es siempre “conciencia de algo”. La conciencia no sólo no puede ser separada del mundo de sus objetos, sino que ella misma constituye ese mundo. De acuerdo a la concepción husserliana, no es posible comprender cómo esta construida la realidad, sin comprender a fondo la intencionalidad de la conciencia que construye dicha realidad. Husserl abrió camino al pensamiento para lograr independencia de la materialidad de los fenómenos. El psicólogo americano R. May define etimológicamente a la intencionalidad como movimiento en dirección a algo, inclinación, tendencia. En este concepto, lo central es la partícula “tend”, que significa inclinarse, dirigirse hacia. “Nuestra acción – escribe May – no es sólo resultado de excitaciones provenientes del pasado; nos movemos “en dirección a” algo.

May da un sencillo ejemplo de la vida cotidiana: “Sobre la mesa hay una hoja de papel. Si yo me preparo para escribir algunas notas en la hoja, entonces veré la hoja desde el punto de vista de su limpieza: ¿ya está escrita o no? Si mi intención consiste en construir con esa hoja un avioncito de juguete para mi nieto, veré la hoja desde el punto de vista de su consistencia. Si en cambio, me preparo para dibujar en ella, entonces veré la rugosa textura del papel invitando a mi lápiz y prometiendo hacer mis líneas más interesantes. En cada caso se trata de la misma hoja de papel y yo soy siempre la misma persona que reacciona ante ella. Pero sin embargo veo tres hojas de papel completamente diferentes. Claro que no corresponde aquí hablar de “distorsión”: es sencillamente un ejemplo de la infinita diversidad de sentidos que puede tener para nosotros esta conjunción de estímulo y respuesta. La intención es direccionamiento de la atención de la persona hacia algo. Así, la percepción es dirigida por la intencionalidad”.

Del mismo modo, con el simple recurso de recurrir a la propia experiencia y reflexionar sobre ella, podemos decir que el recuerdo, la imaginación, el comportamiento, son dirigidos por la intencionalidad.

Por su parte, Silo (seudónimo literario del pensador latinoamericano Mario Rodríguez Cobos), considera que “la conciencia es intencionalidad” y subraya la “actividad de la conciencia, capaz de transformar al mundo y a sí misma de acuerdo a su intencionalidad”, “el primado del futuro sobre la situación actual”. “Es la imagen y representación de un futuro posible y mejor – escribe Silo - lo que permite la modificación del presente y lo que posibilita toda revolución y todo cambio. Por consiguiente, no basta con la presión de condiciones oprimentes para que se ponga en marcha el cambio, sino que es necesario advertir que tal cambio es posible y depende de la acción humana. Esta lucha no es entre fuerzas mecánicas, no es un reflejo natural, es una lucha entre intenciones humanas”.

En nuestra visión, intencionalidad, apertura, espacialidad y temporalidad de la conciencia son conceptos claves para explicar la estructura de la vida humana, para describir los fenómenos tanto del mundo interno como del medio que rodea al ser humano.

Por supuesto existen otras miradas en este tema, diametralmente opuestas a la mencionada, según las cuales del ser humano nada depende, todo está predeterminado, impuesto, o por las condiciones naturales, o por los designios de una entidad superior... Pero no creo que sea necesario aquí detenerse en estas consideraciones.

También nos encontramos habitualmente conque, al pronosticar los posibles escenarios de la humanidad a futuro, se plantea la cuestión de cuál escenario es más probable y cuál menos probable. Como si la resolución de estas alternativas fueran un problema de la estadística, independientemente de nuestra actitud respecto de ese futuro.

La mirada del Humanismo Universalista acentúa el rol creciente de la intencionalidad humana en el proceso evolutivo planetario; su rol decisivo frente a cada punto de bifurcación histórico. Desde nuestro punto de vista, es la intención de superar el dolor y el sufrimiento, de superar los límites espacio-temporales impuestos por el propio cuerpo, lo que da impulso y dirección a la historia humana.

Pero al comienzo hemos planteado el tema de la intencionalidad no sólo con relación a la evolución humana.

El paralelo es evidente: la tendencia, el “movimiento hacia”, el “impulso hacia”, pueden observarse claramente a lo largo de todo el proceso evolutivo de nuestro Universo.

En su obra, Silo va más allá de los límites del individuo, de lo humano, y se refiere a “una Intención evolutiva que da lugar al nacimiento del tiempo y a

la dirección de este Universo. Energía, materia y vida evolucionan hacia formas cada vez más complejas”.

Y explica así su concepción: “Cuando la materia se comienza a mover, nutrir y reproducir, surge la vida. Y la materia viviente genera un campo de energía al que tradicionalmente se ha llamado “alma”. El alma, o doble energético, actúa en el interior y alrededor de los centros vitales de los seres animados. Los seres vivos se reproducen y en ese acto pasa, a través de las células en fusión, el campo energético que configura un nuevo ser totalmente independiente”. “La evolución constante de nuestro mundo ha producido al ser humano, también en tránsito y cambio, en el que se incorpora (a diferencia de otras especies) la experiencia social, capaz de modificarlo aceleradamente. El ser humano llega a estar en condiciones de salir de los dictámenes rigurosos de la Naturaleza, inventándose, haciéndose a sí mismo física y mentalmente”.

Verdaderamente. En toda la evolución humana puede observarse una permanente tendencia a la ampliación del grado de libertad. El profesor Nazaretián denomina a este proceso “tendencia histórica continua de alejamiento de lo natural”.

Comenzando desde la total dependencia de los antepasados a las condiciones naturales del medio ambiente, el hombre, en su camino de ascenso espiralado, pasó a través del dominio del fuego, de la energía, de los procesos físico-químicos y de los procesos biológicos. Así hasta hoy, cuando no sólo ha aprendido a producir y controlar reacciones nucleares (del tipo a las que se producen en el núcleo de las estrellas); a dominar el clima, los procesos de producción y reproducción artificial de la vida; sino que se prepara para la manipulación de los códigos genéticos, la transformación de su cuerpo y de su estructura psíquica, la independización de los procesos síquicos de la prótesis física natural...

Un salto formidable hacia la indeterminación y la libertad. Todo gracias a la intencionalidad humana, en proceso de desarrollo en nuestro planeta.

Nosotros hablamos de la necesidad hoy de una nueva mirada, humanista, sobre la historia, el presente y el futuro. E intentamos materializar esto, por ejemplo, a través de documentales científico-educativos. ¿Pero en qué consiste la particularidad de esta mirada?

Aquí también el tema es la intencionalidad. Consideramos la participación activa del ser humano un factor decisivo en la determinación del curso de la historia, en la construcción del presente. Consideramos que la posibilidad y capacidad de **elegir dirección** es un factor decisivo en la determinación del futuro hacia el cual avanzamos.

Pero es necesario aclarar un punto muy importante. Con nuestros documentales de la serie “Faros de la Humanidad” o de la futura serie “Humanistas de la historia rusa”, por ejemplo, no pretendemos enseñar o ayudar a la gente a elegir mejor sus gobernantes.

Estamos profundamente convencidos que vivimos en una época muy especial, en un entrecruzamiento espacio-temporal tal, cuando en el interior de cada ser humano puede nacer un Federico II, un Rodolfo II, un León Tolstoy... En cada ser humano, sea científico, gobernante, artista, obrero o estudiante, puede surgir la Fuerza, la Inspiración, la señal de lo Profundo, puede nacer el Espíritu.

En el templo hindú Borobudur se encuentran tres círculos en forma de campana shatra, que guardan dentro de sí los respectivos “Budas de meditación”, recordándonos que la sabiduría del Buda está potencialmente en cada uno de nosotros, y *“sólo espera el momento cuando la mente se despierte de su sueño”*.

La intencionalidad determina la percepción del mundo, la visión del futuro, el comportamiento humano. La intencionalidad humana determina el curso de la historia, abriendo siempre camino hacia el futuro... y nada podrá detenerla jamás.

La toma de conciencia de este hecho nos da una enorme fuerza, una libertad y creatividad que no pueden ser limitadas por las leyes del mundo material. La plena toma de conciencia de este hecho nos abre la puerta hacia la construcción de mundos completamente nuevos, mundos todavía inimaginables hoy.

Claro que surge inmediatamente ante nosotros una cuestión de extrema actualidad, **la cuestión ética**: la ética en la ciencia, la ética en la política, en la sociedad en general. Dedicaremos a este palpitante tema nuestro próximo seminario en Moscú y, el próximo año, el Primer Foro Internacional del Centro Mundial de Estudios Humanistas en el Parque Punta de Vacas, Argentina.

Pero concretamente, en la vida cotidiana, cuando reflexionas sobre la necesidad de dar a la propia vida una dirección constructiva, un Sentido; y al mismo tiempo brota la necesidad de ayudar a otros, comenzando por los más próximos, inmediatamente resuenan las palabras de Silo en la apertura del Parque La Reja, en Argentina, cuando pronunció aquello que dio en llamar un “pequeño pedido, casi una receta”...

En aquella oportunidad dijo: *“En algún momento del día o de la noche, aspira una bocanada de aire e imagina que llevas ese aire a tu corazón. Entonces, pide con fuerza por ti y por tus seres más queridos. Pide con fuerza para alejarte de todo aquello que te trae contradicción; pide porque tu vida tenga unidad”*.

Bibliografía

1. Campbell D. – La imagen del mito. Moscú, 2004.
2. Grof S. – Psicología del Futuro. Lecciones de la investigación moderna de la conciencia. Madrid, 2002.
3. Husserl E. - Ideas para una fenomenología pura y una filosofía fenomenológica. Moscú, 1999.
4. Husserl E. – Meditaciones cartesianas. San Petersburgo, 1998.
5. Jung K. – Psicología y alquimia. Moscú, 2003.
6. May R. – Amor y voluntad. Moscú, 1997.
7. Nazaretián A. – Crisis civilizacionales en el contexto de la Historia Evolutiva Universal. Moscú, 2004.
8. Panov A. – Evolucionismo universal y el problema SETI. Moscú, 2007.
9. Silo – Contribuciones al pensamiento. Moscú, 1992.
10. Silo – Palabras en la apertura del Parque Sudamericano de La Reja, Argentina, 07/05/2005. www.poslaniesilo.ru
11. Silo – Apuntes de Psicología. Rosario, 2007.
12. Silo – Obras Completas, T. 1 y 2. Ed. Plaza y Valdés, 2002.
13. Silo – www.silo.net
14. Torchinov E. – Caminos de la filosofía de Oriente y Occidente: el conocimiento de lo trascendental. San Petersburgo, 2005.

Человек и его предназначение: от античности до современности

И.Ю. Глинская

Проблема человека, его личностного существования, его ценностных ориентаций, норм поведения, его отношения к семье, роду, государству уже в древности занимала умы людей. В конфуцианстве под личностью понималась индивидуальность, ориентированная на политическую деятельность. В индийской культуре человек рассматривается как духовное существо, которое представляет собой результат эманации Бога. (1, с. 448)

Если в воззрениях древних китайцев и индийцев в целом преобладал космоцентрический подход к проблеме человеческой личности, то древние греки и римляне сделали первый шаг к отделению человека от космоса. В частности, Платон и Аристотель подчеркивали общественно-политическую сущность личности человека. В дальнейшем греческая рационалистическая традиция трактовки сущности личности пришла в столкновение с христианской традицией, с иррационально-религиозной верой (2, с. 163). И хотя концепция индивидуальности в средние века получила значительное развитие, однако в ту эпоху наиболее важным является статус личности в качестве императора, папы, короля или смерда, то есть в качестве носителя определенной социальной функции, нежели статус индивидуального существования человека.

На смену эпохе Средневековья пришел Ренессанс, который, впитав в себя гуманистическое содержание всего предшествовавшего периода, положил начало самосознанию современной цивилизации (3, с.21). В эпоху Ренессанса, при формальном сохранении традиционной христианской интерпретации мира, в центре мироздания, истинно творческим началом бытия оказался уже не Бог, а Человек. Гуманизм Ренессанса нес противоречивость, которая состояла в воспевании индивидуализма, тесно смыкавшимся с эгоизмом, в то же время, «индивидуализм и проповедь наслаждения жизнью сочетались в нем, с представлением о человеке как о существе, от природы наделенным склонностью к добру и к любви, к установлению высоконравственных отношений между людьми» (4, с. 22).

За эпохой Ренессанса наступило Новое Время, «век гениев», который характеризовался необыкновенным взлетом философской мысли: Декарт, Спиноза, Паскаль, Лейбниц. Это был век разума; проблема человеческого бытия в этот век приобрела новую окраску. И

снова сущность человека воспринималась противоречиво. С одной стороны, торжествующий разум человека может подчинить себе всю природу (Бэкон, Ньютон), с другой, - появился образ бесконечной Вселенной, в которой, по словам Паскаля, индивид затерян, словно атом, «а его жизнь подобна тени», промелькнувшей на мгновение и исчезнувшей навсегда. Паскаль сравнивает человека с «мыслящим тростником»; он слаб перед громадой мира, хотя своим разумом и превосходит его.

Для Канта, основоположника классической немецкой философии, человек - это часть природы, имеющая материальные и духовные качества. Философ считал, что человек в процессе индивидуального развития становится личностью, когда он начинает выделять себя как «Я» («Я сам сделаю»). Философ подчеркнул ценность человеческой личности, его самодостаточность.

Своеобразную трактовку проблема человека получила у выдающихся представителей Просвещения. Так И.Гердер писал, обращаясь к человеку: «Отбрось все нечеловеческое, стремись к истине, благу и благоподобной красоте и ты достигнешь своей цели...» (5, с.134-135).

Социалисты-утописты показали неразрывную связь между воспитанием и становлением человека будущего. У русских социалистов-утопистов идеалом личности выступает человек-борец, отдающий всего себя на благо народа. Это для него - высшее выражение нравственности и счастья.

Герцен считал, что «в нравственности и добродетели человек только и достигает высшего блаженства» (6, с. 195)

Следует отметить, что проблема человека всегда волновала не только философов, но и психологов. З.Фрейд, К.Г.Юнг, А.Адлер внесли огромный вклад в развитие науки о человеке, о смысле его существования. Великий мастер психоанализа З.Фрейд, хотя и абсолютизировал господство бессознательного: «Люди не поддаются доводам рассудка, ими движут инстинктивные желания» (7, с. 83), тем не менее, наряду с этим отмечал, что «у нас нет никакого другого средства к овладению нашими инстинктами, кроме интеллекта» (8, с.83). Заслуга Фрейда была в том, что он «повернул» психологию в сторону отдельной человеческой личности. «Благодаря Фрейду стали понятными, в новом и действительном понимании, значение индивидуума, неповторимая ценность всякой человеческой души» (9, с.89) - писал о нем С. Цвейг.

Поведение человека, когда он находится наедине с самим собой и его поведение в массе имеет различие. Густав Лебон, изучавший

проблему поведения человека в массе, пришел к выводу, что «одним лишь фактом своей принадлежности к организованной массе человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. Будучи единичным, он может быть образованным индивидом, в массе он варвар. Он обладает спонтанностью, порывистостью, дикостью, а также и энтузиазмом и героизмом примитивных существ» (10, с.26- 27). Продолжая мысль Г.Лебона, З.Фрейд в своем произведении «Массовая психология и анализ человеческого «Я»», высказал опасение по поводу деградации человеческой личности, о несвободе отдельного человека в организованной массе. Такие же рассуждения мы находим и у Х.Ортеги-и-Гассета. «Человек-масса» не терпит ничего уникального, особенного, противоречащего общепринятым вкусам и взглядам: «Масса сметает со своего пути все, что не похоже на нее; она вытпывает всякую индивидуальность, убивает все благородное, изобранное и выдающееся. Тому, кто не такой как все, тому, кто думает не так как все, грозит опасность быть уничтоженным» (11, с. 47). Человеку-массе Х.Ортега-и-Гассет противопоставляет человека-индивидуальность, имя которому личность.

Разумеется, протест против нивелирования человека в массе можно найти и у Ф.Ницше. «Скромным, прилежным, благожелательным, умеренным: таким вы хотели бы видеть человека, хорошего человека? Но мне он представляется только идеальным рабом, рабом будущего. Прилежание, скромность, благоволение, умеренность - все это препоны владычному строю души, постановке героических целей, аристократическому для себя бытию. Речь идет не о том, чтобы идти впереди (этим путем можно в лучшем случае стать пастухом, т.е. и настоящей потребностью стада), а о возможности идти самому по себе, о возможности быть иным», (12, с. 156) - пишет Ф.Ницше.

В словах и призывах Ницше, конечно, есть много истинного. Но есть и опасный момент: чрезмерная апологетика индивидуализма, силы, отрицания общепринятых норм морали.

Вслед за Ницше ряд философов также сделали акцент на иррациональности бытия человека. Появилась новая гуманистическая концепция, исходящая не из доктринальных предпосылок метафизики, не апеллировавшая к установкам мыслителей эпох Возрождения и Просвещения, а даже противоречащая им. Она, скорее, опиралась на философские взгляды Кьеркегора, считавшего, что надо освободить человека от всякой целостности, от всякой сущности и поставить его перед лицом Бога. Одиночество человека перед Богом - вот его экзистенция. (Отсюда название философской школы, направления, традиции и т.п. - экзистенциализм). У Сартра, например, экзистенция

представляет собой специфический род бытия, у которого существование предшествует сущности. Этим бытием является сам человек или, как писал Хайдеггер, «человеческая реальность». Человек создает себя сам, делает себя таким, каким он хочет стать. Он сам определяет себя в свободных волевых порывах чувств, эмоций, интеллекта, устремляя себя в будущее, он выбирает собственный проект бытия. Гуманизм Сартра, основанный на субъективности, раскрывает нам такие понятия как тревога, заброшенность, отчаяние. Человек одинок. Он «осужден» быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал, и все-таки свободен, ибо отвечает за все, что делает. Человек - это будущее человека, а это будущее неизведанно, никем не указано. Никакие наставления свыше, никакая всеобщая мораль не подскажут, что нужно делать и как поступать. В мире нет категорических императивов и знамений. А это означает, что человек заброшен, заброшен в чуждый для него мир. Человек стоит на распутье в пограничной ситуации, на рубеже жизни и смерти, и выбирая себя, пребывает в страхе и трепете, испытывает чувство отчаяния, которое вписывается в экзистенцию в качестве регулятора, выполняющего функцию самоориентации и самоконтроля. Вместе с тем, отчаяние побуждает человека не к пассивности, а к более смелым решительным действиям, выражаемым в актах «поведенческого безрассудства». «Человек не замкнут в себе», по мнению Сартра, а «всегда присутствует в человеческом мире» (13, с.325).

Наиболее видным представителем христианского экзистенциализма середины XX столетия по праву можно считать Габриэля Марселя. Для Марселя Человек - скиталец, пилигрим, заброшенный в историческую и социальную ситуацию. Меняется ситуация, меняется и сам Человек. Основная категория экзистенциализма «существование», по мнению Марселя, непостижима. Она может переживаться только интуитивным путем. Бытие для него - тайна.

К экзистенциалистской философии близок и А. Камю. По его мнению, жизнь - единственная ценность, которая не может быть подвергнута никакому сомнению. Главное жить, пусть в состоянии абсурда, но жить как человек. Абсурд - это осознание иррациональности мира, отражение противоречия между иррациональностью мира и стремлением человека к разумности и счастью. «Абсурд равно зависит и от человека и от мира, и он единственная связь между ними» (14, с. 236). Абсурд, по его мнению, регулятор отношений человека с его жизнью и внешним миром и в этом мировом спектакле как раз и отражается трагизм человеческого бытия. «Чтобы понять мир, человек

должен свести его к человеческому, наложить на него свою печать» (15, с. 232-233).

Поэтому истины, по его мнению, открываемые человеческим разумом, всегда относительно и отрицают себя уже в самый миг своего утверждения. Человек - извечная жертва своих истин и раз познав их, он уже не может от них отделаться. Это противоречие - основной стержень абсурда. Исходя из твердого убеждения в абсурдности человеческого бытия, А.Камю провозгласил символом человеческого состояния античный миф о Сизифе, осужденном богами на тяжкий и бессмысленный труд. Однако полное одиночество Сизифа становится подтверждением его силы и внутренней свободы. Камю настаивал на том, что вера в абсурд становится реальным возмещением одиночества. По мнению А.Камю, экзистенциализм не дает выхода из этой парадоксальной ситуации. «Обнаружив абсурд среди руин разума, находясь в замкнутой, ограниченной вселенной человека, экзистенциалисты обожествляют то, что их сокрушает, находя основания для надежды в том, что лишено всякой надежды» (16, с.244). Там, где личность начинает вступать во взаимоотношения с миром и другими людьми, человек неизбежно сталкивается с холодной объективностью, превращающей все внешнее во врага субъективности, что, в свою очередь, ведет к ее отчуждению и одиночеству. Сартр, связывал одиночество с немой пассивностью, потерей веры и надежды.

Протест против одиночества человека стал генеральной темой многих гуманистических учений. Ярким представителем одного из них является Э.Фромм, представитель так называемого неотрейдизма. В своих произведениях Фромм дал глубокий анализ феномена отчуждения человека: «Человек подвержен соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат» (17, с. 9).

Фромм считает, что человек отчужден от продуктов своего труда, он не является уже хозяином построенного им мира, наоборот, этот мир, созданный человеком, превратился в хозяина, перед которым человек склоняется, пытаясь его как-то умиловать или по возможности перехитрить. Не только экономические, но и личные отношения между людьми приобрели тот же характер отчуждения. Вместо человеческих отношений они стали напоминать отношения вещей. Человек продает не только товары, он продает самого себя и ощущает себя товаром. «Новая свобода», - считает Фромм, «которую принес индивиду капитализм, усугубила воздействие уже оказанное

религиозной свободой протестантизма. Индивид стал еще более одинок» (18, с. 105).

Фромм считает, что «для человека, насколько он человек - то есть насколько он превосходит природу и осознает себя и свою смертность, чувство полного одиночества и обособленности, близко к умопомешательству» (19, с. 349). Человеку нужно поддерживать отношения с другими людьми, обрести единство с ними, «чтобы остаться в здравом уме». Потребность быть вместе с другими является, по мнению философа, «сильнейшей страстью, более сильной, чем секс, а часто даже более сильной, чем желание жить» (20, с. 349).

Человек, по мнению Э.Фромма, не в состоянии осмыслить социальную реальность и он «заполняет ум выдумками» (21, с. 351). Выдумки это иллюзии, но они помогают человеку избавиться от одиночества, так как «чувство полного одиночества ведет к психическому разрушению, так же как физический голод - к смерти». Конечно, иллюзии, по мнению Э.Фромма, не заменяют физический контакт; однако если индивид физически одинок, но при этом связан какими-то идеями, моральными ценностями или хотя бы социальными стандартами, то это, безусловно, дает ему чувство общности и «принадлежности», без которых он не может нормально жить. Вот почему «религия и национализм, как и любые обычаи, любые предрассудки - даже самые нелепые и унижительные, спасают человека (если связывают его с другими людьми) от самого страшного - изоляции» (22, с. 26), - подчеркивает Э.Фромм. Автор пишет о том, что чувство полного одиночества ведет к умственным расстройствам так же, как физическое голодание ведет к смерти, однако моральное одиночество, рассматривается Фроммом как неспособность индивида соотноситься с другими людьми и даже ценностями и идеалами вообще. Человек должен всегда чувствовать связь с другими. Так, монах в монастыре, верящий в Бога или политический заключенный в камере, чувствующий поддержку и солидарность, по мнению ученого, не одиноки.

Отчуждение, одиночество, заброшенность человека, его конформизм, одномерность, бегство от свободы и т.д. и т.п. - это в сущности то, что объединяет представителей многих философских «школ».

Однако физическая изолированность не всегда соседствует с одиночеством. Современный человек ощущает одиночество наиболее остро в ситуациях интенсивного и часто принудительного общения - в городской толпе, в кругу собственной семьи, в среде знакомых, в трудовом коллективе. Одиночество отражает тягостный разлад личности, господство дисгармонии, страдания, кризиса «Я».

Очень интересными и актуальными являются взгляды Мартина Бубера в работе «Проблема человека», написанной в 1943 г. По мнению автора: «если современный индивидуализм познает лишь часть человека, то коллективизм знает человека только в качестве части: к целостности человека, к человеку как таковому не прорываются ни индивидуализм, ни коллективизм. Индивидуализм видит человека в его соотнесенности с самим собой, коллективизм же вообще не видит человека, он рассматривает лишь «общество». В индивидуализме лицо человека искажено, в коллективизме оно закрыто. Чтобы спасти себя от отчаяния, которым человеку грозит его собственное одиночество, он находит выход в том, что прославляет это одиночество». (23, с. 90-91). Таким образом, человек создает себе иллюзию счастья, однако она не спасает его от еще большего одиночества и саморазрушения. Крушение индивидуализма ввергает его в коллективизм, где он «пытается избежать своего рока одиночества, полностью включаясь в одну из массовых групповых организаций» (24, с. 91).

Однако по своей сути современный коллектив также иллюзорен, поскольку в нем нет соединения человека с человеком. М. Бубер подчеркивает, что «существование человека в коллективе не равнозначно существованию человека в общении с другим человеком. В коллективе личность не освобождается от своего одиночества, между тем как одиночество связывает живущих, «живет» с ними. Человеческое одиночество здесь не преодолевается, а лишь только заглушается, зреет жестокость, которая проявляется с крушением иллюзии» (25, с. 92). Автор протестует против ложной альтернативы «либо индивидуализм - либо коллективизм» и пытается найти третье решение, которое лежит между двумя личностями, то есть в диалоге, в общении человека с человеком, где оба становятся дающими и принимающими. И это ««Между» не является вспомогательной конструкцией – наоборот, это место и носитель межчеловеческой событийности» (26, с. 94). Заслуга М. Бубера состоит в том, что он показал, что только в диалоге, в отношении «человек с человеком» можно постичь сущность человека, раскрыть его качества.

Задача гуманистов в понимании «Я» как существа, которое раскрывается полностью только в отношениях «Я» и «Ты», в провозглашении человечности между людьми, ведь только так можно приблизиться к ответу на вопрос: «Что есть человек?», то есть понять его предназначение на земле.

Хочется верить в то, что универсальный гуманизм, провозглашающий новый диалог, диалог между культурами, в котором человек признается главной ценностью в многообразии убеждений и

верований, в котором нет места физическому и духовному насилию, ущемлению прав и свобод личности, сможет дать ответ на этот извечный вопрос. Ведь такой диалог способствует взаимообогащению культур и наибольшему расцвету человеческой личности. Сегодня для России, которая утратила одни ценности, а другие, навязанные извне или не приживаются, или искажают человеческую личность, центром мироздания, истинно творческим началом бытия как и в эпоху Ренессанса должен стать Человек, его интеллект, его духовное начало, его творческий потенциал! Только так мы сможем сохранить нацию!

Литература

1. Открытие Индии: Философские и эстетические воззрения в Индии XX века.-М., 1987.
2. Человек. Мыслители прошлого и настоящего его жизни, смерти и бессмертия. Древний мир - эпоха просвещения. - М., 1990.
3. Волков Ю. Homo Humanus. Личность и гуманизм. - Чел., 1995.
4. Махаров Е. Проблема человека в истории философской мысли М., 1986
5. Гердер И. Идеи к философии истории человечества. - М., 1977.
6. Герцен А.И. Собр.соч. в 30 т. Т.7. - М., 1950.
7. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. - М., 1992.
8. Ницше Ф. Воля к власти. - М., 1994.
9. Камю А. Миф о Сизифе в кн. Сумерки богов. - М.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. - М., 1995.
11. Фромм Э. Душа человека. - М., 1992.
12. М.Бубер .Проблема человека. Перспективы. В сборнике под ред. Н.Е. Покровского «Лабиринты одиночества». – М., 1989.

El ser humano y su predestinación: de la antigüedad a la actualidad

Irina Glinskaya

El problema del ser humano, su existencia individual, sus valores y normas de comportamiento; su actitud hacia la familia, la especie, el estado, ocupó las mentes de la gente ya desde la antigüedad. En el confucianismo se entendía por personalidad a la individualidad orientada hacia la actividad política. En la cultura hindú se veía al ser humano como un ser espiritual, resultado de la emanación de Dios (1).

Mientras en la visión de los chinos e hindúes antiguos en general predominaba el enfoque cosmocéntrico del problema de la personalidad humana, los antiguos griegos y romanos hicieron un primer paso hacia la separación del hombre y el cosmos. En parte, Platón y Aristóteles subrayaron la esencia socio-política de la persona humana. En adelante la tradición racionalista griega de interpretación de la esencia de la persona llegó al choque con la tradición cristiana, con la fe religiosa irracional (2). Y aunque la concepción de la individualidad en el medioevo tuvo un desarrollo significativo, sin embargo lo más importante de esa época es el status de la personalidad en la calidad de emperador, papa, rey o plebeyo, o sea en la calidad de portador de determinada función social, más que el estatus de existencia individual de la persona.

La Edad Media fue reemplazada por el Renacimiento, el cual, habiendo asimilado el contenido humanista de todo el período anterior, colocó los cimientos de la autoconciencia de la civilización contemporánea (3). En la época del Renacimiento, aunque formalmente se conservara la interpretación cristiana tradicional del mundo, en el centro de la cosmovisión, como verdadero principio creativo de la existencia resultó ya no Dios, sino el Hombre. El Humanismo del Renacimiento introdujo una contradicción que consistía en la celebración del individualismo, estrechamente unido al egoísmo; “el individualismo y la prédica de disfrutar de la vida se conjugaron en él, con la imagen del hombre como un ser dotado por naturaleza de una inclinación al bien, al amor, al desarrollo de relaciones personales de alto nivel moral” (4).

Luego del Renacimiento llegó la Edad Moderna, el “siglo de los genios”, caracterizado por un inusitado vuelo del pensamiento filosófico: Descartes, Spinoza, Pascal, Leibnitz. Este fue el siglo de la razón; el problema de la existencia humana adquirió en este siglo un nuevo matiz. Y nuevamente la esencia humana pudo subordinar a sí misma toda la naturaleza (Becon, Newton). Por otra parte surgió la imagen de un Universo

infinito en el cual, en palabras de Pascal, el individuo se pierde, como un átomo; “y su vida se parece a una sombra”, destellando como relámpago un instante y desapareciendo para siempre. Pascal compara al hombre con una “caña pensante”, débil frente a la mole de la vida, aunque a la vez con su razón la supera.

Para Kant, fundador de la filosofía clásica alemana, el hombre es una parte de la naturaleza que cuenta con cualidades materiales y espirituales. El filósofo consideraba que el ser humano, en su proceso de desarrollo individual, se convierte en personalidad cuando comienza a diferenciarse a sí mismo como “yo” (“yo mismo lo haré”). El filósofo subrayó el valor de la personalidad humana, su autosuficiencia.

Una interpretación muy particular del problema del ser humano aparece en los más reconocidos representantes de la Ilustración. Así, I.Gerder escribió: “Desecha todo lo no humano, aspira a la verdad, al bien y la belleza venerable y alcanzarás tu objetivo...” (5).

Los socialistas-utopistas mostraron la relación indisoluble entre la educación y la realización del hombre del futuro. En los socialistas-utopistas rusos el ideal de persona fue el hombre luchador, que se entrega por completo a la lucha por el bien del pueblo. Esta era la expresión mayor de moral y felicidad.

Gertsen consideraba que “sólo con la moral y la virtud el hombre alcanza la felicidad suprema” (6).

Corresponde notar que el problema del ser humano siempre ha preocupado no sólo a los filósofos, sino también a los psicólogos. E.Freud, K.Jung, A.Adler hicieron un aporte enorme al desarrollo de la ciencia sobre el hombre, sobre el sentido de su existencia. El gran maestro del psicoanálisis E.Freud, aunque absolutizaba la supremacía del inconsciente: “La gente no se entrega a los argumentos de la razón, la mueven los deseos instintivos” (7), de todos modos notaba al mismo tiempo que “no tenemos ningún otro medio para dominar nuestros instintos más que el intelecto” (8). El aporte de Freud consistió en que “giró” a la psicología hacia el lado del individuo humano. “Gracias a Freud se volvió comprensible, en una nueva concepción práctica, el significado de individuo, el valor irreplicable de todo alma humana” (9), escribió S.Zweig.

El comportamiento de un individuo cuando se encuentra sólo consigo mismo y su comportamiento en la masa, son muy diferentes. Gustav Lebon, estudiando el problema del comportamiento del individuo en la masa llegó a la conclusión que “con el sólo hecho de su inclusión en una masa organizada el ser humano desciende varios escalones en la escalera de la civilización. En soledad, puede ser un individuo muy educado; en la masa es un bárbaro. Surgen en él la espontaneidad, la impetuosidad, el salvajismo, como así

también el entusiasmo y el heroísmo de los seres primitivos” (10). Continuando el pensamiento de G. Lebon, S. Freud en su obra “Psicología de masas y análisis del “yo” humano”, manifestó su temor respecto de la degradación de la personalidad humana, de la falta de libertad del individuo en la masa organizada. Las mismas reflexiones encontramos en J. Ortega y Gasset. “El hombre-masa” no admite nada único, especial, que contradiga los gustos y miradas establecidos en la sociedad: “la masa barre de su camino todo lo que no se parezca a ella misma, aplasta toda individualidad, mata todo lo noble, selecto y relevante. A quien no sea igual a todos, a quien no piense como todos, le amenaza el peligro de ser eliminado” (11). Al hombre-masa Ortega y Gasset contraponen el hombre-individuo, cuyo nombre es personalidad.

Como se comprenderá, la protesta contra la nivelación del individuo en la masa puede encontrarse también en Nietzsche. “Humilde, aplicado, benévolo, moderado: ¿así quisieran ustedes ver a la persona, a una buena persona? Pero a tal persona sólo puedo imaginarla como un esclavo ideal, el esclavo del futuro. La aplicación, la modestia, la benevolencia, la moderación, todos estos son obstáculos para el alma de un soberano, para la realización de los fines heroicos, para la existencia aristocrática. No se trata de ir adelante (por este camino se puede en el mejor de los casos convertirse en pastor), sino de la posibilidad de ir por la propia cuenta, la posibilidad de ser diferente” (12), escribe F. Nietzsche.

En las palabras de Nietzsche, claro, hay mucho de verdadero. Pero hay también un momento peligroso: la desmesurada apología del individualismo, la fuerza, el rechazo de las normas morales establecidas.

A continuación de Nietzsche otros filósofos pusieron también el acento en la irracionalidad de la existencia humana. Surgió una nueva concepción humanista, no a partir de las premisas doctrinarias de la metafísica, que no apelaba a los presupuestos de los pensadores del Renacimiento y la Ilustración, sino incluso contradiciéndolos. Operaba esta concepción, más bien en la mirada filosófica de Kierkegaard, quien consideraba que es necesario liberar al ser humano de toda integralidad, de toda esencia, y ponerlo frente al rostro de Dios. La soledad del hombre frente a Dios: eso es la existencia (de aquí la denominación de la escuela y tradición filosófica del existencialismo). En Sartre, por ejemplo, la existencia es un tipo específico de vivir que precede a la esencia. Esta existencia es el ser humano mismo o, como escribió Heidegger, la “realidad humana”. El hombre se crea a sí mismo, se convierte en aquel que él mismo quiere convertirse. Se define a sí mismo en expresiones voluntarias libres de sentimientos, emociones, pensamientos; lanzándose hacia el futuro elige su propio proyecto de vida. El humanismo de Sartre, basado en la subjetividad,

nos revela conceptos tales como inquietud, abandono, desolación. El hombre está solo. Está “condenado” a ser libre. Condenado porque no se creó a sí mismo, y sin embargo es libre, ya que responde por todo lo que hace. El hombre es el futuro del hombre, y este futuro es desconocido, no está determinado por nadie. No hay ninguna orientación desde lo alto, ninguna moral universal que diga qué es necesario hacer, cómo comportarse. En el mundo no hay imperativos ni presagios categóricos. Y esto significa que el hombre está abandonado, arrojado a un mundo que le es ajeno. El ser humano está ante una encrucijada en una situación límite, en la frontera de la vida y la muerte; y eligiendo, experimenta miedo y desesperación, la que se inscribe en la existencia en calidad de regulador, cumpliendo con la función de autoorientación y autocontrol. Al mismo tiempo, la desesperación estimula al hombre a no ser pasivo, a las acciones más resueltas y valientes, expresadas en actos de “locuras de comportamiento”. “El hombre no está encerrado en sí”, en opinión de Sartre, sino que “siempre está presente en el mundo humano” (13).

El representante más destacado del existencialismo cristiano de mediados del siglo XX con justeza puede considerarse a Gabriel Marcel. Para Marcel el Hombre es un vagabundo, un peregrino arrojado a una situación social e histórica. Cambia la situación y cambia el Hombre mismo. La categoría básica del existencialismo, la “existencia”, según Marcel es inapresable, incomprensible. Puede ser apresada sólo por un camino intuitivo. La existencia es para él un enigma.

También A. Camus es próximo a la filosofía existencial. En su opinión, la vida es el único valor que no puede ser puesto en duda. Lo importante es vivir, aunque sea en estado de absurdo, pero vivir como ser humano. El absurdo es la toma de conciencia de la irracionalidad del mundo, el reflejo de la contradicción entre la irracionalidad del mundo y la aspiración del hombre a la racionalidad y la felicidad. “El absurdo depende tanto del hombre como del mundo y es el único vínculo entre ellos” (14). El absurdo, desde su punto de vista, es el regulador de las relaciones del ser humano con su vida y el mundo externo; y en este espectáculo del mundo se refleja precisamente la tragedia de la existencia humana. “Para comprender el mundo el ser humano debe reducirlo a lo humano, colocar en él su sello” (15).

Por ello, en su opinión, las verdades develadas por la razón humana siempre son relativas y se niegan a sí mismas en el instante mismo de su afirmación. El hombre es una víctima eterna de sus verdades y una vez que las devela, ya no puede desprenderse de ellas. Esta contradicción es el principal sostén del absurdo. Partiendo de la firme convicción del absurdo de la existencia humana A. Camus proclamó como alegoría del estado del ser

humano el mito antiguo de Sisifo, condenado por los dioses a un trabajo pesado y carente de sentido. Sin embargo, la soledad total de Sisifo se convierte en afirmación de su fuerza y libertad interior. Camus enfatizaba en que la fe en el absurdo se convierte en una real compensación a la soledad. En su opinión, el existencialismo no da una salida de esta paradójica situación. “Habiendo encontrado el absurdo entre las ruinas de la razón, encontrándose en el limitado, cerrado universo del hombre, los existencialistas divinizan aquello que los anonada, encontrando fundamento para la esperanza en lo que carece de toda esperanza” (16). Allí donde la persona comienza a entrar en interrelación con el mundo y con otras personas, el ser humano inevitablemente choca con la fría objetividad que convierte todo lo externo en enemigo de la subjetividad; la cual, a su vez, lleva a la alienación, a la soledad. Sartre relacionó a la soledad con la muda pasividad, la pérdida de fe y esperanza.

La protesta contra la soledad del ser humano se convirtió en tema general de muchas corrientes humanistas. Un notable representante de ellas es E.Fromm, vinculado al así denominado neofreudianismo. En sus obras Fromm hizo un profundo análisis del fenómeno de la enajenación del hombre: “El ser humano está expuesto a la tentación de entregar su libertad a cuanto dictador se presente, o a perderla, convirtiéndose en un pequeño engranaje: no un ser libre, sino un autómatas bien vestido y bien alimentado”.(17)

Fromm considera que el ser humano está enajenado del producto de su trabajo, no es dueño del mundo construido por él. Por el contrario, el mundo creado por el ser humano se ha convertido en su dueño, frente al cual el hombre se inclina, intentando de algún modo enternecerlo o engañarlo astutamente. No sólo las relaciones económicas, sino también las relaciones entre las personas han adquirido el mismo carácter de alienación. En lugar de relaciones humanas se parecen a relaciones entre cosas. El hombre no sólo vende mercancías, sino que se vende a sí mismo y se siente una mercancía. “La nueva libertad que le trajo al individuo el capitalismo – considera Fromm –, profundizó la influencia ya ejercida por la libertad religiosa del protestantismo. El individuo se hizo aún más solitario”. (18)

Fromm afirma que “para el hombre, en cuanto es humano – o sea, en cuando sobrepasa a la naturaleza y toma conciencia de sí y de su finitud – el sentimiento de total soledad y aislamiento lo acercan a la locura” (19). El ser humano necesita mantener relaciones con otras personas, sentirse en unidad con ellos, “para mantenerse en la sana razón”. La necesidad de estar junto a otros es, en opinión del filósofo, “una pasión fuertísima, más fuerte que el sexo; y a veces incluso, más fuerte que el deseo de vivir” (20).

El hombre - en opinión de E.Fromm - no está en condiciones de comprender la realidad social y “llena su mente con fantasías” (21). Las fantasías son ilusiones que ayudan a la persona a desprenderse de la soledad. Claro que la ilusión - continúa Fromm - no sustituye al contacto físico; sin embargo, si el individuo está físicamente solo pero de todos modos vinculado con otros por medio de ciertas ideas, valores morales o al menos estándares sociales, esto indudablemente le otorga un sentimiento de comunidad y “pertenencia”, sin los cuales no puede vivir. Esta es la razón por la cual “religión y nacionalismo, como cualquier otro hábito, o cualquier prejuicio, aún los más disparatados y humillantes, salvan al individuo (si lo vinculan con otras personas) de lo más terrible: el aislamiento” (22) – subraya Fromm.

El autor afirma que el sentimiento de soledad total lleva a la desintegración mental del mismo modo que el hambre física lleva a la muerte. Sin embargo la soledad moral es vista por Fromm como la incapacidad del individuo de relacionarse con otras personas, incluso por medio de valores e ideales. El ser humano debe siempre sentir su vínculo con otros. Así, un monje en un monasterio, creyente en Dios; o un prisionero político en su celda, sintiendo el apoyo y solidaridad de otros, en opinión del pensador, no se sienten solos.

La alienación, la soledad, el sentir de abandono del ser humano; su conformismo, unidimensionalidad, miedo a la libertad, etc., son conceptos que unen a los representantes de muchas “escuelas” filosóficas.

Sin embargo, el aislamiento físico no siempre coincide con la soledad. El hombre actual experimenta la soledad mucho más agudamente en situaciones de comunicación intensiva y, frecuentemente, obligada: entre la muchedumbre de la ciudad, en el ámbito de su propia familia, en su medio de amigos, en el colectivo de trabajo. La soledad refleja el penoso desacuerdo interno en la persona, el predominio de la desarmonía, la crisis del “yo”, el sufrimiento.

Una visión muy interesante y actual es la de Martin Buber en su trabajo “El problema del hombre”, escrito en 1943. En opinión del autor: “si el individualismo contemporáneo muestra sólo parte del ser humano, el colectivismo muestra al hombre sólo en calidad de parte; al ser humano integral, al ser humano como tal, no se abren paso ni el individualismo ni el colectivismo. El individualismo ve a la persona en su relación consigo mismo; el colectivismo en cambio, ni siquiera ve a la persona, ve sólo a la “sociedad”. En el individualismo el rostro del hombre está distorsionado, en el colectivismo está ocultado. Para salvarse de la desolación con la que amenaza al hombre la propia soledad, él encuentra la salida en glorificar esta soledad” (23). De tal modo, el ser humano crea en sí mismo la ilusión de la

felicidad, pero ella no lo salva de la creciente soledad y la autodesintegración. El fracaso del individualismo lo arroja al colectivismo, donde el hombre “intenta escapar de algún modo de la soledad, sumergiéndose totalmente en alguna organización de masas” (24).

Sin embargo, en esencia, el colectivo actual es también ilusorio, por cuanto no hay en él unión del ser humano con el otro. M.Bubber subraya que “la existencia de la persona en el colectivo no es equivalente a la existencia del individuo en comunicación con otra persona. En el colectivo la persona no se libera de su soledad; más bien la soledad aferra a los individuos, “vive” con ellos. A la soledad humana en tal caso no se la supera, sólo se la ahoga; y madura la crueldad, que se manifiesta al momento del fracaso de la ilusión” (25).

El autor protesta contra la falsa alternativa “individualismo o colectivismo” e intenta encontrar una tercera solución que se apoye en dos personas; o sea en el diálogo, en la comunicación entre dos personas, donde ambas se convierten en dadores y receptores. Y este “Entre” no es una construcción auxiliar, por lo contrario, “es el lugar y portador del acontecer interpersonal” (26). El aporte de M.Bubber consiste en haber mostrado que sólo en el diálogo, en la relación “persona a persona” se puede alcanzar la esencia del ser humano, descubrir sus cualidades.

La tarea de los humanistas está en la comprensión del “yo” como ser que se descubre totalmente sólo en la relación “yo” y “tú”, en la proclamación de la humanidad *entre* la gente. Sólo así es posible acercarse a la respuesta a la pregunta: “¿Qué es el ser humano?”, comprender su predestinación en la Tierra.

Se abre la esperanza que, proclamando un nuevo diálogo, un diálogo entre culturas en el cual el ser humano se reconozca como máximo valor en la diversidad de creencias y confesiones, donde no haya lugar para la violencia física y espiritual, para el menosprecio de los derechos y libertades de la persona, el Humanismo Universalista pueda dar respuesta a esta eterna pregunta. Ya que semejante diálogo posibilita el enriquecimiento mutuo de las culturas y el desarrollo pleno de la persona humana.

Hoy para Rusia, que perdió unos valores, mientras que otros, impuestos desde afuera, o bien no se adaptan o bien degradan a la persona, debe estar en el centro del mundo, como un verdadero principio creativo de la existencia: el Ser Humano, su intelecto, su principio espiritual, su potencial constructivo. Sólo así habrá futuro para todos.

Bibliografía

1. Descubriendo la India: concepciones filosóficas y estéticas en la India del siglo XX. M: 1987.
2. El ser humano. Pensadores del pasado y el presente sobre la vida, la muerte y la inmortalidad. Desde el mundo antiguo hasta la Ilustración. M: 1990.
3. Volkov Y. - Homo Humanus. Persona y humanismo. Cheliabinsk: 1995.
4. Makharov E. – El problema del ser humano en la historia del pensamiento filosófico. M: 1986.
5. Gerder I. – Ideas para una filosofía de la historia de la humanidad. M: 1977.
6. Gertsen A. – Obras Completas. T.7. M: 1950.
7. Freud S. Más allá del principio de placer. M: 1992.
8. Nietzsche F. La voluntad de poder. M: 1994.
9. Camus A. El mito de Sisifo.
10. Fromm E. El miedo a la libertad. M: 1995.
11. Fromm E. El corazón del hombre. M: 1992.
12. Bubber M. El problema del hombre. Perspectivas. En la recopilación de N.Pokrovsky “Laberintos de soledad”. M: 1989.

**Этапы развития политической мысли:
на пути к гуманистической политике**

С.А. Нижников

Ключевая фигура для анализа этапов развития политической мысли – Никколо Макиавелли (1469–1527), так как его творчество является водоразделом между классической (Платон и Аристотель) и средневековой политической мыслью, с одной стороны, и новоевропейской, современно, – с другой. Макиавелли признается первым политическим мыслителем нового времени, так как совершил разрыв со всей предшествующей традицией политической философии. Чтобы разобраться в этом рассмотрим три возможных варианта соотношения политики и морали, развертывающиеся в истории.

1. Точка зрения самого Макиавелли, которую можно выразить следующим образом: *только благая политическая цель оправдывает любые средства*. Следует правильно понимать этот тезис, так как он не направлен на апологию насилия. В государственной жизни критерий правомерности насилия – общественный интерес. Только если устроитель государства действует для общего блага, он может прибегать к чрезвычайным мерам, ибо «только те насилия заслуживают порицания, цель которых не исправлять, а портить». Не всегда абсолютно все средства хороши для реализации даже столь необходимой и благой цели. Согласно Макиавелли предательством, вероломством и жестокостью «можно стяжать власть, но не славу», и тех, кто следует бесчеловечности и совершает преступления, он не относит к «величайшим людям» (1, с.71). Для него «жестокость жестоки рознь». Вот как он комментирует данный тезис: «Жестокость применена хорошо в тех случаях – если позволительно дурное называть хорошим, – когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо подданных» (1, с.73). «Плохая жестокость» возникает, когда превращается чуть ли не в единственный способ решения всех проблем и применяется повсеместно. Макиавелли клеймит позором тех, кто обращается к тирании как средству обретения и удержания власти. В этом он осуждает даже Юлия Цезаря. Тиран для него, как и для Платона, несчастнейший из людей. «Политика не отделяется у Макиавелли от морали, она полностью ее поглощает, не остается такой области, которая была бы независима от политики...» (2, с.470). Политика уже моральна по своему определению. Иная мораль, внеполитическая, – только мешает

реализации политических целей и потому должна быть упразднена, или к ней нет необходимости прислушиваться. Мораль превращается в технический инструментарий политика, лишается своей сущностной и универсалистской характеристики. Такой «гуманизм», если его вообще можно называть гуманизмом, является весьма относительным, возможно, относительно необходимым лишь на этапе становления централизованных национальных государств. Однако и в XX, и в XXI веке Макиавелли нашел многих сторонников.

2. Тезис макиавеллизма, который есть опровержение Макиавелли, – *цель оправдывает любые средства* (3, с. 256-257). Примеры такой «политики» дают Гитлер и Сталин. Нашлись «последователи» Макиавелли, которые опустили лишь одно определение в его высказывании – «*благая*» цель, но при этом смысл первоначального суждения полностью извратился. Таково большевистское определение: «политика – это искусство захвата и удержания власти». Но это уже не политика, а криминальная деятельность, крайне опасная, так как охватывает все общество. Обычная преступность стремится завладеть материальными или финансовыми благами, принадлежащим частным лицам или государству. Преступность «политическая», направленная на захват власти, стремится насильственно подчинить себе *само* государство, а через него и *все* общество. Это преступление, граничащее с геноцидом, так как ведет именно к нему, что подтвердила история. Эта деятельность не должна называться политической. Она и запрещается Конституцией и законами, однако до сих пор это определение можно найти в учебниках по политологии.

Власть не может рассматриваться как цель политической деятельности. Она лишь инструмент для осуществления определенной общественной цели. Уже Аристотель определял политику как стремящуюся к благу: «Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики. Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе» (2, с. 15).

Чтобы преодолеть крайности прошлого и современности, необходимо осуществить своеобразный возврат к классической политической философии, понятию добродетели (но не к платоновскому и тоталитарному государству), объединив ее с достижениями новоевропейской политической философии, свободой и равенством. Необходимо объединить благо и свободу, только тогда возможно осуществление гуманистической политики.

3. Гуманистическая политика (И.Кант, Ф.Достоевский, Л.Толстой, М.Ганди, М.Л.Кинг и др.) исходит из тезиса *благая цель может быть достигнута только благими методами*. Цель зависит от тех средств, с помощью которых она достигается, поэтому благая цель не может быть достигнута негодными средствами. Это прекрасно осознавал Достоевский и стремился выразить в своем творчестве. Кант также выступил против макиавеллистского освобождения политики от морали или поглощения политикой морали: «Политика говорит: *«Будьте мудры как змии»*, мораль прибавляет (как ограничивающее условие): *«и чисты как голуби»*» (4, с. 37); «истинная политика... не может сделать шага, заранее не отдав должного морали» (4, с.259, с.290). Кант, наследуя традицию классической политической философии (Аристотеля) утверждал, что истинная цель политики – «соответствие общей цели общества» (4, с.55-56). Он обосновывал правовые формы и методы борьбы за изменение общественного строя и объявил личность самоцелью общественной организации, утверждая, что «право человека должно считаться священным, каких бы жертв это ни стоило господствующей власти». Социально–политические идеи Кант выразил в работах «Идея всеобщей истории во всемирно–гражданском плане» (1784) и «К вечному миру» (1795).

Однако Кант по просветительски наивно мыслил, что даже дьявол, если он обладает рассудком, в итоге превратится в светлого ангела (4, с.33), что уж тут говорить о всемирной истории и таком пустяке, как человеческий эгоизм, – Кант безусловно верил в его социализацию. Он, как и его предшественники полагал, что в итоге социализация эгоизма достигнет такой степени, что человечество из враждующих народов превратится во «всеобщее правовое гражданское общество» (5, с.12). С одной стороны, Кант выступает против макиавеллистского освобождения политики от морали, с другой, он прославляет существующий в обществе антагонизм и эгоистическую природу человека, возвращаясь к методологии Макиавелли и Гоббса. Кротких людей Кант сравнивает с овцами и превозносит «завистливо соперничающее тщеславие», «ненасытную жажду обладать и господствовать» как двигателей прогресса, без которых «все превосходные природные задатки человека оставались бы навсегда неразвитыми».

Достоевский более пессимистичен на этот счет, у него Бог и дьявол борются в сердце человека за его душу. Природа человека выглядит у Достоевского антиномичной, и одному рассудку не справиться со злом, более того, он может быть на услужении злу. В отличие от Канта, ставшего родоначальником немецкой классической

политической философии, Достоевского можно назвать родоначальником экзистенциальной гуманистической политической философии. Особенно глубоко его идеи развернулись в произведениях «Братья Карамазовы», «Идиот» (критика насилия) и «Бесы» (непревзойденная критика всякого революционного насилия). Наиболее глубок, значителен и радикален символ «слезинки ребенка», изображенный Достоевским в «Братьях Карамазовых», когда Иван Карамазов отказывается принять светлое совершенное будущее общество, если при возведении его фундамента необходима хотя бы одна слезинка ребенка³.

Новоевропейская социология строится на принципах, заложенных Макиавелли и Гоббсом – это социология «социализации эгоизма». Интересным при этом является то, что метод «социализации эгоизма», не является фундаментом сложившегося общественно-политического строя европейских демократий. Этот фундамент положен не в этих надстроечных и научных сферах, а в духовных основаниях европейской культуры, связанных с христианскими ценностями, пусть даже секуляризовано-интерпретированными⁴. Именно духовно-нравственные ценности, а не просто социализация эгоизма и компромисс эгоизмов позволили построить и демократию, и правовое государство, и гражданское общество, и цивилизованную социально ориентированную рыночную экономику.

Насильственная макиавеллистская, гегелевско-марксистская, большевистско-либеральная (мы видим, как крайние либералы в России объединяются с крайними коммунистами-лимоновцами в призывах к насилию) методология решения общественных проблем должна смениться истинно гуманистической, демократической, в центре которой – не «духи истории» (Гегель), не «национальные государства» (Макиавелли), не «антагонистические классы» (Маркс), а хрупкая человеческая личность, ценность которой превыше любой идеологии.

---

³ Эту же мысль Достоевский развивает в очерке «Пушкин»: «Но какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастье? ...И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых вы строили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остаться навеки счастливыми?» (Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Т. 26. С. 142.)

⁴ Так, согласно Л. Штраусу «современность – это секуляризованная библейская вера»: «не надеяться на жизнь в раю, а установить рай на земле чисто человеческими средствами» (Штраус Л. Три волны современности // Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. С. 69.)

Новая политическая теория, основанная на хорошо забытых принципах «осевого времени», мировых религий и истинного гуманизма должна быть экзистенциально-личностной, а не диалектически-классовой и либерально-экстремистской. Свобода, демократия и справедливость не являются самоцелями. Они лишь средства (и зачастую негодные, если нуждаются для своего осуществления в насилии) для достижения личного и общественного блага.

В международной политике, где победила идеологически и геополитически понимаемая «демократия», «демократичным» является все, что способствует установлению власти единого суверена на Земле (однополярность), недемократично все то, что не укладывается в это желание (многополярность). Метод преодоления данных идеологием, их нейтрализация должны осуществляться на теоретическом и практическом уровнях. Наиболее приемлемый и эффективный для этого путь – утверждение во внутренней и внешней политике государств приоритета моральных ценностей, особенно – ненасилия. Именно такую политику всегда стремились утверждать духовные традиции человечества, лучшие его умы. Необходимо углубление, развитие и распространение культуры активного и деятельного (не пацифистски обезоруживающего) ненасилия, способного противостоять злу и насилию, но не их методами. Мораль требует защиты оскорбленного и униженного, требует нейтрализации агрессивных устремлений (а не уничтожения). Ненасильственная моральная политика не должна впадать ни в крайность насилия, ни в крайность пацифизма, недопускающего противодействия насилию и злу. Моральная политика должна быть жизнеутверждающей, способной отстаивать истинность своих принципов и теоретически, и практически.

Литература

1. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М., 1999
2. Комментарий М. Андреева и Р. Хлодовского к: Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1982
3. Мерло-Понти отмечает в этой связи: «Можно сказать, что макиавеллизм есть опровержение Макиавелли...» (Мерло-Понти Морис. Заметки о Макиавелли // Знаки. М.: Искусство, 2001.
4. Кант И. К вечному миру // Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: Чоро, 1994.
5. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Т. 8. М., 1994.

Etapas en el desarrollo del pensamiento político: en camino hacia una política humanista

S.A. Nizhnikov

Una figura clave para el análisis de las etapas de desarrollo del pensamiento político es Nicolás Maquiavelo (1469-1527), dado que su obra es un divisor de aguas entre el pensamiento clásico (Platón y Aristóteles) y el medieval, por una parte; y el nuevo pensamiento europeo, contemporáneo, por la otra. Maquiavelo es reconocido como el primer pensador político de la Edad Moderna, ya que produjo un corte con toda la tradición anterior de la filosofía política. Para comprender mejor este fenómeno, revisaremos tres variantes posibles de correlación entre política y moral desplegadas en la historia.

1. El punto de vista de Maquiavelo mismo, que puede expresarse del siguiente modo: *sólo un buen fin político justifica cualquier medio*. Es necesario comprender correctamente esta tesis, ya que no está dirigida a la apologización de la violencia. En la vida del estado, el criterio de legitimidad de la violencia es el interés social. Sólo si el estadista actúa por el bien de todos puede recurrir a medidas extraordinarias, ya que “sólo merece reprobación aquella violencia cuyo objetivo no es corregir sino estropear”. No siempre todos los medios son buenos para la realización, incluso de un buen y muy necesario fin. Según Maquiavelo por medio de la traición, la perfidia y la severidad “se puede conquistar el poder, pero no la gloria”. Y aquellos que aplican métodos inhumanos y cometen delitos no son considerados por él “grandes personas”(1). Veamos cómo explica Maquiavelo esta tesis: “La crueldad es aplicada correctamente en aquellos casos – si es que lo malo puede ser llamado bueno – en que se manifiesta en el momento y por cuestiones de seguridad, sin obstinarse en ella y en lo posible dirigiéndola al bien de los súbditos”(1). La “mala crueldad” surge cuando se convierte prácticamente en el único modo de resolver los problemas y se aplica por doquier. Maquiavelo estigmatiza a aquellos que recurren a la tiranía como medio de obtener y conservar el poder. En esto enjuicia incluso a Julio César. En su opinión, al igual que para Platón, el tirano es el más infeliz de todos los seres. “La política en Maquiavelo no se distancia de la moral, sino que la absorbe por completo; no queda ningún campo que sea independiente de la política...”(2). La política es *ya* moral por definición. Otra moral, distanciada de lo político, sólo dificulta la realización de los objetivos políticos y por ello debería ser descartada, o no debiera ser tenida en cuenta. La moral se convierte en tal caso en un instrumento técnico del político, carente de su esencia y universalidad. Tal “humanismo”, si es

que se le puede llamar así, es totalmente relativo; tal vez relativamente necesario sólo en la etapa de establecimiento de los estados nacionales centralizados. Sin embargo, en el siglo XX y en el XXI inclusive, Maquiavelo ha encontrado muchos partidarios.

2. La tesis del maquiavelismo, que es una refutación de Maquiavelo (3): *el fin justifica los medios*. Ejemplos de semejante “política” han dado Hitler y Stalin. Se encontraron “seguidores” de Maquiavelo que pasaron por alto sólo un término en su tesis: el “buen” fin, por lo cual el sentido de la afirmación original se tergiversó completamente. La definición bolchevique: “la política es el arte de tomar y mantener el poder”, sigue la misma línea. Esto ya no es política, sino actividad criminal, extremadamente peligrosa ya que abarca toda la sociedad. La delincuencia habitual aspira a apoderarse de bienes materiales o financieros, pertenecientes a individuos o estados. La delincuencia “política”, dirigida a la toma del poder, aspira a someter violentamente al estado, y a través del mismo a toda la sociedad. Este es un delito que limita con el genocidio, porque lleva precisamente a lo que ha sido demostrado ya por la historia. Esta actividad no debe ser denominada política. Es una actividad prohibida por la Constitución y las leyes, sin embargo aún hoy puede encontrarse esta definición en los manuales de politología.

El poder no puede ser considerado un objetivo de la actividad política. Es sólo un instrumento para la realización de determinado objetivo social. Ya Aristóteles definió a la política como aspiración al bien: “Si el objetivo final de todas las ciencias y las artes es el bien, entonces el bien más alto es el objetivo predominante de todas las ciencias y las artes: la política. El bien del estado es la justicia, o sea aquello que esté a su servicio”.

Para superar los extremismos del pasado y de la actualidad, es necesario realizar una especie de regreso a la filosofía política clásica, al concepto de virtud (pero no hacia el estado platónico o totalitario), uniéndolo con los logros de la filosofía política de la nueva Europa: la libertad y la igualdad. Es necesario unir bien y libertad, ya que sólo entonces es posible la concreción de una política humanista.

3. Una política humanista (I.Kant, F.Dostoevsky, L.Tolstoy, M.Gandhi, M.L.King y otros) parte de la tesis de que un buen fin puede ser alcanzado sólo por buenos métodos. El fin depende de aquellos medios con ayuda de los cuales es alcanzado, por ello un buen fin no puede ser alcanzado por medios ruines. Esto lo comprendió muy bien Dostoevsky e intentó expresarlo en su obra. Kant también se manifestó en contra de la separación maquiavélica entre política y moral o de la absorción de la moral por la política: “La política dice: *“Sé sabio como una serpiente”*, y la moral agrega (como condición limitante) *“y limpio como una paloma”*(4); “una

política verdadera... no puede dar un paso sin rendir cuentas previamente a la moral”(4). Kant, siguiendo la tradición de la filosofía política clásica (Aristóteles) afirmaba que el verdadero fin de la política es “la correspondencia con el fin general de la sociedad”(4). Fundamentó las formas jurídicas y los métodos de lucha por la transformación de la construcción social y declaró a la persona como fin de la organización social, afirmando que “los derechos humanos deben ser considerados sagrados, cualquiera sea el costo que esto tenga para el poder dominante”. Kant expresó sus ideas político-sociales en sus obras “Idea de una Historia Universal desde un punto de vista cosmopolita” (1784) y “Por la paz perpetua” (1795).

Sin embargo, Kant ingenuamente pensaba que incluso el diablo, si dispone de juicio, puede convertirse en definitiva en un ángel luminoso (4); qué decir entonces sobre la historia universal y semejante minucia como el egoísmo humano. Kant indudablemente creía en su socialización. Como sus antecesores, Kant postulaba que, al fin de cuentas, la socialización del egoísmo alcanza un grado tal que una humanidad compuesta por pueblos en conflicto se termina convirtiendo en una “sociedad civil de derecho general” (5). Por una parte, Kant se manifiesta contra la separación maquiavélica entre política y moral, por otra, glorifica el antagonismo existente en la sociedad y la naturaleza egoísta del ser humano, volviendo a la metodología de Maquiavelo y Gobbs. A la gente dócil Kant la compara con ovejas y exalta la “soberbia envidiosa y competidora”, “la insaciable sed de poseer y dominar” como motores del progreso, sin los cuales “todas las dones naturales maravillosos del ser humano quedarían por siempre sin desarrollarse”.

Dostoevsky es más pesimista en este sentido. En su opinión Dios y el diablo luchan en el corazón del hombre por su alma. La naturaleza del ser humano para Dostoevsky es antinómica, y el simple juicio no puede vencer al mal; más aún, puede incluso estar al servicio del mal. A diferencia de Kant, convertido en fundador de la filosofía política clásica alemana, Dostoevsky puede ser llamado fundador de la filosofía política existencial humanista. Sus ideas se desplegaron con una profundidad especial en las obras “Hermanos Karamazov”, “El idiota” (crítica de la violencia) y “Demonios” (insuperable crítica de todo tipo de violencia revolucionaria). Un símbolo profundo, significativo y radical: las “lágrimas de niño”, fue expuesto por Dostoevsky en los “Hermanos Karamazov”, cuando Iván

Karamazov se niega a aceptar un futuro luminoso de la sociedad si, al ser colocados sus fundamentos, se requiere de aunque sea una lágrima de niño⁵.

La sociología europea moderna se construye sobre los principios cimentados por Maquiavelo y Gobbs: la sociología de la socialización del egoísmo. Resulta de interés que esta “socialización del egoísmo” no representa el fundamento del orden socio-político de las democracias europeas. Este cimiento está colocado no en la esfera de los fundamentos y las ciencias, sino en las bases espirituales de la cultura europea, vinculadas a los valores cristianos, aún los más secularmente interpretados⁶. Precisamente los valores espirituales y morales, y no solamente la socialización del egoísmo y el compromiso de los egoísmos, permitieron construir la democracia, el estado de derecho, la sociedad civil y una economía de mercado civilizada orientada socialmente.

La metodología violenta maquiavélica, hegeliano-marxista, bolchevique-liberal de resolución de los problemas sociales deberá ser reemplazada por una metodología verdaderamente humanista, democrática, en el centro de la cual se encuentre no el “espíritu de la historia” (Hegel), no los “estados nacionales” (Maquiavelo), no las “clases antagónicas” (Marx), sino la frágil persona humana, cuyo valor es superior a cualquier ideología. Una nueva teoría política, basada en los principios prácticamente olvidados del “tiempo axial”, las religiones universales y el humanismo verdadero, deberá ser personal-existencial y no clasista-dialéctica o liberal-extremista. La libertad, la democracia y la justicia no son objetivos en sí, son sólo medios para el logro del bienestar personal y social (y a veces inadecuados si para ser realizados requieren de la violencia).

En la política internacional, donde triunfó lo que ideológica y geopolíticamente es presentado como “democracia”, es “democrático” todo aquello que permita la instalación en el poder de un único soberano en la Tierra (unipolaridad); y no democrático todo aquello que no encaja con este deseo (multipolaridad). Una metodología neutralizadora y superadora de dichos ideogramas deberá ser realizada a nivel teórico y práctico. El camino

---

⁵ Este concepto Dostoevsky lo desarrolla en el escrito “Pushkin”: “¿Pero cuál puede ser esa felicidad, si está basada en la infelicidad ajena? Y puede Ud. dejar pasar al menos un minuto la idea de que la gente, para la cual ustedes construyeron este edificio, estuvieran de acuerdo en admitir de Ud. semejante felicidad, si en su fundamento se ha colocado al sufrimiento, aunque se trate de un ser insignificante, pero injustamente torturado; y admitir esta felicidad, ser feliz para siempre?” (Dostoevsky F., Obras Completas en 30 tomos. T. 26).

⁶ Así, según L. Strauss “la modernidad es una fe bíblica secular”: “no esperanzarse en la vida en el paraíso, sino establecer el paraíso en la Tierra por medios puramente humanos” (Strauss L. – Tres olas de modernidad // Historia de la filosofía política. Moscú: 2000. Ed. Praxis).

más aceptable y efectivo para esto es la afirmación, en la política interior y exterior de los estados, de los valores morales humanos, especialmente la no-violencia. Las mejores tradiciones espirituales de la humanidad, sus mejores mentes, han aspirado siempre a afirmar tal tipo de política.

Es necesario profundizar, desarrollar y propagar la cultura de la no-violencia activa (no un pacifismo indefenso), capaz de enfrentar al mal y la violencia, pero no con sus mismos métodos. La moral exige la defensa del humillado, exige la neutralización de las tendencias agresivas (y no su exterminio). Una política moral no-violenta no debe caer ni en el extremo de la violencia, ni en el de un pacifismo impotente frente al mal y la violencia. Una política de alta calidad moral debe ser afirmadora de la vida, capaz de sostener la verdad de sus principios, en la teoría y en la práctica.

Bibliografía

1. Maquiavelo – El príncipe. M: 1999
2. El comentario de M.Andreev y R.Khlodovsky a: Maquiavelo N.- Obras selectas. M: Khudozh. Lit. 1982.
3. Merlau Ponty comenta en este sentido: «Se puede decir que el maquiavelismo es una refutación de Maquiavelo...» (Merlau Ponty M. – Escritos sobre Maquiavelo. Moscú, 2001. Ed. Iskusstvo).
4. Kant I. – Por la paz perpetua. Obras Completas. Moscú: 1994. Ed. Choro.
5. Kant I. - Idea de una Historia Universal desde un punto de vista cosmopolita. Obras Completas. Moscú: 1994. Ed. Choro.

Роль и значение принципов гуманизма в современной мировой политике

И. Андреева

В условиях глобализации современного мира необходимость перехода к новому типу межгосударственных отношений, основанных на принципах плюрализма, гуманизма и толерантности, становится очевидной.

Утверждение этих принципов направленно на создание гуманистического общества, общества образованного и толерантного ко всему многообразию социума. Толерантность становится острой политической необходимостью, однако еще не стала в отношениях наций как на глобальном, так и на человеческом уровне культурной нормой.

Одна из основных проблем гуманизма – интерпретация его принципов. Преследуя эгоистические цели, отдельные государства действуют вопреки официально декларируемым положениям гуманизма. 20 марта 2003 года, США и их союзники начали операцию «Иракская свобода», подвергнув массированным бомбардировкам и обстрелам крылатыми ракетами Багдад и другие города страны. Основная цель наступления трактовалась как «свержение режима Саддама Хусейна и установление демократии». В основе идеи провозглашался принцип гуманизма. Однако основная цель США в первую очередь заключалась в стремлении овладеть богатыми энергоресурсами Ирака.

В XX веке неоднократно предпринимались попытки институционализировать и узаконить основные принципы гуманизма, в частности, создать международные организации для поддержания мира и предотвращения войн. Однако, принципы, заложенные в Уставе ООН, во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года и иных других документах, реализуются далеко не в полной мере. С приходом нового тысячелетия задачи по ненасильственному разрешению конфликтов становятся все более актуальными. Процессы глобализации с особой остротой поставили на повестку дня проблемы гуманизма и толерантности. За последние годы круг проблем по обеспечению мира и безопасности значительно расширился. Наряду с традиционными, глобальными, терроризм, организованная преступность, наркоторговля, возникли новые вызовы и угрозы: изменение климата, проблема

СПИДа, распространение генетически модифицированных продуктов питания и т.д.

Новые проблемы требуют конкретных и незамедлительных решений. Далеко немаловажное значение имеют способы и методы их реализации, которые, наряду с традиционными, приобретают новые формы. Одним из них является метод дипломатии, в который в последние годы все больший вес приобретает, так называемая «гражданская дипломатия» («citizen diplomacy»). Сегодня к дипломату предъявляются особые требования. Переговорщик должен обладать не только узко профессиональными знаниями, но и широкой эрудицией, опытом межкультурных коммуникаций. К примеру, М. Стерн, известный американский посол в своей книге «Разговаривая с иностранцами: пути совершенствования американской дипломатии в США и за рубежом» отмечал, что «незнание проблем религии и культуры впоследствии не позволит дипломатам вовремя осознать намечающиеся в мире глубинные изменения»(1). Кроме этого, в переговорах всё чаще принимают участие представители науки, бизнеса, промышленности, авторитетных неправительственных организаций. Исключительная сложность тематики переговоров по проблемам генетической инженерии, изменения климата, защиты окружающей среды требует подключения со стороны специалистов в этих сферах. Дипломатия сегодня это не только традиционное ведение государственной политики. Она представляет собой комплекс взаимоотношений, как между государственными, так и негосударственными акторами. Важно заметить, что изменился и сам характер ведения переговоров. «Официальные переговорщики, как правило, ограничены строгими рамками инструкций, что зачастую затрудняет ход самого переговорного процесса»(1, с.) - пишет Т.В. Зонова в своей статье «Современная дипломатия: проблемы и перспективы». В последнее время переговоры чаще ведутся в неформальной обстановке, что способствует достижению положительных результатов. Например, встреча «большой восьмерки» летом 2006 года в Санкт-Петербурге и неофициальный пикник Джорджа Буша и Владимира Владимировича Путина в резиденции российского президента. В ходе этого «переговора» было налажено сотрудничество между двумя государствами.

На мой взгляд, изменения, которые претерпела дипломатия, носят отчасти положительный характер. Политическая нестабильность на мировой арене приводит к милитаризации политики, что полностью противоречит стремлению к созданию нового мирового порядка, в котором авторитет страны будет измеряться не военным потенциалом,

а «мягкой силой». Как подчеркивал министр иностранных дел РФ С.В. Лавров: «...на существующие вызовы призвана стать не оставляющая места для национального эгоизма и цивилизационной исключительности «сетевая дипломатия», дипломатия, обеспечивающая гибкие формы участия в двусторонних и многосторонних структурах. Сегодня очень важно сохраняя свою культурную самобытность, уважать при этом многообразие культур и традиций мира»(2, с.).

Существенную роль в пропаганде гуманистических ценностей и координации усилий по их реализации играют различные международные и региональные организации, такие как: Всемирный союз свободомыслящих, Международный гуманистический и этический союз, Международная академия гуманизма, Российское гуманистическое общество, Международная Коалиция «За Гуманизм!» и др.

Идею терпимости к другим народам провозглашает большинство современных общественных объединений. Например, американскими активистами движения «За мир и справедливость вместе» 2 ноября 2007 года были организованы массовые акции протеста против войны в Ираке. За единство народов всего мира выступает антифашистское движение «Наши». Периодически членами этого общества проводятся так называемые «Уроки дружбы», направленные на ознакомление молодежи с другой культурой. Эти акции, по мнению многих активистов, препятствуют проникновению фашистских идей в молодежную среду. Эти же цели преследуют и организаторы фестивалей этнической культуры.

Особенно роль таких объединений важна сегодня, в условиях глобализирующегося мира, когда грань между политикой внешней и внутренней постепенно исчезает. Проблемы, которые прежде считались сугубо внутренним делом того или иного государства, выходят на международный уровень, и решаемы лишь совместными, объединенными усилиями. Но издревле сложилось так, что в решении каких-либо международных противоречий, государство преследует, как правило, свои эгоистические интересы, и использует различные методы в целях урегулирования конфликта, в том числе и силовые. В таких ситуациях особое значение приобретают общественные движения, которые, проводя массовые акции протеста и манифестации, могут повлиять на гуманистическое решение проблемы. Например, одной из причин урегулирования арабо-израильского конфликта летом 2006 года были массовые акции протеста, проводившиеся на территории многих государств. Важно отметить и тот факт, что в современных условиях

развития демократии у общественных объединений есть больше шансов содействовать мирным способам решения актуальных проблем мирового развития.

Литература

1. Зонова Т.В. «Современная дипломатия: проблемы и перспективы»
2. Интервью министра иностранных дел С.В. Лаврова // «Известия», 28.12.2006

El rol y significado del humanismo en la política mundial actual

Irina Andreeva

En las condiciones actuales de globalización, el paso a un nuevo tipo de relaciones internacionales, fundadas en los principios del pluralismo, el humanismo y la tolerancia se ha vuelto imprescindible.

La afirmación de estos principios está dirigida a la creación de una sociedad humanista, una sociedad educada y tolerante hacia la diversidad social. La tolerancia se convierte en una urgente necesidad política, sin embargo aún no se ha vuelto una norma cultural en las relaciones internacionales ni personales.

Uno de los principales problemas del humanismo es la interpretación de sus principios. Persiguiendo objetivos egoístas, algunos estados actúan contradiciendo sus declaraciones oficiales de humanismo. El 20 de marzo de 2003, los EEUU y sus aliados iniciaron la operación “Libertad iraquí”, sometiendo Bagdad y otras ciudades del país a bombardeos masivos y ataques misilísticos. El objetivo básico del ataque se declaró como la “remoción del régimen de Saddam Hussein y el establecimiento de la democracia”. En los fundamentos ideológicos de la operación se proclamaban los principios del humanismo. Sin embargo, el principal objetivo de USA consistía en primer lugar en la aspiración de apoderarse de los ricos recursos energéticos del Irak.

En el siglo XX, más de una vez se realizaron intentos de institucionalizar y legalizar los principios básicos del humanismo, en particular, crear organizaciones para el sostenimiento de la paz y el rechazo a las guerras. Sin embargo, los principios establecidos en los Estatutos de la ONU, en la Declaración Universal de los Derechos Humanos, adoptada por

la Asamblea General de la ONU del 10 de diciembre de 1948, el Pacto Internacional sobre derechos civiles y políticos de 1966 y otros documentos, de ninguna manera son realizados en la práctica.

Con la llegada del nuevo milenio las metodologías de resolución no violenta de conflictos se hacen cada vez más actuales. Los procesos de globalización han colocado las cuestiones del humanismo y la tolerancia en el orden del día. En los últimos años el círculo de problemas por el logro de la paz y la seguridad se ha ampliado significativamente. Junto a los desafíos globales tradicionales del terrorismo, la delincuencia organizada y el narcotráfico, surgieron nuevas amenazas: el cambio climático, el SIDA, los productos alimenticios genéticamente modificados, etc.

Nuevos problemas exigen respuestas concretas e inmediatas. Una significación especial tienen los métodos para su resolución, los cuales van adquiriendo nuevas formas. Uno de ellos resulta el método diplomático que va adquiriendo mayor peso en los últimos años: la “diplomacia civil”. Hoy al diplomático se le presentan requerimientos especiales. Los negociadores deben contar no sólo con conocimientos específicos de su profesión, sino una amplia erudición y experiencia en comunicación intercultural. Por ejemplo, M. Stern, un conocido embajador americano, en su libro “Conversando con extranjeros: caminos de perfeccionamiento de la diplomacia americana en EEUU y el extranjero”, observó que “el desconocimiento de los problemas de la religión y la cultura trae como consecuencia la imposibilidad de que el diplomático pueda reconocer a tiempo los profundos cambios que se avizoran en el mundo” (1). Además, en las negociaciones cada vez más frecuentemente participan los representantes de la ciencia, los negocios, la producción, influyentes organizaciones no gubernamentales. La extraordinaria complejidad de las temáticas en las negociaciones sobre los problemas de ingeniería genética, cambio climático, protección del medio ambiente, exigen la inclusión de especialistas en estas áreas. La diplomacia hoy no es solamente la gestión de la política estatal. Representa un conjunto de interacciones, tanto entre estados como entre actores no estatales. Es importante notar que se ha modificado el modo mismo de llevar adelante las negociaciones. “Los negociadores oficiales, por lo general, están limitados por los rígidos marcos de las instrucciones, lo que en parte dificulta el curso mismo del proceso de negociación” (1) – anota T.Zonov en su artículo “Diplomacia contemporánea: problemas y perspectivas”. En los últimos tiempos las negociaciones frecuentemente se desarrollan en una atmósfera informal, lo que posibilita el logro de resultados positivos. Por ejemplo, el encuentro de los “ocho grandes” en el verano de 2006 en San Petersburgo y el pic-nic extraoficial de G.Bush y

V.Putin en la residencia del presidente ruso. En el curso de estas “negociaciones” fue definida la cooperación entre los dos estados.

Desde mi punto de vista, los cambios que ha experimentado la diplomacia cuentan en parte con un carácter positivo. La inestabilidad política en la arena mundial lleva a la militarización de la política, lo que contradice completamente la aspiración de crear un nuevo orden mundial, en el cual la autoridad de un país vaya a medirse no por su potencial militar, sino por la “fuerza blanda”. Como subrayó el ministro de relaciones exteriores de la FR S.Lavrov: “... a los desafíos existentes está llamada a responder la “diplomacia de red”, una diplomacia que garantiza formas flexibles de participación en estructuras de dos o más partes y que no deja ya lugar al egoísmo nacional y la exclusión cultural. Hoy es muy importante, manteniendo la propia identidad cultural, respetar la diversidad de culturas y tradiciones del mundo” (2).

Un significativo rol en la propaganda de los valores humanistas y la coordinación de esfuerzos para su concreción juegan diferentes organizaciones internacionales y regionales, tales como: la Unión Mundial de Librepensadores, la Unión Internacional humanista y ética, la Academia Internacional de Humanismo, la Sociedad Humanista Rusa, la Coalición Internacional “Por el Humanismo!” y otras.

La idea de la tolerancia hacia otros pueblos es proclamada por las mayorías de las organizaciones sociales contemporáneas. Por ejemplo, los activistas americanos del movimiento “Juntos por la Paz y la Justicia” organizaron el 2 de noviembre de 2007 actos masivos contra la guerra en Irak. Por la unidad de los pueblos de todo el mundo se manifiesta el movimiento ruso antifascista “Nashi”. Periódicamente son realizadas por los miembros de esta organización las denominadas “Lecciones de amistad”, orientadas al contacto de los jóvenes con otras culturas. Estas acciones, en opinión de muchos activistas, contrarrestan la penetración de las ideas fascistas en medios juveniles. Con el mismo objetivo se realizan los festivales de cultura étnica.

El rol de tales organizaciones es especialmente importante hoy en condiciones de globalización, cuando los límites entre la política externa y la política interna desaparecen. Los problemas que antes eran considerados exclusivamente internos de uno u otro país hoy salen a la arena internacional y pueden ser resueltos solamente por esfuerzos conjuntos. Pero desde antiguo se ha dado siempre que en la resolución de cualquier tipo de contradicciones internacionales el estado persigue por lo general sus intereses egoístas, y utiliza diferentes métodos con el objetivo de la resolución de los conflictos, inclusive la fuerza. En tal situación adquieren especial significado los movimientos sociales que, llevando adelante

acciones de protesta y manifestaciones pueden influir para una resolución humanista de los problemas. Por ejemplo, una de las causas de la resolución del conflicto árabe-israelí en el verano de 2006 fueron las acciones masivas de protesta que se realizaron en los territorios de muchos países. Es importante notar el hecho que en las condiciones actuales de desarrollo de la democracia, en los movimientos sociales hay mayor chance de actuar por medios pacíficos en la resolución de los problemas actuales del desarrollo mundial.

Bibliografía

1. Zonov T. – “Diplomacia contemporánea: problemas y perspectivas”.
2. Entreviú al Ministro de relaciones exteriores S. Lavrov – “Izvestia”, 28-12-2006.

**Нравственные ценности
как основа гуманизма в решении сложных политических и
внешнеполитических вопросов**

Т. Клейменова

Сложная мировая политическая карта, сложившаяся после второй мировой войны рухнула с ушедшим в небытие Коммунистическим монстром – бывшим СССР. Этот период высветил острейшие межгосударственные вопросы, показал множественный спектр проблем требующих серьезного решения. Именно лавинообразный наплыв вопросов международного значения, влекущих за собой сложнейшие последствия, происходящие в столь сжатый исторический промежуток, дает основание, не вдаваясь в глубинную историю, не только выявить определенные приоритеты, но и попытаться сделать стратегические выводы оптимальности в решении сложных политических и прежде всего, внешнеполитических вопросов.

Эпоха, когда на фоне развала СССР и как следствие всей влиятельной мощи, разваливался весь, так называемый социалистический лагерь – являвшийся, прежде всего, военным противовесом военному блоку НАТО, внешнеполитическое ведомство США особо не утруждало себя аргументами и доказательствами в дальнейшем добрососедстве.

Известно, что первым, в то время громким заявлением Белого Дома было то, что США обещали не приближаться к границам России, т.е. не включать бывшие соцстраны в блок НАТО. Затем было заявление о том, что страны Прибалтики, получив самостоятельность, не будут входить в состав НАТО. Увы, все это теперь история, к сожалению, для многих, может быть, пахивающая некой наивностью. НАТО уже давно у границ России. Но именно на таком историческом примере может быть явно показано «политическое лицо» межгосударственного доверия.

К сожалению, все вышеупомянутые сюжеты истории неотъемлемо переплетены с более поздними историческими мировыми процессами. Известно, что малое недоверие влечет большой обман. А обман влечет за собой вражду и непонимание. Упоминание о США не случайно, особенно основываясь на той роли в мировой политике, которую эта страна занимает и старается занять. США – это страна, которая благодаря своей структуре внешнеполитического и экономического устройства задает температуру мировым

экономическим и политическим процессам. И конечно важно знать какова эта температура.

Естественное наличие амбициозности у государств всегда сталкивается с проблемой или дилеммой выбора преодоления нравственного барьера. Т.е. соблазн решить свои собственные интересы путем безнравственным, увы, не есть редкость. Где же та черта, которая может быть основанием для суждения о шагах в сторону?

В международной практике широко известна декларация о правах человека. Отдельно можно сказать о подобном документе, о военнопленных, о применении тех, или иных вооружений.

Все эти документы пронизаны идеей гуманизма и привержены принципам превосходства идеи, свободы и уважения.

К сожалению, не смотря на наличие подобных международных бумаг и их рекомендательный характер, сама трактовка многих определений может быть озвучена в удобной для той или иной стороны форме. Ведение внешнеполитической игры часто бывает циничным и бросающим в жертву собственным амбициям собственный народ.

Что выиграл У.Черчель, знавший о бомбежке Лондона и не давший команду предупредить жителей только для того, чтобы Гитлеровское командование не сменило известный английской шифр радиограмм. Что выиграл Г.Трумен, отдав команду сбросить атомные бомбы на Херросиму и Нагасаки, зная, что военной надобности в этом не было. Каких истинных целей добились США, начав военную кампанию сначала в Югославии и потом в Ираке.

Увы, все эти и многие другие примеры, которые могут быть приведены из мировой политической истории, основываются на полном забвении принципов гуманизма и норм человеческой морали.

Весьма внятно и выдержано с точки зрения норм гуманизма выглядит позиция России на мировой арене, которая позиционирует себя как сильное и уважающее нормы права государство, стремящееся к взаимоуважению стран. Современная Россия позволяет говорить о себе, как о весьма гуманной и выдержанной в нормах основных международных правовых документов. Результатом этого является приобретаемый международный политический вес, рост внутренней экономики, рост производства, прирост международных инвестиций.

Важным фактором является, как уже отмечалось, как интерпретировать гуманистические идеи. И здесь именно незаменимым эталоном и показателем могут быть нормы морали и нравственности, которые стоит соблюдать всем странам мира.

LOS VALORES MORALES
como fundamento del humanismo en la resolución de complejos
problemas políticos y de relaciones internacionales

Tatiana Kleymenova

La compleja carta política mundial surgida luego de la Segunda Guerra se transformó completamente con la desaparición del monstruo comunista: la ex-URSS. Este período ha evidenciado agudos problemas internacionales, un amplio espectro de problemas que necesitan resolución.

Precisamente el enorme cúmulo de cuestiones de carácter internacional, que llevan tras de sí complicadas consecuencias y que ocurren en un intervalo histórico tan comprimido, dan la posibilidad no sólo de definir prioridades, sino también de intentar sacar conclusiones estratégicas óptimas para la resolución de los más complejos problemas políticos y de relaciones internacionales.

Durante la época de la desintegración de la Union Sovietica y, cómo consecuencia de su gran influencia, de la descomposición de todo el mundo socialista - contrapeso al bloque militar de la OTAN - el departamento de política exterior de los Estados Unidos nada hizo para dar pruebas de buena vecindad.

Como es sabido, en aquellos tiempos, la primera declaración importante de la Casa Blanca fue la promesa de no acercarse a las fronteras de Rusia, es decir, no incluir los antiguos países socialistas en el bloque de la OTAN. Posteriormente se declaró que los países Bálticos, habiéndose independizado, no formarían parte de la OTAN. Todo esto ahora ha pasado a la historia, por desgracia, tal vez para muchos con cierta ingenuidad. La OTAN hace ya mucho tiempo que está cerca de las fronteras de Rusia. Sobre la base de tal ejemplo histórico se hace evidente la "verdadera cara política" de las relaciones internacionales.

Desafortunadamente, todas las tramas históricas antes citadas están íntimamente entrelazadas con los procesos históricos mundiales posteriores. Como es sabido, una pequeña desconfianza suele atraer un gran engaño. El engaño lleva tras de sí la enemistad y la incompreensión. La mención de los EEUU aquí no es casual, especialmente a partir del rol que este país juega y trata de jugar en la política mundial. Los EEUU son un país que, debido a la estructura de su política exterior y su organización económica, regula la temperatura mundial de los procesos económicos y políticos. Y por supuesto es importante saber cuál es esa temperatura.

La natural ambición que tienen los estados siempre tropieza con el problema o el dilema del traspaso de los límites morales. Es decir, la tentación de realizar los propios intereses por medios inmorales no es una rareza. ¿Dónde está la línea, a partir de la cual puede considerarse que se ha traspasado tal límite?

En la práctica internacional es ampliamente conocida la declaración de los derechos humanos. Por otra parte, se puede hablar de documentos similares sobre prisioneros de guerra, o sobre la aplicación de diferentes tipos de armamentos.

Todos estos documentos están impregnados por la idea del humanismo y sostienen los principios de superioridad de la idea, la libertad y el respeto. Por desgracia, a pesar de la existencia de documentos internacionales como este y de su carácter recomendativo, el modo mismo de tratar muchas definiciones puede ser expresado de la forma más conveniente para cada parte. La gestión de política exterior a menudo es un juego cínico, de cuyas ambiciones resulta víctima el propio pueblo.

¿Qué ganó Churchill, sabiendo sobre el bombardeo de Londres y no habiendo dado la orden de advertir a sus habitantes, sólo para que el comando hitleriano no modificara la conocida cifra inglesa del radiograma? ¿Qué ganó Garry Truman, al dar la orden de arrojar la bomba atómica sobre Hiroshima y Nagasaki, sabiendo que no había ninguna necesidad militar de hacerlo? ¿Cuáles fueron los verdaderos objetivos perseguidos por los EEUU al comenzar la campaña militar en Yugoslavia y luego en Irak?

Estos y muchos otros ejemplos que pueden ser tomados de la práctica política mundial, se fundan en el olvido completo de los principios del humanismo y de las normas de la moral humana. Cualquier conflicto militar es anticipado por una gran campaña publicitaria convenciendo de su necesidad. Todos se convierten en víctimas, a menudo incluso el propio pueblo. Un ejemplo de ello pueden ser la cantidad cada vez mayor de ataúdes de soldados americanos en Irak a pesar de las declaraciones positivas de la Casa Blanca.

Quisiera notar especialmente la situación alrededor de Irán, donde, desde el punto de vista de las normas del humanismo, parece mucho más comprensible y moderada la posición de Rusia: el deseo de respeto mutuo. Precisamente la posición de Rusia impide a los EEUU realizar una operación militar cínica y sin fundamento contra Irán. Claro que, en este contexto, no podemos dejar de recordar las declaraciones de los EEUU e Inglaterra sobre la existencia de armas de exterminio masivo en Irak, sobre las diferentes operaciones internacionales, que no encontraron nada y, a pesar de todo ello, la guerra en Irak comenzó porque era necesario para los EEUU.

Quisiera subrayar una vez más que la posición de Rusia en el momento actual es la de un país muy humano y moderado en cuanto a las normas jurídicas internacionales. El resultado de esto es el peso internacional político adquirido, el crecimiento de su economía interna, el crecimiento de la producción y de las inversiones internacionales.

El punto importante es, como ha sido destacado ya, cómo se interpretan las ideas humanistas. Y aquí el patrón insustituible y el mejor indicador pueden ser las normas de la moral.

En este sentido, un ejemplo muy importante de alta moral internacional puede ser la marcha victoriosa del Ejército Ruso a Europa durante de la derrota de Napoleón. El rasgo más importante y específicamente moral fue el no sometimiento de Europa, sino su liberación y, de hecho, la concesión a cada estado de su completa independencia.

Тенденции развития человечества и ненасилие

Н. Чалдымов
В.Солод

Сегодня, не осмыслив взаимоотношения между цивилизациями, и больше того, не показав того тупика, в который все больше входят эти взаимоотношения, человечество не сможет двигаться дальше в прогрессивном направлении. Следует согласиться с Хантингтоном, утверждавшим, что в сегодняшнем мире, основными источниками конфликтов являются не идеология и экономика, а конфликты между культурами, отношения между цивилизациями. В наше время, в наибольшей степени, противоречия обострились между западной и другими цивилизациями. Уверены, что эти противоречия необходимо решать на путях поиска взаимоотношения и терпимости, и, конечно, ненасильственными методами и средствами.

В широком смысле этого слова, человечество едино, мы люди; но мы очень разные. Эта разность связана с историческими предпосылками, и разными историческими перспективами, где скрупулезный учет тенденций на основе этих предпосылок – задача серьезного исследователя. Необходимо уже сегодня предвидеть, что будет с той или иной страной через 20-30 лет.

Посмотрите, например, Китай – мощная, развивающаяся держава. Куда идет его население? Так развиваться может только молодая и энергичная нация, способная с помощью сильных, светлых мозгов соответствовать процессам современности. Но ситуация может серьезно измениться. Лозунг «одна семья – один ребенок», в случае успеха, приведет к падению рождаемости ниже уровня воспроизводства. Американские эксперты говорят, что к 2020 г. коммунистическое правительство Китая столкнется с ситуацией, когда 400 миллионов жителей, из общего населения в 1.400 миллионов, будут старше 60 лет. То есть, китайцы превратятся в нацию стариков. Это очень тревожный сигнал для развития китайского государства.

Если посмотреть на Европу, на фоне позитивных тенденций развития, мы видим в отдельных странах резкое ухудшение демографической ситуации, например в Германии, где стариков становятся все больше и больше. Экономическая ситуация говорит о том, что через 20 лет средний немец будет жить в два раза беднее, чем американец, из-за процессов организации труда в Европе.

Небезинтересны демографические процессы, происходящие в Америке. Население США - 4% от мирового, и территория их - 7% от

земного шара. В США наблюдается самый значительный в абсолютных числах демографический рост в истории индустриальных обществ. Население США растет на 2-2,5 миллионов человек в год. Если этот рост сохранится - а он может и увеличиться - соответственно к концу нашего века в США будут жить более 500 миллионов человек – это мощнейший рост. Это будет молодая нация. Население Европы, с другой стороны, к 2020 г. сократится на 30 миллионов человек – из 725 миллионов в 2000 г. до 695 миллионов(1). Это резкое сокращение, Европа будет стареть. Что будет тогда с западной цивилизацией?

Не смотря на противоречивость развития, можно утверждать, что Западная цивилизация сможет оставаться лидером демократических преобразований.

Но Западной цивилизации противостоят разные культурологические тенденции. Как взаимодействовать этим разным цивилизациям? Оценивая положительно главную цель Западной цивилизации как распространение демократии в разных регионах мира, приходится ставить под сомнение правильность путей осуществления этой миссии. Назовем некоторые из допущенных ошибок. Попытки силовых решений вплоть до военных вмешательств для достижения своих идеалов рождает ответное насилие, которое носит более кровавый характер и не приводит к желаемому результату. Нет достаточного понимания важности альянса государств, противостоящих угрозам терроризма. На лицо так же недооценка Германии и России как посредников в переговорах между арабскими государствами и восьмеркой стран. Есть и собственно военно-политические ошибки, допущенные западной коалицией, как то, низкий уровень проработанности психологических операций; отсутствие детальной программы проведения отличия террористов от гражданского населения; отсутствует должная степень доверительности в отношениях между представителями спецслужб различных западных государств и их союзников; недооценка конкретной разведывательной работы на местах по сравнению с высокотехнологическим шпионажем; отсутствие достаточного количества специально подготовленных людей, постоянно живущих в странах-объектах воздействия, способных оказывать влияние на формирование общественного сознания демократической направленности и др.

Мы еще не поняли по-настоящему различия между войной в классическом понимании и борьбой с терроризмом; отличия партизанской войны от борьбы с терроризмом и отличия правоохранительной деятельности от борьбы с терроризмом. Очень

важно обратить внимание на диалектику эффективности, моральной ответственности и оправданности вооруженного насилия в борьбе с терроризмом.

Поставлены многие вопросы, на которые пока не дано вразумительных ответов. Например, где возможность, а где необходимость военных действий при предупреждении потенциального теракта? Где система доказательств обвинения человека в прямом или косвенном участии в террористических актах? Где характер презумпции лиц, участвовавших в террористической деятельности? Нужны ответы на эти и другие вопросы, для того, чтобы было понятно прав или не прав человек, когда он идет с оружием в руках против людей, которые могут быть террористами. Нужна разработка системы приоритетов, которыми должно руководствоваться государство при планировании и проведении антитеррористических действий.

Возникает собственно военный вопрос, где же место армии в мире в решении этих сложных проблем? Пока вразумительного ответа на этот вопрос нет.

Существует потенциальная опасность в разных планах: экономическая, экологическая, собственно военная, но это потенциальная опасность. В военной области – это государственные противоречия, государственные доктрины и использование вооруженного насилия в достижении политических целей. Сейчас наступило время, когда страны должны готовить свои армии к отражению негосударственных угроз.

Пока существуют государства, будут существовать национальные интересы. Эти интересы приходят в противоречие друг с другом. Но если мы сегодня не вынесем эти противоречия за скобки, и не сосредоточимся на общих опасностях, то мы не сможем найти выход из этого тупика. Очень хочется надеяться, что здравый смысл возьмет верх.

Безопасность невозможно обеспечить каждому государству для себя. Не реалистична точка зрения, согласно которой всеобщую безопасность в состоянии обеспечить Соединенные Штаты как самая могущественная держава мира. Нужен альянс государств, противостоящий угрозам. Альянс с участием США, Европы, Китая, России, под эгидой ООН. Все это будет возможно, если будет идеология, в основе которой будут лежать гуманистические начала.

Литература

1. Журнал «Россия в глобальной политике», 2005 г.

Tendencias de desarrollo de la humanidad y no-violencia

**Nikita Chaldimov
Vadim Solod**

Si en el momento actual no se estudian y comprenden las relaciones entre civilizaciones y, más aún, no se muestra el callejón sin salida en el que están ingresando estas relaciones, la humanidad no puede continuar su avance en una dirección progresiva. Es necesario acordar con Huntington cuando afirma que, en el mundo de hoy, las principales fuentes de conflicto no son la ideología y la economía, sino los conflictos entre culturas, las relaciones entre civilizaciones. En nuestro tiempo, se han agudizado al grado más alto las contradicciones entre la civilización occidental y otras civilizaciones. Estoy convencido que es necesario resolver estas contradicciones buscando un camino de tolerancia y reciprocidad; y, por supuesto, por métodos y medios no violentos.

En el sentido más amplio de la palabra, la humanidad es una; somos todos humanos, pero somos muy diferentes. Se trata de diferentes premisas históricas y diferentes perspectivas históricas. El estudio escrupuloso de las tendencias que descansan a la base de estas premisas es la tarea obligada de un investigador serio. Es necesario prever que será de uno u otro país dentro de los próximos 20-30 años.

Veamos el ejemplo de China, una potencia en pleno crecimiento. ¿Hacia dónde avanza su población? Desarrollarse de tal modo sólo es posible para una nación joven y enérgica; capaz, con la ayuda de mentes fuertes, brillantes, de corresponder los procesos del mundo contemporáneo. Pero la situación puede cambiar seriamente. El lema “una familia, un niño”, en caso de tener éxito, llevará a la caída de la natalidad por debajo del nivel necesario de reproducción. Expertos americanos afirman que en 2020 el gobierno comunista de China se chocará con una situación en la que 400 millones de habitantes, de una población total de 1.400 millones, serán mayores de 60 años. Es decir, los chinos se convertirán en una nación de ancianos. Esta es una señal muy preocupante para el estado chino y su desarrollo futuro.

Si observamos Europa, en el contexto de positivas tendencias de desarrollo, vemos en algunos países un fuerte empeoramiento de la situación demográfica; por ejemplo en Alemania, donde cada vez hay mayor porcentaje de ancianos. Por otro lado la situación económica nos habla de que, dentro de 20 años, un alemán medio vivirá dos veces más pobremente

que un americano, debido a los procesos en curso de organización del trabajo en Europa.

Un fenómeno interesante son los procesos demográficos en América. La población de EEUU representa el 4% del total mundial, y su territorio es el 7% del globo terráqueo. En EEUU se observa el crecimiento demográfico más significativo en cifras absolutas en la historia de las sociedades industriales. La población de EEUU aumenta en 2-2,5 millones de personas por año. Si este crecimiento se mantiene – y puede incluso incrementarse – a fines de nuestro siglo la población estadounidense superará los 500 millones de personas, un crecimiento altísimo. Será una nación muy joven. La población de Europa, por otra parte, hacia el 2020 se reducirá en 30 millones: de 725 a 695 millones(1). Es una fuerte reducción, Europa envejecerá. ¿Qué sucederá entonces con la civilización occidental?

A pesar de estas contradicciones del desarrollo, se puede afirmar que la civilización occidental seguirá liderando los cambios democráticos en el mundo.

Pero a la civilización occidental se le oponen diferentes tendencias culturológicas. ¿Cómo interactuar entre estas civilizaciones tan diferentes? Aún valorando positivamente el objetivo principal de la civilización occidental de difusión de la democracia en diferentes regiones del mundo, debemos poner en duda la corrección de los medios para realizar esta misión. Veamos algunos de los errores cometidos. Los intentos de actuar por la fuerza, incluyendo la intervención militar, para el logro de sus ideales, generan la correspondiente respuesta violenta, con un carácter más sangriento aún y sin llevar nunca a los resultados esperados. No hay una adecuada comprensión de la importancia de una alianza entre los países que enfrentan la amenaza del terrorismo. Es evidente la inadecuada valoración de Alemania y Rusia como mediadores en las negociaciones entre los estados árabes y los países de los Ocho. Hay errores de carácter propiamente político-militar, cometidos por la coalición occidental, como el bajo nivel de elaboración de las operaciones psicológicas; la ausencia de un programa detallado para establecer las diferencias entre terroristas y población civil; se carece del grado debido de credibilidad en las relaciones entre los servicios secretos de los países occidentales y sus aliados; no se valora correctamente la actividad de inteligencia en comparación con el espionaje de alta tecnología; es insuficiente la cantidad de personal especialmente entrenado, residente en los países-objetivo, para llevar adelante la formación dirigida de la opinión pública en una dirección democrática, etc.

Todavía no hemos comprendido a fondo la diferencia entre la guerra en su concepción tradicional y la lucha antiterrorista; entre la guerra de guerrillas y la lucha antiterrorista; entre la defensa del orden público y la

lucha antiterrorista. Es muy importante atender a la dialéctica de la efectividad, la responsabilidad moral y la justificación del uso de las fuerzas armadas en la lucha contra el terrorismo.

Son muchas las preguntas planteadas para las cuales no hay todavía una respuesta coherente. Por ejemplo, dónde está la posibilidad y dónde la necesidad de acciones militares para la prevención de un potencial acto terrorista. Dónde está el sistema de pruebas de la culpa de una persona en cuanto a su participación directa o indirecta en acciones terroristas. Dónde está el carácter de presunción de las personas partícipes en actividades terroristas. Son necesarias respuestas a estas y otras cuestiones, para que se haga comprensible si está o no en lo cierto la persona que sale a actuar armas en la mano contra gente sospechadas de terrorismo. Se requiere de la elaboración de un sistema de prioridades que puedan servir al Estado al momento de planificar y realizar acciones antiterroristas.

Surge una pregunta propiamente militar: ¿cuál es el lugar de las fuerzas armadas en el mundo de hoy para la resolución de estos complejos problemas? Todavía no hay una respuesta coherente a esta pregunta.

Existe un peligro potencial en diferentes planos: económico, ecológico, propiamente militar, pero son peligros precisamente potenciales. En el plano militar, se trata de contradicciones estatales, doctrinas estatales y del uso de la violencia militar en el logro de objetivos políticos. Ha llegado el tiempo cuando los países deben preparar sus fuerzas armadas para enfrentar amenazas no estatales.

Mientras existan los estados van a existir los intereses nacionales. Estos intereses entran en contradicción entre sí. Pero si nosotros hoy no colocamos estas contradicciones entre paréntesis y nos concentramos en los peligros comunes, no podremos encontrar salida de este callejón. Quisiéramos creer que finalmente prevalecerá el sentido común.

Cada país por separado no puede garantizar su propia seguridad. No es realista tampoco el punto de vista por el cual la seguridad mundial puede ser garantizada por los Estados Unidos como potencia más fuerte del mundo. Es necesaria una alianza de estados que enfrente las amenazas. Una alianza con participación de los EEUU, Europa, China, Rusia, bajo la égida de las Naciones Unidas. Esto será posible si se cuenta con una ideología, en cuya base se coloquen los principios humanistas.

Bibliografía

1. La revista "Rusia en la política global", 2005.

**Применение принципа ненасилия при освоении Космоса
(методологические, социоприродные
и практические аспекты)**

С.В. Кричевский

Реализация принципа ненасилия имеет важнейшее значение для безопасности и развития России, всего мирового сообщества в сфере освоения Космоса и осуществления космической деятельности.

В юбилейный космический год – 2007 (150 лет со дня рождения К.Э. Циолковского - «отца космонавтики» (17 сентября 1857 г.); 100-летие С.П. Королёва - выдающегося конструктора ракетно-космической техники и организатора космической деятельности в СССР (10 января 1907 г.); 50 лет запуска в СССР 1-го искусственного спутника Земли (4 октября 1957 г.), - есть смысл оценить итоги, проблемы и перспективы освоения космоса и космической деятельности в контексте принципа ненасилия.

С позиций системного подхода существует 3 основных блока отношений в сфере космической деятельности и реализации принципа ненасилия:

➤ на Земле и в околоземном космическом пространстве (ОКП), - для нашей цивилизации на Земле, осуществляющей космическую деятельность, включая международные отношения и т.д.;

➤ при экспансии в Космос, расселении вне Земли, возможном создании в течение XXI в. (путём объединения «космических добровольцев») Человечества-2, включая международные отношения, а также перспективные межцивилизационные отношения Человечества-1 («земного») и Человечества-2 («космического», в околоземном космическом пространстве, включая Луну, затем пространство вблизи орбиты Земли вокруг Солнца с последующим освоением Солнечной системы);

➤ в пространстве Земля + Космос в случае возможных контактов Человечества-1 и/или Человечества-2 с внеземными цивилизациями «неземного» происхождения.

Причем, это касается отношений применительно не только к людям, их организациям, обществу, цивилизациям, но и к окружающей среде, земной и внеземной, т.е. в пределе – это касается отношений применительно ко всем социальным, природным и социоприродным системам на Земле и в Космосе.

С учетом реального мира и тенденций, применение принципа ненасилия ограничено с 2-х сторон (границ) - минимальной и максимальной - необходимостью:

➤ обеспечить безопасность человека, общества, государства, цивилизации от рисков и угроз социального и природного происхождения;

➤ минимизировать агрессию и насилие, избегая чрезмерностей и жестокости в применении силы ко всем объектам и во всех отношениях.

Пионеры освоения космоса – ученые, исследователи, конструкторы в конце XIX - начале XX вв. предлагали стратегии, планы, программы, конкретные проекты освоения космоса на благо всего человечества.

Стратегия освоения космоса – это долгосрочный план, отражающий цели, приоритеты и основные направления космической деятельности.

1-ю стратегию освоения космоса предложил К.Э. Циолковский в 1-й четверти XX в., - план из 16-ти пунктов: от создания ракетного самолета (п.1) – к созданию системы обширных поселений вокруг Земли (п.10) – до расселения за пределы Солнечной системы (пп.15-16), с условными (бесконечными) сроками (8, с.271-273). План Циолковского является непревзойденным, хотя вопросы стратегии рассматривались и другими авторами.

Однако, практическое освоение космоса, которое началось в мире лишь во 2-й половине XX в., изначально шло в парадигме гонки, борьбы за лидерство, затем – за господство государств в космосе, в условиях жесткого военно-стратегического противостояния в «холодной войне» ведущих космических держав – СССР и США (7). По сути, была реализована именно эта, 2-я стратегия, причем, она значительно отличается от положений 1-й стратегии (К.Э. Циолковского), но коррелирует с ней по ряду этапов развития техники, освоения космоса в околоземном космическом пространстве и др.

3-я стратегия освоения космоса - «Интегрированный космический план» - Integrated Space Plan (ISP), - прогноз до 2100 г., разработан под руководством Р. Джоунса (R.M. Jones) в США в 1992 г. (6, с.193-197; 9). Эта стратегия коррелирует с 1-й стратегией, детально проработана в пространственно-временном отношении, имеет четкую структуру, взаимосвязи, до сих пор является лучшей с точки зрения системного подхода, программно-целевого планирования, информационной насыщенности, наглядности. Вместе с тем, в ней есть явные недостатки: 1) пропущено освоение пространства

гелиоцентрической орбиты Земли и вблизи этой орбиты; 2) задан чрезмерно высокий темп экспансии в Солнечной системе; 3) отсутствует система экономических и социоприродных приоритетов, ограничений и др.

На рубеже XX-XXI вв., после завершения «холодной войны», возникла ситуация однополярного мира с гегемонией США, которые пытаются навязать всему миру свои гипертрофированные национальные интересы, в том числе в сфере космической деятельности, в освоении космоса, реализуя ряд элементов ISP.

При этом мировое сообщество до сих пор не имеет единой стратегии освоения космоса, официально разработанной и принятой на уровне ООН.

Более того, существующее экологическое и космическое право (2,4,5) явно отстает от темпов космической деятельности, хотя, в целом, освоение космоса идет явно заниженными темпами по сравнению с прогнозами 60-х гг. XX в. Это отставание, причем, и в области «правил игры» и в реализации принципов ненасилия, все более проявляется в отношениях к окружающей среде, к природопользованию и охране природы в процессе космической деятельности на Земле и в околоземном космическом пространстве.

До сих пор не решены актуальные вопросы, связанные с «космическим мусором» на околоземных орбитах, не определены структура и границы околоземного космического пространства. Ведущие космические государства, в том числе Россия и США, не ратифицировали «Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах» (1979 г.), но при этом уже начали реализовывать широкомасштабные программы и проекты освоения околоземного космического пространства, Луны и т.п.

В настоящее время в мире фактически началась новая космическая гонка, которая направлена не только на демонстрацию лидерства и достижение рекордов, совершение научных открытий, но все более - на создание новых глобальных космических систем в околоземном космическом пространстве, баз на Луне, затем на Марсе в целях колонизации, освоения вземных природных ресурсов и вовлечения их в земное хозяйство для решения глобальных земных проблем (прежде всего – энергетической проблемы).

В связи с отставанием международных «правил игры» в сфере космической деятельности, существует и нарастает угроза проявления и эскалации насилия, серьезных конфликтов в процессе освоения космоса в ближайшие десятилетия, включая военно-стратегические и коммерческие аспекты в «ближнем» околоземном космическом

пространстве (вплоть до геостационарной орбиты), затем - территориальные и природоресурсные аспекты на Луне и т.д.

Все большее значение приобретают социоприродные отношения на Земле и в Космосе в контексте принципа ненасилия, охватывая основные аспекты:

    познание, адекватный учет сил природы, а также признание и реализацию «прав природы»;

    активную борьбу с опасными проявлениями сил природы (например, с астероидно-кометной угрозой);

    явно чрезмерные воздействия технической деятельности человечества, вследствие которых происходит поражение, разрушение, уничтожение жизненно важной природной среды, ее объектов, экосистем (в том числе в процессе космической деятельности);

    поиск и достижение баланса с окружающей средой через минимизацию насилия при принятии решений на всех уровнях управления, ускоренную экологизацию техники и деятельности (3).

Для решения всего комплекса вопросов по всем 3-м блокам отношений на Земле и вне Земли при освоении Космоса в XXI в. в контексте реализации принципа ненасилия необходим переход к новой – сбалансированной экологобезопасной социоприродной стратегии освоения Космоса в России и мире, при активном международном сотрудничестве, адекватных «правилах игры» и скоординированном управлении под эгидой ООН.

Литература

1. Декларации прав природы / Сост. В. Борейко. Киев, 2003. – 16 с.
2. Международное космическое право: Учебник. Отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. М.: Международные отношения, 1999. – 360 с.
3. Урсул А.Д., Демидов Ф.Д. Устойчивое социоприродное развитие. Учеб. пособие. М.: Изд-во РАГС, 2006. – 330 с.
4. Федеральный закон РФ "О космической деятельности" от 20.08.1993 г. № 5663-1 (с изм. и доп. от 29.11.1996 г., 10.01.2003 г.).
5. Федеральный закон РФ от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды".
6. Федотов А.П. Глобалистика: Начала науки о современном мире: Курс лекций. М., 2002. – 224 с.
7. Хозин Г.С. Великое противостояние в космосе (СССР-США). Свидетельства очевидца. М., 2001. – 416 с.
8. Циолковский К.Э. Реактивные летательные аппараты. М., 1964. – 476с.
9. Integrated Space Plan. Version 3.0. April 1992. Produced by Ronald M. Jones. - Visionary enterprises. Huntington Beach, California, 1992.

**Aplicación del principio de la no-violencia en la
conquista del Cosmos
(aspectos metodológicos, socionaturales y prácticos)**

S. Krichevsky

La realización del Principio de la No-violencia (PN) tiene un significado extremadamente importante para la seguridad y el desarrollo de Rusia y de toda la comunidad mundial, en el campo de la conquista del Cosmos y la realización de la actividad cósmica.

En un año (2007) pleno de aniversarios cósmicos (150 años del nacimiento de K.Tsiolkovsky, “padre de la cosmonáutica”, 17 setiembre 1857; 100 años del nacimiento del famoso constructor de tecnologías cósmico-misilísticas e iniciador de la actividad cósmica en la URSS, S. Korolev, 10 enero 1907; 50 años del lanzamiento en la URSS del primer satélite artificial, 4 octubre 1957), tiene mucho sentido realizar un balance de los problemas y perspectivas en la conquista del cosmos y en la actividad cósmica en general, en el contexto del PN.

Desde la perspectiva del análisis sistémico existen 3 bloques básicos de relaciones en la esfera de la actividad cósmica y la realización del PN:

1) en la Tierra y en el espacio orbital terrestre (EOT), para nuestra civilización terrestre que lleva adelante actividades cósmicas, incluyendo las relaciones internacionales;

2) en la expansión cósmica, las colonias fuera de la Tierra, la posible creación en el transcurso del siglo XXI de la “Humanidad-2” (por medio de la unión de “voluntarios cósmicos”); incluyendo las relaciones internacionales, como así también las relaciones entre las civilizaciones Humanidad-1 (“terrestre”) y la Humanidad-2 (“cósmica”, en el EOT incluyendo la Luna, el espacio circundante a la órbita de la Tierra alrededor del Sol, y la posterior exploración del Sistema Solar);

3) en el espacio Tierra + Cosmos, en el caso de posibles contactos de la Humanidad-1 y/o la Humanidad-2 con civilizaciones de origen extraterrestre.

Nos estamos refiriendo no sólo a las relaciones vinculadas con las personas, su organización, sociedad, civilización, sino también con el medio circundante, terrestre y extraterrestre, o sea, a toda la variedad de relaciones incluidas en los sistemas sociales, naturales y socionaturales en la Tierra y en el Cosmos.

Tomando en consideración el mundo real y sus tendencias, la aplicación del PN está limitada en sus dos fronteras – mínima y máxima – por la necesidad de:

- 1) garantizar la seguridad de la persona, la sociedad, el estado, la civilización, de los riesgos y amenazas de origen social y natural;
- 2) minimizar la agresión y la violencia, evitando los excesos y la severidad en la aplicación de la fuerza respecto de todos los objetos y en todos los casos.

Los pioneros en la conquista del Cosmos: científicos, investigadores, constructores, a fines del siglo XIX, comienzos del XX, proponían estrategias y proyectos concretos de conquista del Cosmos por el bien de toda la humanidad. La estrategia de conquista del Cosmos es un plan de largo plazo, que incluye los objetivos, prioridades y direcciones principales de la actividad cósmica.

La primera estrategia de conquista del Cosmos fue propuesta por K.E. Tsiolkovsky en el primer cuarto del siglo XX: un plan de 16 puntos: desde el desarrollo de un avión misilístico, para la creación de un sistema de colonización extendida alrededor de la Tierra; hasta la instalación de colonias fuera de los límites del Sistema Solar, con plazos ilimitados. El plan de Tsiolkovsky es insuperable, aunque las cuestiones de estrategia cósmica fueran analizadas también por otros autores.

Sin embargo, la conquista práctica del Cosmos, que comenzó sólo en la segunda mitad del siglo XX, inicialmente avanzó en el paradigma de la competencia y la lucha por el liderazgo. Luego, de la supremacía de un estado en el Cosmos, en condiciones de severa confrontación militar estratégica, durante la “guerra fría” de las dos potencias principales: URSS y USA. En la práctica fue realizada esta segunda estrategia, la cual se diferencia significativamente de las características de la primera (de K.Tsiolkovsky), pero se correlaciona con ella en varias etapas del desarrollo tecnológico, la exploración del espacio orbital terrestre, etc.

La tercera estrategia de conquista del cosmos es el “Plan cósmico integrado” – Integrated Space Plan (ISP) – un pronóstico hasta el año 2100 elaborado bajo la dirección de R.M.Jones en USA en 1992. Esta estrategia se asemeja a la primera variante, pero elaborada más detalladamente en los aspectos espacio-temporales, con una estructura precisa, plena de interrelaciones y abundante información; hasta el momento la mejor planificación realizada con el método sistémico. Al mismo tiempo, contiene algunas insuficiencias evidentes: 1) se omite la conquista del espacio en la órbita heliocéntrica de la Tierra y en los alrededores de esta órbita; 2) se establece una velocidad de expansión en el Sistema Solar desproporcionadamente alta; 3) carece de un sistema de prioridades, económicas, sacionaturales, etc.

En la frontera entre los siglos XX y XXI, luego de la conclusión de la “guerra fría”, surgió una situación de mundo unipolar con hegemonía de

USA, que intenta imponer al resto del mundo sus intereses nacionales hipertrofiados, inclusive en la esfera de la actividad cósmica, en la conquista espacial, en la realización de diferentes aspectos del ISP.

En esta situación, la comunidad mundial no cuenta hasta el momento con una estrategia unificada de conquista del Cosmos elaborada oficialmente y adoptada en el ámbito de la ONU.

Más aún, el derecho ecológico y cósmico existente está claramente retrasado respecto de los tiempos de desarrollo de la actividad cósmica; aún cuando la conquista del Cosmos avanza a una velocidad mucho menor respecto de los pronósticos de los años 60 del siglo pasado. Este retraso, que se da tanto en el campo de las “reglas de juego” como de la realización del PN, se manifiesta cada vez más en las relaciones con el medio circundante, en la explotación y conservación de la naturaleza, durante la actividad cósmica en la Tierra y en el EOT.

Hasta el momento no están resueltos problemas muy candentes relacionados con la “basura cósmica” en las órbitas cercanas a la Tierra; no están determinados la estructura y los límites del EOT. Las principales potencias espaciales, inclusive Rusia y USA, no han ratificado el “Acuerdo sobre la actividad de los Estados en la Luna y otros cuerpos celestes” (de 1979). Aunque a pesar de esto hayan comenzado a desarrollar ambiciosos programas y proyectos de conquista espacial en el EOT, la Luna, etc.

Al día de hoy en el mundo ha comenzado de hecho una nueva carrera espacial, la cual está dirigida no sólo a demostrar liderazgos, alcanzar nuevos récords, realizar descubrimientos científicos; sino cada vez más a la creación de nuevos sistemas cósmicos globales en el EOT, de bases lunares, luego en Marte, con el objetivo de colonización, explotación de recursos naturales extraterrestres y aplicación de los mismos a la economía terrestre para la resolución de problemas planetarios globales (sobre todo energéticos).

En relación con el retraso de las “reglas de juego” internacionales en el campo de las actividades cósmicas, existe y crece hoy la amenaza del surgimiento de serios conflictos y escaladas de violencia en el proceso de conquista del cosmos en el transcurso de las próximas décadas, incluyendo los aspectos militares estratégicos y comerciales en el EOT “cercano” (hasta la órbita geoestacionaria); luego los aspectos territoriales y de recursos naturales en la Luna y así siguiendo.

Adquieren cada vez más significado las relaciones socionaturales en la Tierra y en el Cosmos en el contexto del PN, abarcando los siguientes aspectos básicos:

- 1) reconocimiento y adecuada evaluación de las fuerzas de la naturaleza, como así también reconocimiento y realización de los “derechos de la naturaleza”;

2) activa lucha contra las manifestaciones peligrosas de las fuerzas de la naturaleza (por ejemplo la amenaza de cometas y asteroides);

3) los efectos desproporcionados de la actividad tecnológica de la humanidad, como consecuencia de los cuales se produce la destrucción de medios naturales de importancia vital, de sus objetos y ecosistemas (inclusive en el proceso de la actividad cósmica);

4) la búsqueda y logro de un balance con el medio circundante, a través de la minimización de la violencia, durante la toma de decisiones en todos los niveles de dirección; ecologización acelerada de la tecnología y la actividad.

Para la resolución de este conjunto de cuestiones, en la Tierra y fuera de ella, en el contexto de la realización del principio de la no-violencia, es necesario durante el siglo XXI el cambio de estrategia sacionatural hacia una conquista del Cosmos proporcionada y ecológicamente segura, tanto en Rusia como en el resto del mundo, con una activa colaboración internacional, adecuadas “reglas de juego” y una coordinación supervisada por la ONU.

Bibliografía

1. Declaración de los derechos de la Naturaleza – V.Boreiko, Kiev, 2003.
2. Derecho cósmico internacional, Manual. Redactores: G.Yukov, Y.Kolosov. Moscú.. Ed. Relaciones Internacionales, 1999.
3. Demidov F. Ursul A., Desarrollo sacionatural estable. Manual de estudio. Moscú.. Ed.: RAGS, 2006.
4. Fedotov A., Globalística: principios de la ciencia en el mundo actual. Curso de lecciones. Moscú, 2001.
5. Ley Federal de la FR “Sobre la actividad cósmica”, del 20.08.1993, N° 5663-1 (con modificaciones y agregados del 29.11.1996 y 10.01.2003).
6. Ley Federal de la FR “Sobre conservación del medio natural”, del 10.01.2002.
7. Khozin G., La gran confrontación en el cosmos (URSS – USA), Relatos de un testigo. Moscú, 2001.
8. Tsiolkovsky K., Aparatos voladores a reacción. Moscú, 1994.
9. Integrated Space Plan. Version 3.0. April 1992. Produced by Ronald M. Jones -Visionary enterprises. Huntington Beach, California, 1992

УХОДЯ В ОКЕАН КОСМОСА

В.В. Лебедев

Вступив в третье тысячелетие, мы располагаем огромными возможностями в связи с интенсивным освоением космоса и новой информацией, проникающей во все сферы нашей жизни. В то же время продолжаем оперировать привычными земными представлениями о своем будущем, которых явно недостаточно и, возможно, они даже ошибочны. Расширяющаяся среда обитания требует от нас развития планетарного сознания, не скованного рамками географических и политических границ.

Только сохранение внутреннего мира способно поднять планку духовных устремлений, необходимых для вступления в планетарную эру. Человек в современном мире, достигнув больших интеллектуальных высот и связанных с этим технологических возможностей, считает, что может выживать изолированно. Нужно отдавать себе отчет, что это цивилизованное одичание хуже первобытной дикости. Мы сами роим себе яму, становясь придатком к технике.

Многие еще помнят, каким был на ВДНХ павильон «Космос»: сколько молодежи, увидев космические аппараты, станции в большой, постоянно обновляемой и дополняемой экспозиции, приобщалось к необходимости приобретения глубоких, обширных знаний, сколько ребят, восторгаясь увиденным, определили свой путь в науку, инженерию, к высокопрофессиональному ремеслу. И что же мы видим теперь? В центральном павильоне «Космос» полная разруха, вместо чудо-техники XX века мы ввалились с мешками, палатками и разграблением уникальной экспозиции.

Разрушаются музеи, утрачена традиция научно-популярной литературы, которая доступно и точно говорила о главном в науке, показывала наше место в ней. Через лекции общества «Знание», чтения, посвященные памяти Королева, Гагарина, Циолковского, люди зажигались огнем дерзаний страны, приобщались к духу времени.

Утверждение своих способностей ради творчества – это созидательный процесс, движение, направленное на развитие и себя, и окружающего мира. Без него человек уходит от гармонии развития, создается почва монстрам, владеющим огромными богатствами, способностью присваивать власть, располагая гигантскими возможностями науки, технического прогресса, в безудержном стремлении к еще большей власти подавлять внутренний мир человека,

его чувства, восприятие, разрушая саму возможность наслаждения жизнью. К этому приводит нравственное разложение общества.

Человек должен развиваться в мире общих ценностей, гуманных, нравственных. Все великое надо рассматривать только в контексте планеты, а не растягивать карту своей страны на всю стену, не возвышать свою религию над другими; не превозносить достижения только своей страны. Никто не имеет права считать себя избранным. Каждый должен ощущать причастность ко всему, что есть в природе, ответственность за все, что достигнуто сообществом людей. Высокой цели должна соответствовать высокая культура, когда рождаются увлеченность, подвижничество, самопожертвование, сострадание.

Необходимо дать новым поколениям возможность овладения знаниями, полученными в космических исследованиях, сделать их частью культуры XXI века. Это сохранит атмосферу стремления к познаниям нового, пробудит творческое горение, которое позволило нам первыми сделать шаг за пределы Земли. Освоение космических знаний – такая же приоритетная задача, как и создание техники, и она лежит в русле традиций русского космизма, связанного с именами К.Э.Циолковского, В.И.Вернадского, А.Л.Чижевского, которые открыли человечеству новые горизонты развития.

Sumergiéndonos en el océano del Cosmos

V.V. Lebedev

Ingresando en el tercer milenio, disponemos de enormes posibilidades para una conquista intensiva del Cosmos y nueva información penetra aceleradamente en todas las esferas de nuestra vida. Al mismo tiempo continúan operando las habituales visiones terrestres sobre el futuro, las cuales son evidentemente insuficientes y, posiblemente, también equivocadas. La ampliación de nuestro hábitat exige de nosotros el desarrollo de una conciencia planetaria, no encadenada a las fronteras geográficas ni políticas.

Unicamente el desarrollo del mundo interno es capaz de elevar la marca de las aspiraciones espirituales necesarias para el ingreso a la era planetaria. El ser humano, habiendo alcanzado en el mundo actual grandes alturas intelectuales y todas las posibilidades tecnológicas vinculadas con ello, cree que puede vivir aislado.

Es necesario reconocer que este salvajismo de la civilización es peor aún que el salvajismo primitivo. Socavamos así nuestras propias bases, convirtiéndonos en apéndices de la tecnología.

Seguramente mucha gente recuerda el pabellón “Cosmos” en el Centro de Exposiciones VDNJ. ¡Cuántos jóvenes, al ver las naves espaciales, las estaciones orbitales, en una gran exposición permanentemente renovada y ampliada, se convencían de la necesidad de adquirir amplios y profundos conocimientos científicos! ¡Cuántos de ellos, entusiasmados por lo observado, eligieron el camino de la ciencia, la ingeniería, las tecnologías de alto nivel profesional! ¿Y qué vemos nosotros ahora? En el pabellón central “Cosmos”, en lugar de las maravillas técnicas de los siglos XX y XXI, nos perdemos entre kioscos y vendedores ambulantes de todo tipo.

Se ha perdido también la tradición de la literatura científica popular, que de un modo preciso y accesible describía los temas y logros más importantes de la ciencia, mostrando nuestro lugar en ella. Por medio de las conferencias de la sociedad “Conocimiento”, las lecciones dedicadas a la memoria y obra de Korolev, Gagarin, Tsiolkovsky, la gente se contagiaba del fuego de las osadías del país, conectando con el espíritu de la época.

La afirmación de las propias virtudes y capacidades por medio de la creatividad es un proceso constructivo, un movimiento dirigido al desarrollo, de sí mismo y del mundo circundante. Sin ello el ser humano queda fuera de la armonía del crecimiento y se prepara el terreno a los monstruos, poseedores de enormes recursos, con capacidad de conquistar el poder, disponiendo de las posibilidades gigantescas de la ciencia y el progreso tecnológico en su aspiración incontenible de mayor poder; reprimiendo el mundo interior del ser humano, sus sentimientos, percepciones, destruyendo la posibilidad misma de disfrutar de la vida. Todo esto como consecuencia de la disgregación moral de la sociedad.

El hombre debe desarrollarse en un mundo de valores morales, valores humanos. Todo lo grande debe ser visto sólo en el contexto planetario, y no extender el mapa del propio país por toda la pared; no elevar la propia religión por encima de las demás; no exaltar solamente los logros de la propia nación. Nadie tiene derecho a considerarse un elegido. Cada uno debe experimentar su pertenencia a todo lo existente, su responsabilidad por todo lo logrado por la comunidad humana. Tan alto objetivo debe ser correspondido por una cultura elevada, en la que crezcan el entusiasmo, la osadía, la inspiración, la compasión.

Es imprescindible dar a las nuevas generaciones la posibilidad de contar con los conocimientos obtenidos en las investigaciones cósmicas, integrándolos a la cultura del siglo XXI.

Así, estaremos fortaleciendo sus búsquedas hacia el descubrimiento de lo nuevo, despierta ese mismo fuego creativo que nos permitió por primera vez salir de los límites de la Tierra. La asimilación de los conocimientos cósmicos es una tarea tan prioritaria como la creación tecnológica y se inscribe en el contexto del cosmismo ruso, vinculado a los nombres de K.Tsiolkovsky, V.Vernadsky, A.Chizhevsky, pioneros que abrieron a la humanidad nuevos horizontes de crecimiento.

Гуманизм и борьба за природные ресурсы в XXI веке

Э.С. Кульпин,
О.Н. Яницкий

Гуманизм как базовая ценность и конкретная форма человеческой деятельности в XXI веке сталкивается с проблемами, которых не было прежде или они находились на периферии сознания и обыденной жизни. Главное противоречие столетия - между ростом населения Планеты, в особенности неограниченным ростом массового потребления в индустриально развитых и некоторых бурно развивающихся странах, и ограниченностью природных ресурсов мира. Противоречие, которое в сущности уже привело к «ресурсным войнам» между сильнейшими державами мира, которое императивно требуют пересмотра традиционных мировоззренческих установок, всей системы отношений и форм взаимодействия человека с миром, выявления места человека в биосфере и уточнения целей и смысла своей деятельности. Ясно, что это противоречие затрагивает интересы личности и общества, приводит к конфликтам стран и народов, заставляет ограничивать потребности населения в энергии и ресурсах, критически пересматривать цели, ценности, образы и идеалы будущего. Ясно, что эти интересы должны теперь быть согласованы с гуманистическими критериями производства и доступности базовых для жизни человека и общества ресурсов. Возникает сложная научная, политическая и одновременно культурная задача выработки таких глобальных критериев производства ресурсов жизнеобеспечения и ландшафтов, пригодных для жизни, которые бы, отвечая требованиям «экологической справедливости», одновременно снижали бы риск «ресурсных войн» и других экологически обусловленных конфликтов.

Исторически естественные базовые потребности человека сводились к защите от голода и холода, демографическому воспроизводству и получению удовольствий. Большинство бедного населения жило и живет в регионах, где энергетические потребности удовлетворяются за счет солнечной энергии⁷(1, с.63), и потому гуманизм находил свое практическое воплощение, прежде всего, в защите людей от голода. Проблемы экологически чистых территорий

---

⁷ При сложении коммерческой и солнечной энергии оказывается, что удельное потребление энергии на душу населения для России – самой холодной страны мира, где 40% энергии идет на обогрев помещений, ниже аналогичного показателя для Зимбабве, Парагвая и Иордании

как естественной базовой потребности человека в физическом пространстве, а также в чистом воздухе и пригодной для питья воде, в повестке дня мирового сообщества в прошлом веке еще не стояли, хотя грозное приближение их уже ощущалось⁸. Ускоряющийся процесс загрязнения этих трех сред во второй половине прошлого столетия и стремительное изменение климата в конце XX – начале XXI веков, усиливающее остроту дефицита пригодной для жизни человека природных ландшафтов, изменяет иерархию базовых потребностей человека. Из названных трех проблем, проблема чистой питьевой воды первой вошла в сферу практической политики⁹.

Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам принял 27 ноября 2002 г. так называемый «Общий комментарий», или разъяснение о праве на воду, относящееся к статье 11 Международной конвенции об экономических, социальных и культурных правах. В Комментарии отмечается: «Право человека на питьевую воду является фундаментальным для жизни и здоровья. Обеспеченность достаточной и безопасной питьевой водой является *непременным условием реализации всех прав человека*». Для 145 стран, подписавшим и ратифицировавшим пакт о правах, вменяется в «постоянную и непрерывную обязанность» обеспечивать обязательный доступ к водным ресурсам на основе равных прав и без дискриминации, что должно быть обеспечено международными обязательствами. При этом остался нерешенным принципиальный вопрос – должна ли вода быть рыночным товаром или общественным достоянием? (2).

Идея о естественной воде как рыночном товаре, с которым надо обращаться по законам рынка, постепенно входит в практику транснациональных компаний. На воду установили цены там, где раньше люди имели ее бесплатно. Если вода – рыночный товар, то о гуманизме в глобальном масштабе и всей совокупности базовых моральных ценностей, детерминируемых состоянием биосферы, можно забыть. В условиях рыночной экономики, практики транснациональных компаний и пропаганде Всемирного совета по воде

---

⁸ В 80-х гг. прошлого века Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор говорил: «чтобы выжить, нам придется изменить наш образ жизни и наши приоритеты» "International Herald Tribune", 15.XI.88.

⁹ На сегодняшний день 1,3 млрд. человек на земном шаре не имеют доступа к надлежащим ресурсам безопасной воды... 19 стран (в основном на Среднем Востоке и в северной и южной частях Африки) сталкиваются с такой серьезной нехваткой воды, что они классифицируются либо как страны с недостаточными водными ресурсами, либо как страны испытывающие стресс из-за нехватки воды.

необходимости приватизации водных услуг подспудно выявляется тенденция, которая может привести к лишению или ограничению не только *реализации всех прав человека*, но и национальных прав на воду.

Первыми защищать национальные права на воду стали США и Канада, когда появилась серия проектов по экспорту воды из Канады – используя воду ледниковых озер Британской Колумбии, воду Великих озер для экспорта в Азию. В Канаде и США были проведены общественные слушания, которые и привели к решению о моратории на массовый экспорт воды из Канады (2). Так защита национальных прав на одну из главных базовых потребностей человека впервые вступила в принципиальное противоречие с правами всех жителей Земли.

Какое решение и при каких обстоятельствах может быть более гуманным, когда речь идет о базовых потребностях человека? – эта проблема сегодня касается и населения РФ.

Две трети населения РФ проживает на 15% ее территории, которая экологически неблагополучна. «Экосистемы там угнетены до такой степени, что их функционирование не соответствует никаким экологическим критериям. Эти экологически неблагополучные зоны *уже не способны восстановиться самостоятельно в обозримые сроки*. К ним, прежде всего, относятся многие регионы Урала, Центра, Кузбасса, Поволжья. Неблагоприятная экологическая ситуация отмечается вокруг крупнейших промышленных центров, таких как Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Самара, Волгоград и др.»¹⁰. В то же время 2/3 территории России – Сибирь и Дальний Восток – пока еще относительно экологически чистые природные зоны. Однако по естественным почвенно-климатическим условиям эти земли, находящиеся в основном за Уралом, мало или почти непригодны для проживания в соответствии с современными критериями уровня и качества жизни.

С одной стороны, экологическое состояние природы традиционного обитания вынуждает искать новые места для жизни, с другой стороны, обустройство в Сибири требует решения ряда сложнейших социальных, экономических и технологических проблем с тем, чтобы качество и уровень жизни населения на суровых, но экологически чистых природных регионах отвечали стандартам XXI

---

¹⁰ Интервью директора Института водных проблем Российской академии наук, члена-корреспондента РАН Виктора Данилова-Данильяна обозревателю РИА Новости Татьяне Сеницыной. <http://news.mail.ru/politics/1465481/>

века. Новое обустройство Сибири и Дальнего Востока потребует огромного напряжения всего российского общества.

Без Сибири и Дальнего Востока для населения России нет будущего по новым, еще не имевшим прецедента в мировой истории – экологическим причинам, однако мировому сообществу, исходя из нужд всего человечества, навязывается идея о принятии международного статуса для Сибири и Дальнего Востока, аналогичному статусу Антарктиды. Какое решение здесь будет действительно гуманным, пока неясно.

Вторая половина XX в. знаменовалась непрерывным ростом миграции населения из стран неблагоприятных в экономическом отношении в благополучные. Уже сейчас массовые миграции приводят к проблемам, разнообразие и острота которых имеют тенденцию к стремительному возрастанию. Изменения климата в ближайшие десятилетия резко усилят это процесс. Ожидается нечто подобное прошлым великим переселениям народов¹¹ (З, с.11). К решению этих проблем человечество совершенно не готово¹². Уже сейчас массовые миграции приводят к экономическим проблемам и этносоциальным конфликтам в странах Европы, Америки и Азии, разнообразие и острота которых имеют тенденцию к стремительному возрастанию. Отставание научной и культурной рефлексии от «ресурсной» динамики мира становится критическим.

Во всех этих процессах самое главное состоит в том, что не определены принципиальные базовые критерии гуманного решения проблем. Если такие критерии не будут найдены в ближайшее время, не исключено, что мир войдет в полосу непримиримых и всеобщих ресурсных войн, когда о гуманизме придется забыть. Нам представляется, что ключевая роль в решении этой глобальной проблемы принадлежит мировому сообществу ученых гуманитарного и естественнонаучного профиля. Современные темп и характер эволюция биосоциотехносферы наглядно демонстрируют нам необходимость междисциплинарного подхода, выработки языка, понятного и приемлемого для всего разнообразия культур населения Земли. Вместе с тем, перед ними стоит не кабинетная, но жизненно важная глобальная

---

¹¹ Доклад Стерна, выполненный по заказу правительства Великобритании, описывает динамику глобального потепления за последние годы и возможную динамику до 2050 года. Если потепление приведет к среднему увеличению глобальной температуры Земли *только* на два градуса, то от засухи в мире пострадает 500 миллионов человек. А если глобальный градус поднять до трех - то уже 4 миллиарда.

¹² Последствия изменения климата для регионов: оценка уязвимости. Специальный доклад Рабочей группы II Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), 1997 год. www.archipelag.ru/agenda/geoklimat/history/consequences/

проблема, обсуждение которой требует прозрачности и публичности. Наконец, это проблема, которая должна быть решена в сроки, диктуемые динамикой изменения биосферы, что было наглядно продемонстрировано докладом Стерна и работой международной комиссии ООН по глобальному изменению климата.

Литература

1. Клименко В.В. Энергия, климат и историческая перспектива России / Билль о правах человека и природы. Серия «Социоестественная история», Вып. IX, М. : Институт востоковедения РАН, 1997
2. Ренат Перелет. Вода – право человека или рыночный товар? «ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РЕСУРСАМИ» Общественно-политический журнал Министерства природных ресурсов РФ. Выпуск 3, март 2006.
3. «Новая Газета». №53 (1273) 16.07 – 18.07. 2007 г.

Humanismo y lucha por los recursos naturales en el siglo XXI

**E. Kulpin
O. Yanizky**

El Humanismo, como valor básico y forma concreta de la actividad humana, tropieza en el siglo XXI con dificultades que, o bien antes no existían o bien estaban en la periferia de la conciencia y la vida cotidiana. La contradicción más importante de este siglo se da entre el incremento de la población del Planeta, especialmente el desmesurado incremento del consumo en los países industrializados y en algunas regiones del mundo en veloz desarrollo, y las limitadas reservas de recursos naturales.

Contradicción esta que ya llevó a las “guerras por los recursos” entre los países más ricos del mundo. Y que exige de una inmediata revisión de la tradicional visión del mundo, de todo el sistema de relaciones y las formas de interacción del ser humano con la naturaleza; como así también la determinación del lugar del hombre en la biosfera, y de los objetivos y sentido de su actividad. Está claro que esta contradicción afecta a los intereses del individuo y de la sociedad; que lleva a los conflictos entre países y pueblos; que obliga a limitar los requerimientos de energía y de recursos de la población; a reconsiderar los objetivos, valores e imágenes a futuro. Está claro que estos intereses deben ahora ser conciliados con criterios humanistas de producción y de accesibilidad de los recursos necesarios para la vida del individuo y la sociedad.

Surge así una compleja problemática científica, política y al mismo tiempo cultural: la determinación de criterios globales de producción de los recursos de abastecimiento y de los paisajes adecuados para la vida; los cuales, respondiendo a las exigencias de la “justicia ecológica” hagan al mismo tiempo disminuir el riesgo de “guerras por los recursos” y otros conflictos por motivos ecológicos.

Históricamente, las necesidades naturales de la persona se reducían a la protección respecto del hambre y del frío, a la reproducción demográfica y al goce de la vida. La mayoría de la población pobre vivía y vive aún en regiones donde las necesidades de energía se satisfacen con la energía solar¹³(1) y por ello una de las principales tareas del humanismo ha sido siempre la protección de la gente ante el hambre. Los problemas de

---

¹³ Si se suman la energía producida comercialmente y la energía solar, resulta que el consumo energético por habitante para Rusia, el país más frío del mundo, donde el 40% de la energía se utiliza para el calentamiento de edificios y viviendas, es menor al de Zimbabwe, Paraguay y Jordania.

territorios, aire y agua ecológicamente limpios no existían en el siglo pasado, aunque ya se notaran¹⁴.

El acelerado proceso de contaminación de estos tres medios en la segunda mitad del siglo pasado y el precipitado cambio climático a fines del siglo XX, comienzos del XXI, agudizaron el déficit de paisajes naturales propicios para la vida humana, modificando la jerarquía de necesidades básicas del ser humano. De los tres problemas mencionados, el del agua potable entró por vez primera en la esfera de la política práctica¹⁵.

El Comité de derechos económicos, sociales y culturales de las Naciones Unidas adoptó el 27 de noviembre de 2002 el documento denominado “Comentario general”, o aclaración sobre el derecho al agua, vinculado al artículo 11 de la Convención Internacional sobre derechos económicos, sociales y culturales. En el Comentario se declara: “El derecho del ser humano al agua potable es un derecho fundamental para la vida y la salud. El aprovisionamiento de la cantidad suficiente de agua potable es una *condición indispensable para la realización de todos los derechos humanos*” (subrayado por los autores). Para los 145 países que firmaron y ratificaron el pacto sobre derechos, se convierte en una “obligación permanente e ininterrumpida” garantizar el acceso a los recursos acuíferos, sobre la base de iguales derechos y sin discriminación, lo que debe ser asegurado por las obligaciones internacionales. En cualquier caso, quedó pendiente de resolución una cuestión fundamental: ¿debe el agua ser un artículo de mercado o un bien social?(2)

La idea respecto del agua natural como artículo de mercado, el cual es necesario administrar según las leyes del mercado, va entrando progresivamente a la práctica de las compañías transnacionales. Allí donde la gente disponía del agua gratuitamente, se le está poniendo un precio. Si el agua se convierte en un artículo de mercado, esto significa que todo humanismo a escala global y todo conjunto de valores morales básicos han quedado en el olvido. En las condiciones actuales de economía de mercado, con las prácticas de las compañías transnacionales y la propaganda del Consejo Mundial del Agua sobre la necesidad de privatizar los recursos acuíferos, se manifiesta una tendencia que puede llevar a la eliminación, o

---

¹⁴ En los años 80 del siglo pasado el Director General de la UNESCO Federico Mayor declaró: “para sobrevivir debemos cambiar nuestro estilo de vida y nuestras prioridades” International Herald Tribune, 15-09-88.

¹⁵ Al día de hoy 1.300 millones de habitantes del planeta Tierra no tienen acceso a los recursos de agua potable... 19 países (principalmente en Oriente Medio y las regiones norteña y sureña del Africa) tropiezan con una seria escasez de agua, por lo cual son clasificados como países con insuficientes recursos acuíferos, o bien como países que experimentan la crisis de escasez del agua.

sería limitación, no sólo de todos los derechos humanos, sino también de los derechos nacionales sobre el agua.

Los primeros que comenzaron a defender los derechos nacionales sobre el agua fueron los Estados Unidos y Canadá, cuando surgieron una serie de proyectos para exportar agua desde Canadá, usando agua de los lagos glaciales de Columbia Británica y de los Lagos Grandes para su exportación al Asia. En Canadá y los Estados Unidos fueron realizadas audiencias públicas, las cuales resultaron en una resolución de moratoria sobre la exportación masiva de agua originaria del Canadá(2). Así, por primera vez, la defensa de los derechos nacionales sobre una de las principales necesidades básicas del ser humano entró en contradicción con los derechos de todos los habitantes de la Tierra.

¿Qué solución y en qué circunstancias puede ser más humana, cuando se trata de las necesidades básicas del hombre? Este problema ahora concierne también a la población de la Federación de Rusia.

Dos tercios de la población de Rusia residen en el 15% del territorio del país, porción de territorio que en el aspecto ecológico es inadecuada. “Los ecosistemas allí son abusados en tal grado, que su funcionamiento no se corresponde con ningún criterio ecológico. Esas zonas desfavorables en el aspecto ecológico *ya no pueden restablecerse por sí mismas en un futuro previsible* (destacado por los autores). Estamos hablando de las regiones de los Urales, del centro del país, de Kuzbass y del Volga. Una situación ecológica desfavorable se presenta alrededor de los centros industriales más grandes, como St. Peterburgo, N. Novgorod, Samara, Volgograd, etc.”¹⁶. Al mismo tiempo dos tercios del territorio de Rusia – Siberia y Lejano Oriente – todavía son zonas naturales relativamente limpias ecológicamente. Pero debido a las condiciones naturales y climáticas, esas tierras, ubicadas detrás de los Urales, son poco o casi no habitables, de acuerdo a los criterios actuales de nivel y calidad de vida.

Por un lado, el estado ecológico en los lugares de habitación tradicional obliga a buscar nuevos lugares para vivir; y por otro lado, la colonización de Siberia demanda la resolución de una serie de problemas sociológicos, económicos y tecnológicos, para que la calidad y nivel de vida de la población en estas rudas, pero ecológicamente puras regiones, se correspondan con los estándares del siglo XXI. La nueva colonización de Siberia y Lejano Oriente exigirán un gran esfuerzo de parte de toda la sociedad rusa.

---

¹⁶ Entrevista al Director del Instituto de problemas del Agua de la Academia de Ciencias de Rusia, miembro correspondiente de la ACR Víctor Danilov-Danilyan, realizada por el periodista de RIA Novosti Tatiana Sinitsinoy <http://news.mail.ru/politics/1465481/>

Sin Siberia y el Oriente Lejano no habrá futuro para la población de Rusia por las nuevas causas ecológicas, que no han tenido lugar anteriormente en la historia mundial; sin embargo, a la sociedad mundial se le intenta imponer la idea de otorgar status internacional a Siberia y Oriente Lejano, análogo al de la Antártida, justificándolo en las necesidades globales de la humanidad. Todavía no está claro qué solución será verdaderamente más humana.

La segunda mitad del siglo XX se caracterizó por el crecimiento ininterrumpido de las migraciones poblacionales, desde los países poco desarrollados en el aspecto económico hacia los más desarrollados. Hoy en día las migraciones masivas derivan en conflictos, cuya variedad y actualidad tienden a crecer muy rápidamente. Los cambios climáticos en las próximas décadas acrecentarán de una manera brusca ese proceso. Se espera algo semejante a las grandes migraciones de los pueblos en el pasado¹⁷(3). La humanidad no está en absoluto preparada para la resolución de estos problemas¹⁸. Ya hoy las migraciones masivas provocan problemas económicos y conflictos etno-sociales en los países de Europa, América y Asia, la variedad y agudeza de estos problemas tienden a crecer aceleradamente. La falta de reflexión científica y cultural sobre la “dinámica de recursos” del mundo se vuelve crítica.

Lo más preocupante en todos estos casos es que no están determinados aún los criterios básicos principales para una resolución humanista de estos problemas. Si tales criterios no son determinados en un futuro próximo, no podemos excluir que el mundo entre en una cascada de guerras generalizadas por los recursos. Pensamos que un papel clave en la resolución de este problema global corresponde a la comunidad mundial de científicos de especialidades humanitarias y naturales.

El ritmo y el carácter actuales de la evolución de la biosociotecnosfera nos demuestran evidentemente la necesidad de un enfoque multidisciplinario, de la articulación de un lenguaje comprensible y aceptable para toda la diversidad de culturas de la Tierra. Al mismo tiempo,

---

¹⁷ El informe Stern, realizado por orden del gobierno de Gran Bretaña, describe la dinámica del calentamiento global en los últimos años y la dinámica probable hasta el año 2050. Si el calentamiento lleva al aumento medio de la temperatura global de la Tierra sólo en dos grados, entonces 500 millones de seres humanos sufrirán las consecuencias de la sequía. Y si la temperatura global aumenta en tres grados, serán ya 4.000 millones los afectados.

¹⁸ Consecuencias de los cambios climáticos para las regiones: evaluación de la vulnerabilidad. Informe especial del grupo de trabajo del II Grupo Internacional de Expertos en el Cambio Climático (MGEIK), 1997
www.archipelag.ru/agenda/geoklimat/history/consequences/

dichos científicos no se enfrentan con un problema de gabinete, sino global, cuya discusión debe ser necesariamente transparente y pública.

Finalmente, se trata de una problemática que debe ser solucionada en un plazo dictado por la dinámica de cambios de la biosfera; la cual fue claramente presentada por el informe Stern y por el trabajo de la comisión internacional de la ONU sobre el cambio climático global.

Bibliografía

1. V.Klimenko Energía, clima y perspectiva histórica de Rusia. Serie “Historia socionatural”, N° IX. Moscú: Instituto del Oriente ACR, 1997
2. Renat Perelet: “El agua: ¿un derecho humano o un artículo de mercado?” – Revista socio-política del Ministerio de Recursos Naturales de la FR “Administración estatal de los recursos”. N° 3, marzo 2006.
3. “Nueva gazeta”, N° 53, 2007.

Ученичество как основа гуманизации образовательных систем

В.Г. Безрогов

Давно замечена ведущая роль школьного учителя и специалиста-ученого в мотивировании ученика к научной работе. Умение вести исследование складывается как результат произошедшей встречи учителя и ученика. При всей ее случайности и непредсказуемости она опирается на существующую в любой образовательной системе традицию ученичества. Такая опора делает встречу учителя и ученика вероятной и возможной. Образовательная технология ученичества лежит в основе множества педагогических концепций.

Ученичество в истории образования складывается до зарождения школы. Первые школы с их достаточно узким кругом учащихся и небольшим штатом преподавателей еще весьма сильно похожи на т.н. “школьные кружки”, существовавшие вокруг того или иного почитаемого наставника. Наставником индивидуальных учеников обычно выступал человек, являвшийся профессионалом в том, чему он обучал детей и подростков. Школьный учитель в своей массе не принадлежит к славной когорте тех, науке и искусству которых он обучает своих учеников. Ученик имеет возможность наблюдать функционирование людей в его профессии уже во время обучения. Школяр обучается различным знаниям “для будущего”. Общее школьное образование как институциональная система предоставляет генерализованные деперсонализированные знания. Выстраивание индивидуальной познавательной стратегии определяется общением с конкретным взрослым. В индивидуальных взаимоотношениях деятельность ребенка проходит в среде, наиболее благоприятной для обучения конкретного человека. В ученичестве процесс обучения не опосредован учреждением, группой, кровнородственными отношениями - обязательствами. Условно можно его назвать «прямым» или «чистым» обучением.

Не случайно “генеалогия” наших учителей является одним из наиболее частых вопросов взрослого к взрослому, имеющих целью выявить потенциал собеседника: каковы учителя, таков и ученик. Весьма часто такой вопрос бывает вполне обоснован. Педагогическая парадигма ученичества сохраняет своеобразие и собственные функции даже в условиях господства других форм обучения одним поколением другого. Учет такой парадигмы,

встроенной внутрь образовательного учреждения, может гуманизировать и оптимизировать учебный процесс, улучшить социально-психологическую атмосферу в любом учебном заведении.

Ученичество вырывает ребенка из детской повседневности для того, чтобы постепенно, но уже с первых дней ввести его во взрослую жизнь. Школа вырывает ребенка из детской повседневности, чтобы подготавливать его к будущей жизни, не включая в нее (здесь корень постулата о возможном исправлении мира с помощью школы). Ученик в школе, изымаемый на время из повседневной действительности, становится учеником для будущего, поскольку лишь в перспективе он войдет в ту сферу, в которой найдет реализацию своим талантам и способностям. В школе ценен отсроченный результат (т.н. «отсроченная востребованность»), в ученичестве – непосредственный, поскольку он уже, в минуту его достижения, есть часть будущей жизни, рождающейся здесь и сейчас, могущая быть востребованной наставником еще до окончания обучения. Ученик в «кругу учителя» может жить для будущего, только включившись в настоящее. Он в будущее входит прямо сейчас, присоединяясь к труду наставника, будь то ремесло или философия. Изучая «науки», ученик мастера погружается в его жизнь и в жизнь его дела. Когда ученик подрастает внешне и внутренне, когда жизнь ученика становится аналогией (слепок) жизни учителя, тогда ученичество заканчивается: впереди не только профессиональная самореализация, но и применение «на практике» произошедшего превращения ученика в учителя.

Г.В.Иванченко и В.В.Новиков выделяют две базовые модели осуществляющихся в ученике преобразований посредством ученичества такого рода. Первая из них предполагает изменение самой основы души ученика. Это пересотворение, алхимическая трансмутация, в основном, как нам представляется, при доминанте мировоззренческого типа ученичества. Во второй модели требуется приближение опыта ученика к опыту учителя (путем переструктурирования). Это тип профессионального ученичества. В древних культурах в ученичестве доминировало подражание. Чем ближе к Новому времени, тем все более усиливается стремление отличаться от своего учителя, понимание традиции не как повторения, а как развития. Есть эпохи и регионы, в которые доминирует первая, вторая модель или ни одна из них. Ученичество в природе человека, но школа далеко не всегда с этим согласна, стремясь подчинить ученичество программированному, отстраненному педагогическому процессу.

Обучающиеся у наставников формируют осто́в профессии или принадлежности к традиции. Ученичество есть средство наиболее выгодного учета индивидуальных различий обучающихся. Школьная же система есть система эффективного просветительства и массового «производства» пригодных рук. Эффективность школы порождена необходимостью точного контроля за усвоением группой учащихся каждого элемента учебного плана. Без школы государство и цивилизация существовать не могут, но и без ученичества не могут тоже. К сожалению, далеко не все школьные учителя согласны увидеть в своей деятельности элементы ученичества, элементы системы взаимоотношений учителя и ученика вне школы, вне просветительского обучения. Школа не способствует такому «сверх-школьному» видению педагогической проблемы обучения с ученической стороны, а учитель не хочет, не решается, не может, или ему противопоказано брать на себя роль Учителя со всеми вытекающими отсюда обязанностями, ответственностью, «демократическим дисциплинированием» поведения ученика, взаимной зависимостью, со всей «невозможной ношей ответственности» учителя за своего ученика в замкнутой системе «учитель-ученик», каковой является ученичество в противоположность школе. Да и ученик часто еще в меньшей степени готов стать Учеником, допустить обожание наставника, служение ему и подстраивание своей жизни под его жизнь. Одному бывает нечему или некогда учить, хотя он и занят в школе по 30 часов в неделю и считается, что отвечает «за весь класс сразу», другому – нечем и незачем учиться, хотя он отсиживает в той же школе те же 30 часов в неделю и является членом того класса, о котором существует миф, что учитель за него отвечает прежде всего как за целое, а не за индивидуальных членов этого целого. В системе ученичества наставник брал на себя нераздельную реальную ответственность за ученика. В школе ответственность за ученика имела тенденцию быть разделенной среди разных специалистов, которые могли многообразнее оценивать возможности учащегося и по-разному на него влиять, но «у ног» которых на этой ярмарке знаний (в лучшем случае) или фабрике знаний (в худшем) уже не посидишь. Школа стала решать проблему индивидуального ученика не с помощью индивидуального же учителя, а с помощью педагогической теории о базовой значимости тех черт данного индивидуума, которые объединяют его с другими.

Парадигма ученичества как альтернативы, дополнения, как более общей, чем «школа», образовательной концепции сегодня волнует и привлекает людей разных поколений. Люди подчас всю

жизнь свою рассматривают как ученичество, в то время как «школьное и университетское время» склонны ограничивать определенным периодом жизни. Изучение ученичества как парадигмы в образовании, сформировавшейся вне школы и состоящей с ней в сложных и неоднозначных взаимодействиях, проявляющихся в разных образовательных системах по-разному, позволяет обратиться к метафизическому вопросу о гуманном характере природы образования. Образование всегда шире прагматически поставленных тем или иным обществом задач. Оно выходит за пределы определенного культурой и политикой «минимума», «стандарта» школьных и/или «вузовских» норм обучения. Образование не только репликативно, но интегративно. Такое вроде бы узко прагматическое направление как ученичество показывает, что реализм образования заключался в его глубокой гуманности, в том, что оно больше непосредственных нужд сегодняшнего дня. Почувствовать ширину зазора между профессионально и социально необходимым, с одной стороны, и требуемым культурной эпохой и образованием как таковым, - выпадало в первую очередь именно наставникам в системе ученичества, в том числе школьным учителям через индивидуальную работу с обучаемым /обучающимся. Парадигма ученичества выступала, таким образом, своего рода «лакмусовой бумажкой», чье применение показывало, насколько следует приоткрыть «форточку» или даже «окно» в школьном классе, чтобы образование выполнило свою гуманистическую, культуротворческую миссию создания человека, способного быть больше и шире себя самого, то есть быть собственно Человеком.

El magisterio como base de la humanización de los sistemas educativos

V. Bezrogov

Hace ya tiempo fue advertido el papel fundamental del maestro de escuela y del especialista científico en la motivación del alumno al trabajo científico. La habilidad para investigar se conforma como resultado del encuentro entre maestro y alumno. A pesar de su imprevisibilidad, este encuentro opera en la tradición del magisterio que existe en todo sistema educativo. Tal apoyo convierte en probable y posible el encuentro entre maestro y alumno. La tecnología educativa del magisterio es la base de gran cantidad de concepciones pedagógicas.

El magisterio en la historia de la educación se formó aún antes del nacimiento de la escuela. Las primeras escuelas, con su círculo bastante limitado de colegiales y una pequeña plantilla de profesores eran todavía muy semejantes a los denominados “círculos escolares”, que existieron alrededor de queridos maestros y guías. El papel de guía de alumnos individuales habitualmente fue representado por un individuo que era profesional en la materia que enseñaba a niños y adolescentes. El maestro de escuela, en su amplia mayoría, no pertenece a la cohorte gloriosa de aquellos especialistas cuya ciencia y arte instruye a sus alumnos. Un alumno tiene la oportunidad de observar, ya durante su instrucción, el desempeño de la gente en su profesión. Un colegial adquiere diversos conocimientos “para el futuro”. Si la educación escolar común como sistema institucional concede conocimientos generales y no personales, entonces las prácticas concretas y las aspiraciones a la creación de una estrategia gnoseológica individual se fijan por la comunicación con un adulto concreto. En las interrelaciones personales la actividad del niño se da en el medio más propicio para la formación del individuo. En el magisterio el proceso de enseñanza no es mediado ni por una institución, ni por un grupo, ni por las relaciones-obligaciones de parentesco. Provisionalmente puede ésta ser denominada una enseñanza “directa” o “pura”.

No es casual que la “genealogía” del profesor sea una de las preguntas más frecuentes de un adulto a otro, que tiene por objeto revelar el potencial del interlocutor: “según sea el maestro, tal será el alumno”. Muy a menudo tal pregunta está plenamente justificada. El paradigma pedagógico del magisterio guarda la peculiaridad y funciones propias incluso en las condiciones de dominación de otras formas de enseñanza de una generación por otra. El reencuentro de tal paradigma, incorporado dentro del proceso de instrucción, puede humanizar y optimizar el proceso de estudios, puede mejorar la atmósfera psicológica y social en toda institución educativa.

El magisterio saca al niño de la cotidianeidad infantil para introducirle gradualmente en la vida adulta. El alumno en la escuela, retirado de la realidad cotidiana por un tiempo, se transforma en un alumno para el futuro, porque sólo en perspectiva él entra en aquella esfera donde encontrará la realización de sus talentos y capacidades. En la escuela se aprecia el resultado dilatorio (es decir “la reclamación dilatoria”¹⁹), pero en el magisterio se atribuye el resultado inmediato, porque en el momento de su logro es una parte de la vida futura, que está naciendo aquí y ahora, y que puede ser reclamada aún hasta la terminación de la escuela²⁰. El alumno en

---

¹⁹ Agradezco a G.B. Kornetov por ese término.

²⁰ La escuela es el sistema de acumulación de los resultados intermedios que como resultado se unen, se fijan y se forman

“el círculo de su profesor” puede vivir para el futuro sólo después de haberse integrado en el presente (un sistema semejante a la educación familiar) y observando su “germinación” en el tema examinado. Entra en el futuro ahora mismo, incorporándose a la labor de su educador en el oficio o la filosofía. Estudiando las “ciencias” el alumno de su maestro se entrega en su vida y en su actividad. Cuando el alumno se forme exteriormente y interiormente, cuando la vida llegue a ser analogía (copia) de la vida de su maestro, el magisterio se termina: en el porvenir está no sólo la autorrealización profesional, sino el uso “en la práctica” de la transformación pasada del alumno al maestro²¹.

G.V. Ivanchenko y V.V. Novikov subrayan dos modelos básicos de transformaciones que se pasan en el alumno mediante el magisterio de aquél tipo²². El primero de ellos propone la modificación de la propia alma del alumno. Es, en general, una recreación, una transmutación alquímica junto a la dominante espiritual, conceptual del tipo del magisterio, según nuestra visión. En el segundo modelo, se exige la aproximación de la experiencia del alumno a la del maestro (mediante la reestructuración). Es el tipo del magisterio profesional.

La imitación en el magisterio dominaba en las culturas antiguas. Acercándose a la Edad Moderna la tendencia de distinguirse de su maestro, la comprensión de la tradición no como una reiteración sino como evolución y modificación se acrecienta en el magisterio profesional²³. Hay épocas y regiones donde dominan el primero, el segundo modelo o ninguno de ellos. El magisterio está en el carácter del hombre, pero la escuela no está de acuerdo siempre con ello, tratando de someter el magisterio a un proceso pedagógico programado.

Quienes estudian a sus educadores forman el armazón de la profesión o la filiación a la tradición. El magisterio es el medio de registro más provechoso de las diferencias individuales de los estudiantes. El sistema escolar es el sistema de la ilustración eficaz y de la “producción masiva de

---

en “el sistema de los conocimientos, capacidades y hábitos”, necesarios para la autorrealización del individuo en la sociedad y para ser utilizado por la sociedad. En el magisterio estos resultados intermedios se examinan en seguida y no sólo se fijan mentalmente, pero se trasladan también a “la vida de los adultos”.

²¹ Ivanchenko G., Novikov V. La experiencia existente del magisterio: invariante y único // I conferencia científico-práctica de toda Rusia sobre la psicología existente. Los materiales de los informes. Moscú, 2001. P. 119-122.

²² Ivanchenko G., Novikov V. Op. cit.

²³ Dubova O.B. Mimesis y poyéis. Moscú, 2001.

manos útiles”. La efectividad de la escuela fue generada por la necesidad del control estricto sobre la asimilación del plan de estudios por parte de los alumnos. El Estado y la civilización no pueden existir sin la escuela, lo mismo que sin el magisterio. Lamentablemente, no todos los maestros están de acuerdo en introducir en su actividad los elementos del magisterio, el sistema de las relaciones mutuas del maestro y alumno fuera de la escuela, de la educación de ilustración. La escuela no contribuye a aquella visión “superior a la escuela” del problema pedagógico de la enseñanza de parte del alumno y el maestro no quiere, no se atreve, no puede o le está prohibido jugar el papel de Maestro, con todas las obligaciones que ello implica, la responsabilidad, “la disciplina democrática” de la conducta del alumno, la dependencia mutua con toda “la carga imposible de la responsabilidad” del maestro por *su alumno* en el sistema “maestro-alumno”, que es el magisterio en contraposición a la escuela. Y el alumno frecuentemente en menor grado aún está preparado para ser Alumno, admitir la adoración de su maestro, el servicio a él y *la sumisión* de su vida a la de su maestro. No hay tiempo de Enseñar, aunque está ocupado 30 horas a la semana en la escuela y se considera que responde “por toda la clase al mismo tiempo”; y para que Estudiar, aunque está en la misma escuela las mismas 30 horas a la semana y es miembro de aquella clase que tiene el mito que el maestro responde ante el todo y no por los miembros individuales de este todo²⁴. En el sistema del magisterio el maestro tomaba ante sí mismo la responsabilidad real inseparable por su alumno. En la escuela la responsabilidad por los alumnos tiene la tendencia a ser dividida entre diferentes especialistas, quienes pueden valorizar más multiformemente las posibilidades del alumno y influir en maneras diferentes sobre él.

Pero no es posible de sentarse junto “a sus pies” en esta feria (en el mejor caso) o fábrica (en el peor) de los conocimientos. La escuela empezó a

---

²⁴ El cambio de la escuela con un maestro a la escuela con una plantilla de maestros resultó de la distribución de “la carga imposible de la responsabilidad” por cada alumno entre los maestros que redujo naturalmente la porción de esta responsabilidad que toca como parte de cada maestro. La distribución de la responsabilidad permitió a la escuela desarrollarse y resolver sus complejos problemas de la enseñanza y la educación en grupo. Tal distribución de la responsabilidad mostraba la escuela como un instituto débil a los ojos de los alumnos. La distribución de la responsabilidad y la distribución del poder crearon huelgos entre los segmentos poderosos que llegaron a ser motivo de ruptura del proceso escolar. La escuela del Oriente antiguo utilizaba la disciplina del palo brutal que no permitía al alumno “levantar la mirada” del texto.

resolver el problema de un alumno individual no por la ayuda de un maestro individual, sino por la teoría pedagógica sobre la importancia básica de aquellos rasgos de un individuo que le unen con los demás.

El paradigma del magisterio como alternativa, complemento, como concepción de la educación más global que la escuela interesa y atrae hoy día a gente de diferentes generaciones. La gente considera a veces toda su vida como un magisterio, al mismo tiempo que el tiempo de “escuela y Universidad” se limita habitualmente a un período definido de su vida²⁵. El examen del magisterio como un paradigma en la educación, que se formó fuera de la escuela y mantiene con ella interacciones complejas y no unívocas, que se demuestran de modo distinto en los diferentes sistemas educativos, nos permite dirigirnos a la cuestión metafísica sobre el carácter humano de la naturaleza de la educación. La educación siempre es más amplia que los temas pragmáticamente planteados o que los problemas de la misma. Supera el “mínimum” definido por la cultura y política, el “estándar” de las normas educativas escolares y/o universitarias.

La educación no es sólo de discusión, sino también de integración. Una dirección estrechamente pragmática como el magisterio nos hace ver que el realismo de la educación consiste en su humanidad profunda, en que es mucho más que las necesidades inmediatas de hoy día. Son precisamente los maestros-guías en el sistema del magisterio, incluso los maestros de escuela a través de su trabajo con el alumno, quienes primeramente tienen la posibilidad de palpar la amplitud del huelgo entre las necesidades profesionales y sociales de una parte, y las exigencias de la época y de la educación misma por otra. Así, el paradigma del magisterio es como “papel de tornasol”, cuyo uso nos demuestra cuánto debemos entreabrir “la ventanilla” o incluso “la ventana” en el aula escolar para que la educación cumpla su misión humana y cultural de creación de un hombre que pueda ser más grande y amplio que sí mismo, es decir, ser Hombre propiamente dicho.

---

²⁵ A ver, por ejemplo: Webb B. *My Apprenticeship*. London, 1926.

Концепт счастья в (пост)гуманистической перспективе

Г.В. Иванченко

Многообразие трактовок счастья в российской культуре находит свое отражение в вариативности отношения к нему как к ценности - от «Человек создан для счастья, как птица для полета» В.Короленко до «Почему ты решила, что должна быть счастлива?» (вопрос О. Мандельштама, заданный им жене). Недавно, кстати, формула Короленко была креативно переосмыслена Игорем Клехом, провозгласившим, что «Человек создан для полета, как птица для счастья». В философии известен так называемый парадокс счастья, который сформулировал Джеймс Стюарт Милль: не стремиться к счастью и уметь обходиться без него — самый надежный путь к его обретению. С тех пор вновь и вновь этот парадокс подтверждался: чем больше мы стремимся к счастью, тем с большей вероятностью оно ускользает, но оно приходит само, если не ставить его выше всего остального, а упорно преследовать другие достойные цели в нашей жизни.

Однако насколько достойные цели будут склонны ставить перед собой люди? Д.А.Леонтьев говорит о неравенстве «обычных», «нормальных» взрослых людей, которое «определяется мерой их *индивидуальной онтогенетической эволюции*, являющейся следствием их личного выбора и усилия. Вариативность людей проявляется не просто в выраженности тех или иных индивидуальных особенностей и в своеобразии внутреннего мира, а в качественной разнородности форм саморегуляции, самоорганизации и отношений с миром у разных людей. Эта разнородность людей имеет под собой объективную основу, однако определяется не априорным разделением людей по «кастам», а мерой индивидуального продвижения по пути очеловечивания» (4, с.107-108).

Если даже в самых лучших условиях жизни не все достигают подлинной человечности и зрелости, есть ли выход? Возможны ли направленные усилия общества по формированию сообразных человеку условий воспитания, образования, жизни в целом (а не по «селекции» или трансформации индивидов в «нужном» направлении оруэлловских или замятинских антиутопий)? Косвенным индикатором необходимости таких усилий по гуманизации общества является огромная популярность книг по самосовершенствованию и немалый интерес к практической философии в самых разнообразных вариантах.

Можно говорить о мощной практико-философской составляющей гуманистического движения. «Всеобщая декларация прав человека» (1948), «Гуманистический манифест I» (1933), «Гуманистический манифест II» (1973), «Декларация светского гуманизма» (1980) и «Декларация взаимной зависимости» (1988), «Гуманистический манифест 2000» - все эти эпохальные документы не только отражают потребности и чаяния своего времени, но и идеал личности, свобода которой согласована с ответственностью перед обществом.

Выдающийся мыслитель современности П.Куртц почти 20 лет назад высказал мысль о необходимости евпраксофии – науки, выводящей из *sofia*, мудрости, нормативных следствий для нашей практической жизни (3). Наряду с евпраксофией, проекты разной степени детальности, масштабности, индивидо- и социоцентрированности были предложены в последние десятилетия гуманистической, экзистенциальной и позитивной психологией.

Гуманистическая психология, созданная более чем полвека назад работами А.Маслоу и К.Роджерса, чаще всего воспринимается в своем раннем «потенциалистском» варианте, который предполагает наличие врожденных человеческих свойств, в том числе стремления к самоактуализации. При благоприятных условиях эти качества разворачиваются «сами собой», переходя из потенциальной в актуальную форму (позже А.Маслоу и его последователи существенно трансформировали эту первоначальную «модель»). Таким образом, казалось, что достаточно создать хорошие, благожелательные условия для развития ребенка – и большая часть социальных и психологических проблем будет разрешена.

Существенно иным оказался взгляд на перспективы человека в экзистенциальной психологии (Л.Бинсвангер, М.Босс, С.Мадди, Р.Мэй, В.Франкл). Настаивая на негарантированности человеческого в человеке, экзистенциальная психология особую роль придавала понятиям ответственности, выбора, аутентичности. Несмотря, а может быть, и благодаря вниманию, уделяемому трагическим аспектам человеческого существования, это направление предложило гораздо менее фаталистический взгляд на возможности человека. В любой момент жизни человек может продвинуться как вперед, к подлинности, интегрированности, так и сделать свободный выбор в пользу менее требовательных, «субчеловеческих» способов существования.

Позитивная психология (М. Селигман, М.Чиксентмихайи, К.Петерсон) возникла совсем недавно в противовес концентрации большинства психологических подходов на отклонениях, болезнях и

нарушениях функционирования. Оказалось, что закономерности счастливой, благополучной жизни практически не изучены. Особое внимание в позитивной психологии уделяется «личностным добродетелям» и «силам характера» как ресурсам приспособления к миру и овладения им. Именно позитивные личностные образования помогают субъекту выдерживать напряжение подлинно человеческого, продуктивного существования.

Как это напряжение связано со счастьем? Есть данные о том, что уровень счастья тесно связан с продуктивностью, с производительностью труда человека (5). Творческое горение, забота как прекрасное в своем постоянстве усилие, самосовершенствование - все эти трансцендентные состояния, поднимающие нас над нами актуально существующими, видимо, необходимы для ощущения счастья. Сило в книге «Внутренний взгляд» напоминает о том, что только путь усилий может увести с путей смерти и саморазрушения.

Счастье, на наш взгляд, безусловно должно рассматриваться не как единственное или главное стремление человека, не как его неотъемлемое право, но в контексте экзистенциальных проблем современного человека, а именно:

- 1 - ощущения пустоты – при переполненности впечатлениями, информацией, контактами;
- 2 - риска и уязвимости – на фоне небывалых достижений медицины и технологий обеспечения безопасности;
- 3 - стремления к совершенству – на фоне катастрофического снижения стандартов и требуемых компетенций;
- 4 - экзистенциальной тревоги, борьба с которой только усиливает ее;
- 5 - рационализация выборов и стратегий (вплоть до непрерывной калькуляции) при массовом распространении потребительских аддикций.

Общим для всех этих проблем является неустранимое противоречие между необходимостью выхода за пределы уровня социального «Я» для придания глубины и энергии поиску смысла жизни, и невозможностью сделать это в рамках идеологии потребления.

Отношение к счастью является отличной иллюстрацией принудительного характера потребления. Ж.Бодрийар обосновывает парадоксальную связь пуританской этики с компульсивным характером потребностей: именно пуританская этика придает им внутренний импульс и определяет их навязчивый и безграничный характер. Принуждающий характер труда сменился принуждающим характером досуга, о чем еще полвека назад писала Ханна Арендт. В работе «Vita

active», или «О деятельной жизни» она вскрывает глубокие социокультурные корни необходимости смены состояний для человека. Движение к счастью подвело массы к такому состоянию, когда «культуру применяют, злоупотребляя ею и потребительски истощая ее, для развлечения масс, которым надо убить пустое время» (1, с.172).

Культура XXI века ярче, чем когда-либо, показывает утопичность попыток построить общество, где счастлив будет каждый без исключения. Как признание необходимости и обязательности счастья, так и безудержное стремление к нему неминуемо разрушают искомое счастье. Кроме того, если мы попытаемся дать «на счастье» каждому живущему на земле индивиду стандартный западный набор потребительских благ, мы окончательно разрушим биосферу и все равно, на ином имущественном уровне, воспроизведем зависть, неравенство и несчастье.

Итак, если гуманисты придут к пониманию, что счастье является относительным, а не абсолютным благом, что концепт счастья сверхэксплуатируем и «затерт» массовой культурой, тогда гуманистическое движение, может быть потеряв часть потенциальных сторонников, обновит и уточнит свое понимание человека как высшей ценности. Не все в человеке достойно этой оценки, причем в каждом из нас – Джон Фаулз в трактате «Аристос» говорит о том, что граница между избранными Немногими и массой Многих проходит в душе у каждого (6). Если же нереалистическое и опасное для человечества требование «счастья каждому» останется в арсенале гуманистического движения, то иные течения и идеологии зададут счастью уже пост-гуманистическую перспективу.

Литература

1. Арентс Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. СПб: Алетейя, 2000.
2. Бодрийар Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры.* Пер. с франц. М: Республика, Культурная революция, 2006
3. Куртц П. *Утверждения. Жизнь, полная радости и творчества.* Пер. с англ. М.: Росс. Гуманистическое о-во, 2005.
4. Леонтьев Д.А. *К дифференциальной антропологии // Наука и будущее: идеи, которые изменят мир. Материалы международной конференции.* М., 2004.
5. Леонтьев Д.А. *На пути к счастью // Энциклопедия для детей. Человек. Ч.3. Духовный мир человека.* М.: Аванта +, 2004.
6. Фаулз Дж. *Аристос.* Пер. с англ. СПб: Symposium, 2003.
7. Silo. *Humanizar la Tierra.* Moscú, 1992.

El concepto de felicidad en una perspectiva (post)humanista

G. Ivanchenko

La variedad de interpretaciones de la felicidad en la cultura rusa se refleja en una gran pluralidad de valoraciones: desde “El hombre es creado para la felicidad como un pájaro es creado para el vuelo” de V. Korolenko hasta el “¿Por qué tú crees que debes ser feliz?” (pregunta de O. Mandelstam a su esposa). Hace poco, a propósito, la fórmula de Korolenko fue recreada por Igor Kleh, quien proclamó que “El hombre es creado para el vuelo como un pájaro es creado para la felicidad”. En la filosofía es conocida la llamada paradoja de la felicidad, formulada por James Stuart Mill: no aspirar a la felicidad y poder pasar sin ella es el camino más seguro para encontrarla. Desde aquel momento esta paradoja se ha confirmado muchas veces: cuanto más nos precipitamos a la felicidad, tanto más ella se escapa, pero llega por sí misma si no la ponemos por sobre todo lo demás, sino que somos consecuentes con otros fines dignos en nuestra vida.

Sin embargo, ¿hasta qué punto serán dignos los fines propuestos por la gente? D. A. Leontev habla de la desigualdad de los adultos “ordinarios”, “normales”. Su desigualdad “es determinada por el grado de su evolución individual ontogénica” que es consecuencia de su propia elección y esfuerzo. La diversidad de las personas se manifiesta no sólo en sus rasgos individuales y la peculiaridad de su mundo interior, sino en la variedad cualitativa de autorregulación, autoorganización y la relación de diferentes personas con el mundo. Esta diversidad de la gente tiene base objetiva pero se determina no por la división apriorística de la gente en “castas”, sino en la medida del avance individual en el camino de la hominización (4).

Incluso, si en las mejores condiciones de vida no toda la gente alcanza el humanismo y la madurez verdaderos, ¿hay alguna salida? ¿Son válidos los esfuerzos de la sociedad dirigidos a la formación de condiciones adecuadas para la educación de una persona, para su vida plena (pero no por “la selección” o transformación de las variedades en la dirección “necesaria” de antiutopías de Orwell y Zamyatin)? Un indicador indirecto de la necesidad de tales esfuerzos de humanización de la sociedad encontramos en la enorme popularidad de los libros para el perfeccionamiento de sí mismo y el gran interés por la filosofía práctica en sus diversas variantes.

Se puede hablar de un fuerte componente filosófico-práctico del movimiento humanista. “La declaración universal de los derechos humanos” (1948), “El manifiesto humanista I” (1933), “El manifiesto humanista II” (1973), “La declaración del humanismo laico” (1980), “La declaración de

dependencia mutua” (1988), “El manifiesto humanista 2000”. Todos estos documentos epocales reflejan no sólo las necesidades y esperanzas de su tiempo, sino también un ideal de ser humano, cuya libertad está en concordancia con su responsabilidad frente a la sociedad.

El eminente pensador contemporáneo P. Kurts hace casi 20 años expresó la idea de la necesidad de la eupracsofia: una ciencia que deduce de la “sofia”, sabiduría, los resultados normativos para nuestra vida práctica (3). Junto a la eupracsofia, proyectos de diferentes grados de detalle, escala, orientados individualmente y socialmente, fueron ofrecidos en las últimas décadas por la psicología humanista, existencial y positiva.

La psicología humanista creada hacia la mitad del siglo XX por los trabajos de A. Maslow y K. Rogers se percibe más frecuentemente en su variante temprana “potencialista”, que presupone la presencia de rasgos humanos inmanentes, incluso la tendencia a la autoactualización. Si las condiciones son favorables estos rasgos se desarrollan “por sí mismos”, pasando de la forma potencial a la actual (más tarde A. Maslow y sus discípulos modificaron considerablemente este “modelo” inicial). Así, parecía que era suficiente con crear condiciones favorables para el desarrollo de un niño, y la mayor parte de los problemas sociales y psicológicos quedaría resuelta.

Completamente diferente resultó la visión sobre las perspectivas del ser humano en la psicología existencial (L. Binswanger, M. Boss, S. Maddy, R. May, V. Frankl). Insistiendo en el hecho de que el humanismo no siempre está presente en el ser humano, la psicología existencial atribuía gran importancia a nociones tales como responsabilidad, elección, autenticidad. A pesar de esto, y tal vez gracias a la atención prestada a los aspectos trágicos de la existencia humana, esta corriente propuso una visión mucho menos fatalista de las posibilidades humanas. En cualquier momento de su vida una persona puede avanzar tanto hacia adelante, hacia la autenticidad, la integración; como hacer una elección libre a favor de modos menos exigentes, “subhumanos”, de existencia.

La psicología positiva (M. Seligman, M. Chiksentmijai, K. Peterson) apareció, no hace mucho tiempo, como un contrapeso de concentración de la mayoría de las concepciones psicológicas en desviaciones, enfermedades y violaciones del funcionamiento. Resultó que las leyes de una vida feliz y próspera no están suficientemente estudiadas. Una atención especial presta la psicología positiva a las “virtudes personales ” y las “fuerzas del carácter” como recursos de adaptación y dominación del mundo. Precisamente las formaciones personales positivas ayudan al sujeto a soportar la tensión de una existencia auténticamente humana y productiva.

¿Cómo se relaciona esta tensión con la felicidad? Hay datos que indican que el nivel de felicidad está estrechamente vinculado con la eficiencia, productividad del trabajo de una persona (5). El ardor creativo, la ocupación, como un esfuerzo que es hermoso en su constancia, el perfeccionamiento de sí mismo, todos estos estados trascendentes que nos elevan sobre nosotros mismos, son por lo visto necesarios para experimentar la felicidad. Silo, en su libro “La mirada interna”, afirma que sólo el camino del esforzado ascenso puede salvar de la muerte y la autodestrucción.

Creeremos que la felicidad sin duda debe ser considerada no como la única aspiración de una persona o la más importante, no como su derecho inalienable, sino en el contexto de los problemas existenciales del ser humano contemporáneo, a saber:

- 1 - la sensación de vacío, en medio de una sobrecarga de impresiones, información, contactos;
- 2 - la sensación de riesgo y vulnerabilidad, en el contexto de avances sin precedentes de la medicina y las tecnologías de seguridad;
- 3 - la tendencia a la perfección, en un contexto de catastrófica disminución de los estándares y competencias exigidas;
- 4 - la sensación de alarma existencial, que no hace más que fortalecerse cuanto más se lucha contra ella;
- 5 - la racionalización de las elecciones y estrategias (hasta el extremo del cálculo permanente), en medio de la propagación masiva de las adicciones de consumo.

Lo común entre todos estos problemas es la contradicción insuperable entre la necesidad de salir fuera de los límites del yo social para dar profundidad y energía a la búsqueda del sentido de la vida, y la imposibilidad de hacerlo en el marco de la ideología del consumo.

La actitud hacia la felicidad es una ilustración perfecta del carácter forzado del consumo. J. Bodriyar argumenta la relación paradójica de la ética puritana con el carácter compulsivo de las necesidades: es la ética puritana que les da el impulso interno y determina su carácter dependiente e ilimitado. El carácter forzado del trabajo fue sustituido por el carácter forzado del ocio, de lo que hace medio siglo escribió Hanna Arendt. En el trabajo “Vita active” o “De una vida activa” ella descubre las profundas raíces socioculturales de la necesidad del cambio de estados para una persona. El movimiento hacia la felicidad llevó a las masas a tal estado de la sociedad, cuando “la cultura es usada abusando de ella y agotándola de un modo consumista, para distraer a las masas que buscan matar el tiempo”(1).

La cultura del siglo XXI muestra más vivamente que nunca el utopismo de los intentos de construir una sociedad donde cada uno sin excepción sea feliz. Tanto el reconocimiento de la indispensabilidad de la

felicidad, cuanto la aspiración irrefrenable a ella, inevitablemente destruyen la felicidad buscada. Además, si tratamos de dar “para su felicidad”, a cada individuo en la Tierra, un surtido occidental estandarizado de bienes de consumo, destruiremos definitivamente la biosfera y de todos modos, en otro nivel de propiedad, reproduciremos la envidia, la desigualdad, la infelicidad.

Así entonces, si los humanistas comprenden que la felicidad es un bien relativo, no absoluto, que el concepto de felicidad es explotado excesivamente y “agotado” por la cultura de masas, entonces es posible que el movimiento humanista, aún perdiendo una parte de sus potenciales adictos, renovará y precisará su comprensión del ser humano como valor máximo. Pero no todas las cosas en cada uno de nosotros son dignas de esta apreciación. John Fauls en el tratado “Aristos” dice que la frontera entre “unos Pocos elegidos” y las “masas de Muchos” pasa por el alma de cada uno (6). Si la exigencia irreal, y peligrosa para la humanidad, de una “felicidad para cada uno” es mantenida en el arsenal del movimiento humanista, entonces otros movimientos e ideologías darán ya una perspectiva post-humanista a la felicidad.

Bibliografía

1. Arendt J. Vita activa o sobre una vida activa. Ed. “Aleteia”, San Petersburgo, 2000.
2. Bodriyar J. Sociedad de consumo. Mitos y estructuras. Ed. República, Revolución cultural, Moscú, 2006.
3. Kurts P. Afirmación. Una vida plena de alegría y creatividad. Sociedad humanista rusa, Moscú, 2005.
4. Leontev D. Hacia una antropología diferencial / Ciencia y futuro: ideas que cambiarán el mundo. Materiales de una conferencia científica. Moscú, 2004.
5. Leontev. D. En camino hacia la felicidad / Enciclopedia para niños. Ser humano. El mundo espiritual del ser humano. Ed. Avanta, Moscú, 2004.
6. Fauls J. Aristos. Ed. Simposium, Moscú, 2003.
7. Silo. Humanizar la Tierra. Moscú 1992.

Примирение как путь к единству (Психосоциальные аспекты)

Л.А. Карнацкая

В индийских мифах существует две грани всей мифологии, известные как «марга» и «деши»: первое означает «путь» или «дорога», а второе – «локальный», «местный» или «этнический», посредством которого образуется созвездие рода, народа или цивилизации. Эти две дороги переплетены в человеческом бессознательном. «Если возможно было бы персонифицировать бессознательное – говорил К.Юнг, - его можно было бы мыслить как собирательное человеческое существо... Оно бесчисленное число раз переживало бы жизнь личности, семьи, рода и народа (2, с.23).

Таким образом, два мира – микрокосм и макрокосм, внутреннее и внешнее, индивидуальное и коллективное, частное и общее представляют собой единое. Но, к сожалению, мы до сих пор не рассматриваем человеческую историю, ее события как происходящих из двух миров, из двух путей, как единое целое. Дж. Карби проникновенно и одновременно просто сказал об этом: «...мы покорили атом, но не покорили наши души... мы построили красивые дома, но разрушили наши семьи, мы много демонстрируем, но у нас ничего нет за душой».

Мы сегодня много говорим о необходимости диалога культур, цивилизаций. Но диалог культур начинается на личностном и на межличностном уровне, иначе он вообще не начнется. Если мы не исследуем клеточный уровень глобальных механизмов, тогда диалог культур останется жить на декларативном уровне. В своем докладе мы хотим обратиться к примирению как к внутреннему и внешнему диалогу, с которого должна начинаться коммуникация, реально приводящая к взаимопониманию народов.

«Мамочка, миленькая, прости меня, пожалуйста!». Эти слова каждый из нас знает не по-наслышке, знает изнутри себя; знает этот детский страх ребенка быть не прощенным, а значит отвергнутым родителями, олицетворяющих могущественных богов. «Уйди, ты плохой, ты сделал плохо!» Не потому ли так часто, любовь нашего внутреннего ребенка бывает с оттенком обиды и боли от непонимания – «я же такой хороший, а вы!» И от отчаяния, вызванного невозможностью достучаться, возникает желание делать больно, которое переносится потом и во взрослую жизнь или ставит нас в позицию обиженного.

Но тогда, в детстве, мы откуда-то чувствовали и знали о том, что мы изначально хорошие; знали, как знал апостол Павел, о сокровенном внутри каждого из нас, о живущем «сокровенного сердца Человеке». А выросли и забыли, а может быть потеряли «сокровенного сердца Человек». «И вот, поэтому, мы не делаем успехов,- говорит Преподобный Авва Дорофей, - поэтому мы не нуждаемся ни в чем, но все время низлагаемся своими помыслами друг против друга и мучим самих себя, поскольку каждый себя оправдывает, каждый себя прощает; как было сказано, ничего не храня сам, но от ближнего требуя соблюдения заповедей» (3, с.103).

«Человечность человека - писал Хайдеггер - покоится в его сущности». «Бесчеловечным» Хайдеггер называет того, кто «отпал от своей сущности» (6, с.318). Значит, сущность являет добро, а отдаление от сущности, и тем более забвение ее, порождает зло. Тогда прощение человека от «грозного родителя» происходящее, прощение свысока, прощение, назначающее цену, амнистию («если будешь себя хорошо вести»), не может являться от сущности, от добра. Рождаясь от гордыни, такое прощение исходит из недр греха, оно ставит условие, порождая страх, в том, кто просит прощение. Оно исходит из позиции, когда прощающий, на фоне прощаемого, чувствует себя как нечто «лучшее», «более совершенное» или «более сильное», а значит «справедливое», имеющее право либо карать, либо миловать. Значение слова «прощение» в словаре Ушакова раскрывается как «помилование, отмена наказания за какую-нибудь вину, проступок». Такая однозначная Эго-Позиция удаляет от Я-другого, заслоняет правду в другом, а значит и во мне, стоящего «над».

Каждый из нас неоднократно находился в ситуации «прощение прощающего». На наш взгляд, в ситуации «прощение прощающего», так же как и в ситуации раскаяния, на самом деле, заложено духовное преобразование, трансформация человека, если он избежал искуса возвеличивания, актерства, демонстрации или автоматизации действия прощения - когда я прощаю другого, изначально зная, что только в этом случае получу прощение Отца небесного или прощение на небесах. «...Прощение ставит прощающего морально выше обидчика и тем самым унижает прощенного. Несомненно, акт прощения стоит выше акта мести, но все же не может сравниться с актом примирения», - произнес в своей речи на открытии международного парка Пунта-де-Вакас аргентинский мыслитель Марио Сило (8).

Отказ от мщения непременно опосредован в христианской этике требованием прощения обид. Этика любви повелевает прощать обиды; причем, прощать следует, как признающегося в своем прегрешении и

просящего о прощении (См.: Лк. 17:4), так и согрешающего против тебя (См.: Мф. 18:21). Смысл милосердного прощения не просто в забвении причиненного зла, милосердное прощение означает главным образом отказ от мести. Такое прощение предполагает забвение обиды и на основе забвения согласие на мир. Но забвение обиды от обиды не освобождает, об этом мы прекрасно знаем из психоаналитической трактовки обиды, как разрушающей силы внутри человеческой психики, чье разрушение прямо пропорционально вытеснению и забвению. «Сколько бы актов такого неживого прощения мы бы не сотворили – пишет в своей книге «Проблема духовного в западной и восточной культуре и философии» С.А. Нижников, - количество не приводит к изменению качества жизни, только лишь к еще большему разъединению людей. И можно сотни раз прощать в прощенное Воскресение, просить прощение – автоматическое действие не может стать началом восстановления разорванного некогда единства» (5, с.113). Христианство, с точки зрения С.А.Нижникова, можно определить как учение о трех заповедях любви: к Богу, ближнему и врагу. Христианская любовь всеобъемлюща. Христос учил о высшем виде любви – любви духовной и жертвенной.

В психологии жертвенность определяется как обратная сторона тирании, точно так же как рабство и рабовладение, зависимость и созависимость. Жертва не изживает тирана, а создает условие для его существования. В примирении нет жертвенности, мне не надо приносить себя в жертву, т.к. я вижу и понимаю суть другого, как части, входящей в единое целое, которая не может быть лучше или хуже моего «Я», как такой же части. Поэтичное звучание этого смысла мы находим у Н.Рериха:

«Я не вижу зла, я вижу только добро,
Я видел пьяного, лежащего в канаве
И святого, в экстазе преклонившего колени
Перед алтарем,
И я не нашел между ними различия.
Я понял, что каждый стремится
Как он может, выразить Единую Жизнь.
Я не стану выделять или разделять.
Я не могу проклинать или осуждать.
Ибо я знаю – человек в своей сути един во всех».

Жертвенность может явиться следствием страха перед более сильным (хозяином, родителем, Богом). Не всегда, но часто, жертвуя в обыденной жизни (исключение составляет Подвиг), человек, совершающий жертву, заведомо знает, что получит прощение Бога или

человека более сильного, от которого зависит. Здесь присутствует определенный искус, откуп, договор, запрятывание себя. В примирении не может быть жертвы, здесь есть только мужество, подвиг. Подвиг посмотреть правде в глаза самому себе и признать существование множеств субличностей во мне живущих. Признание внешнего мира, как зазеркалья моих множеств «Я». Это сотворение *страстного* суда над собой здесь, на Земле, перед «образом Божьим, который внутри нас есмь».

Говоря о преодолении умственного страдания, посредством действий, ориентированных на общество, на мир других людей Марио Сило *откровенно* говорит: «Я не могу сказать, что даже самое худшее, что есть в преступнике, может быть чуждо мне самому. И если я признаю это в пейзаже, то тем самым и признаю в себе самом. Таким образом, я хочу преодолеть как в себе лично, так и в любом другом человеке, то, что может толкнуть на уничтожение чужой жизни. Я хочу преодолеть пропасть!» (7, с.71) В понимании Сило, примирение подразумевает «осознание происшедшего и попытку выйти из круга обид; признание своих и чужих ошибок» (8).

На наш взгляд, сегодня речь должна идти не о прощении, а о примирении, как о более высоком уровне прощения. Именно примирение основано на духовном самопознании, способном повести человека по бесконечному пути к своей сути; по словам древнего философа-конфуцианца Мэн-цзы к «отысканию утраченной природы человека» (1, с. 210), а значит к Богу. Из сути рождается примирение, основанное на сочувствии и понимании. «Самая большая ценность акта примирения в том, что в нем нет места искажению действительности, - продолжает М.Сило - Если мы пришли к примирению с самими собой и с теми, кто причинил нам боль, значит мы готовы к глубоким переменам в нашей жизни, которые положат конец обиде, мешающей нам примириться с самими собой и с миром. Когда мы поймем, что внутри нас больше нет врага, а вместо него увидим существо, чья жизнь полна надежд, достижений и поражений..., когда мы осознаем, что наши враги - это такие же существа, пережившие падения и взлеты, любое чудовище в наших глазах приобретет человеческие черты» (8).

Что представляет собой процесс примирения? На наш взгляд, это похоже на состояние пробужденности и сочувствия в направлении к другому; состояние, из которого возможно видение другого, как из любви происходящего. Но такое высокое видение другого не может произойти вдруг. Путь к примирению не прост, как не прост путь к ненасилию. У Л.Н. Толстого такой путь стал длиною в целую жизнь. В понимании Хайдеггера человек - это вечный путь к самому себе. Акт

примирения дается как духовное в своем невиданном, которое требует от человека, сначала, полной правды именно перед собой, снятия всяческих оболочек, защит; риска увидеть себя не в выгодном свете, где может открыться разоблачение, за которое придется заплатить **кровью от-кровения**. И только в таком *от-кровении*, разоблачении возможно либо смутное припоминание, либо раскрытие уже изначально заложенного, определяемого Нижниковым как «духовный архетип человека» (5).

Маленькому ребенку, находящемуся в детском доме, не надо прощать свою мать, которая его оставила. Он находится с ней в примирении. Поэтому он никогда вам не поверит, что его бросили, предали, т.к. видит ее из сути своей еще неутраченной; когда виден, либо слышен божественный образ другого. Мать остается для него самой лучшей и самой красивой, и она обязательно придет, и он ее ждет. Такой ребенок не знает, что такое прощение, ему не надо никого прощать, он находится в мире с самим собой, в ощущаемой им связи с той, которая дала ему жизнь и это уже является основанием безусловной любви ребенка к той, которую он никогда не видел.

Связь, ощущаемая с другим человеком, определяется ведущим представителем экзистенциальной психологии Ролло Мэйем как сочувствие. Сочувствие в его понимании - «это осознание того, что все мы находимся в одной лодке, и все мы либо утонем, либо будем плыть вместе. Сочувствие вырастает из признания общности» (4, с. 307).

Примирение, основанное на таком понимании сочувствия, противоположно физическому и психологическому насилию. В поисках психологических корней агрессии и насилия Р.Мэй определил насилие как психологическую проекцию враждебных образов на оппонента, а сочувствие, как «признание такого рода демонических импульсов в самих себе». «И если любовь к своим врагам, - заключает Р.Мэй, - требует божественной благодати, то сочувствие к ним вполне в человеческих силах» (4, с.308).

Примирение, основанное на таком понимании сочувствия, дает возможность современному обществу прийти к гуманистической позиции, включающей и силу, и любовь, и общечеловеческое, рождаемое – по словам Достоевского – «из расцвета национального»; к совершению поворота, который должна осуществить современная цивилизация сегодня от концепции столкновения культур и конфессий к их конвергенции, восстановлению на новом уровне, разорванного когда-то единства.

Библиография

1. Антология мировой философии в 4-х т. – М.: 1969-1972.
2. Кэмпбелл Джозеф. Мифический образ - М.: «АСТ», 2004.
3. Митрополит Иерофей. Православная духовность. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.
4. Мэй Ролло. Сила и невинность. - М.: «Смысл» 2001.
5. Нижников С.А. Проблема духовного в западной и восточной культуре и философии - М.: 1995.
6. Хайдеггер М. Проблема человека в западной философии – М.: 1982.
7. Сило. Гуманизировать жизнь на Земле. - М.: 1992.
8. Речь Сило на открытие Парка Пунта де Вакас, Аргентина. 3- 5 мая 2008г. www.poslaniesilo.ru

La reconciliación como camino de humanización del mundo

L.Karnatskaya

En los mitos hindúes existen dos fronteras de toda la mitología, conocidas como “marga” y “deshi”: la primera significa “camino” y la segunda “local”, “del lugar” o “étnico”, por medio de la cual se conforma la constelación de la especie, pueblo o civilización. Estos dos caminos se entrecruzan en el inconsciente humano. “Si fuera posible personificar el inconsciente – decía Jung – se lo podría pensar como un ser humano colectivo... Esta entidad sobreviviría un incontable número de veces la vida de la persona, la familia, la etnia, el pueblo (3).

Así, los dos mundos: el microcosmos y el macrocosmos, lo interno y lo externo, lo individual y lo colectivo, lo personal y lo social, reúnen en sí la unidad. Pero, lamentablemente, no somos capaces aún hoy de ver la historia y sus acontecimientos como provenientes de estos dos mundos, de estos dos caminos, como una unidad. H. Corby de un modo penetrante y sencillo a la vez se refirió a esta idea del siguiente modo: “... *hemos dominado el átomo, pero no conquistamos nuestra alma... construimos hermosas casas, pero destruimos nuestras familias... demostramos mucho, pero no hay nada en nuestro interior*”.

Mucho se habla hoy de diálogo de culturas y civilizaciones. Pero el diálogo entre culturas, o comienza en el nivel personal e interpersonal, o no comienza de ningún modo. Si no estudiamos el nivel celular de los

mecanismos globales, el diálogo entre culturas queda sólo en el ámbito declarativo.

En nuestra ponencia quisiéramos referirnos a la reconciliación tanto en lo que hace al diálogo interno como al externo; reconciliación desde la cual debe comenzar toda comunicación que verdaderamente lleve al entendimiento entre los pueblos.

“Mamita querida, perdóname por favor!”. Estas palabras cada uno de nosotros las conoce no sólo de oídas, sino que las lleva muy adentro de sí. Conocemos muy bien este temor del niño a no ser perdonado, a ser rechazado por sus padres, personificadores del poderío de los dioses. *“Vete, eres malo, has actuado mal!”*. ¿No será por eso que tan frecuentemente el amor de nuestro niño interno se manifiesta con un tinte de ofensa y dolor por la incompreensión? *“Yo soy tan bueno, y ustedes!...”* Y por la desesperanza, provocada por la imposibilidad de hacerse oír, surge el deseo de hacer doler; que luego se traslada también a la vida adulta o nos pone en la posición del resentido.

Pero entonces, en la infancia, de algún modo sabíamos y sentíamos que éramos esencialmente buenos; sabíamos, como el apóstol Pablo, sobre lo sagrado en el interior de nosotros mismos, sobre el “corazón sagrado del Hombre” viviente en mí. Y luego crecimos y lo olvidamos, o tal vez perdimos ese “corazón sagrado”. *“Y por ello - dice el reverendo Avva Doroteo - no tenemos éxitos, por eso no necesitamos nada, pero todo el tiempo nos arrojamus nuestros pensamientos uno a otro y nos torturamos a nosotros mismos, por cuanto cada uno se justifica a sí mismo, se perdona a sí mismo. Como fue dicho: no observando uno mismo, pero exigiendo del prójimo la observación de los mandamientos”* (2).

“La humanidad del ser humano - escribió Heidegger - descansa en su esencia”. Heidegger llama “inhumano” a todo aquello que “cayó de su esencia” (4). Significa esto que la esencia es el bien; y el alejamiento de la esencia y más aún, su olvido, engendra el mal. Así, el perdón del “padre severo”, el perdón desde lo alto, el perdón que pone un precio, que otorga una amnistía (*“si te portas bien...”*), no puede nunca ser manifestación de la esencia, del bien. Naciendo desde la soberbia, semejante perdón sale de las entrañas del pecado, pone condiciones, engendrando miedo en quien pide perdón. Tal perdón surge de una posición en que, quien perdona, respecto de quien es perdonado, se siente a sí mismo como algo “mejor”, “más perfecto” o “más fuerte”, lo cual implica “más justo”, con derecho a castigar o absolver. El significado de la palabra “perdón” en el diccionario de Ushakov se define como “absolver, cancelar un castigo por alguna culpa o error”.

Semejante Ego-Posición aleja del otro, esconde la verdad en mí, colocado “sobre”.

Cada uno de nosotros se ha encontrado alguna vez en la situación de “perdonar al perdonado”. Desde nuestro punto de vista, en tal situación, del mismo modo que en el arrepentimiento, se esconde en potencia una transformación espiritual, la transformación de la persona; pero sólo si supera la prueba de la soberbia, la actuación, la demostración y el automatismo de la acción de perdonar; cuando perdono al otro sabiendo de antemano que sólo en tal caso recibiré el perdón del Padre Celestial o el perdón en los cielos. “...Perdonar exige que uno de los términos se ponga en una altura moral superior y que el otro término se humille ante quien perdona. Y es claro que el perdón es un paso más avanzado que el de la venganza, pero no lo es tanto como el de la reconciliación” – afirmó en su intervención, en la apertura del Parque Punta de Vacas, el pensador y guía espiritual argentino Mario Rodríguez – Silo (8).

En la ética cristiana la renuncia a la venganza está infaliblemente intermediada por la exigencia de perdonar las ofensas. La ética del amor orienta a perdonar las ofensas; tanto en el caso de quien reconoce su pecado y pide perdón, como en el caso de quien peca contra ti sin reconocerlo. El sentido del perdón misericordioso no está simplemente en el olvido del mal infligido, sino que significa principalmente la renuncia a la venganza. Tal perdón presupone el olvido de la ofensa y, a partir del olvido, el acuerdo de paz. Pero el olvido de la ofensa no libera del resentimiento; esto lo sabemos muy bien desde la interpretación psicoanalítica del resentimiento como fuerza desintegradora en el interior de la psiquis humana, cuya desintegración es directamente proporcional al desplazamiento y el olvido. “No importa cuántos actos de mecánico perdón repitamos – escribe S. Nizhnikov en su libro “La cuestión espiritual en la cultura y la filosofía oriental y occidental” – la cantidad no conduce al cambio de calidad de vida, sólo a una creciente separación entre las personas. Se puede perdonar cien veces en el Domingo de Perdón y esa acción automática no se convertirá de ningun modo en el comienzo del restablecimiento de la unidad perdida alguna vez” (6). El cristianismo, desde el punto de vista de S. Nizhnikov, puede ser definido como una enseñanza sobre los tres mandamientos de amor: a Dios, al prójimo y al enemigo. El amor cristiano es universal. Cristo enseñó sobre el tipo superior de amor: el amor espiritual y sacrificado.

En psicología el espíritu de sacrificio se define como la otra cara de la tiranía, del mismo modo que esclavitud y posesión de esclavos, dependencia y codependencia. La víctima no acaba con el tirano, sino que crea condiciones para su existencia. En la reconciliación no hay espíritu de

sacrificio. No necesito entregarme como víctima, ya que veo y comprendo la esencia del otro como parte integrante de un todo único que no puede ser mejor ni peor que mi “yo”, el que también es parte del mismo todo.

Encontramos una poética descripción de esta idea en N.Rerikh:

“Yo no veo mal, veo sólo el bien.

He visto al borracho, yaciendo en una zanja
y al santo, en éxtasis arrodillarse frente al altar.

Y no encontré entre ellos diferencia.

Comprendí que cada uno intenta como puede, expresar la
Vida Unica.

No me pondré a dividir o diferenciar.

No puedo maldecir o enjuiciar.

Ya que sé: el hombre en su esencia es Uno en todos.”

El espíritu de sacrificio es una consecuencia del miedo frente al más fuerte (el dueño, el padre, el dios). No siempre, pero frecuentemente, al sacrificarse en la vida cotidiana (con excepción de la Proeza), la persona que hace un sacrificio sabe a ciencia cierta que recibirá el perdón de Dios o de alguien más fuerte del cual depende. Aquí existe determinado sentido de tentación, rescate, contrato, ocultamiento de sí.

En la reconciliación no puede haber sacrificio, hay sólo valentía, proeza. La proeza de ver la verdad en los propios ojos y reconocer la multiplicidad de personalidades que viven en mí. El reconocimiento del mundo externo como reflejo de mis múltiples “yo”. Es una creación del Juicio pasional sobre sí mismo, aquí, en la Tierra, frente a la “imagen de Dios que está en nuestro interior”.

Refiriéndose a la superación del sufrimiento mental por medio de acciones orientadas a la sociedad, al mundo de las demás personas, Silo dice con franqueza: “*Ni aún lo peor del criminal me es extraño. Y si lo reconozco en el paisaje, lo reconozco en mí. Así es que quiero superar aquello que en mí y en todo hombre lucha por suprimir la vida. ¡Quiero superar el abismo!*” (7) En la visión de Silo, reconciliación significa “*reconocer todo lo ocurrido y proponerse salir del círculo del resentimiento; pasear la mirada reconociendo los errores en uno y en los otros*” (8).

Desde nuestro punto de vista, el tema central hoy no es el perdón sino la reconciliación, como un nivel superior al perdón. Precisamente una reconciliación basada en el autoconocimiento espiritual es capaz de conducir al ser humano por el camino infinito hacia su esencia; en palabras del antiguo filósofo confuciano Men-Tsi, hacia el “encuentro con la naturaleza perdida del ser humano” (1), es decir, hacia Dios. Desde la esencia nace la reconciliación, basada en la compasión y la comprensión. “*Estamos considerando ahora el punto más importante de la Reconciliación que no*

admite adulteraciones – continúa Silo - Si es que buscamos la reconciliación sincera con nosotros mismos y con aquellos que nos han herido intensamente es porque queremos una transformación profunda de nuestra vida. Una transformación que nos saque del resentimiento en el que, en definitiva, nadie se reconcilia con nadie y ni siquiera consigo mismo. Cuando llegamos a comprender que en nuestro interior no habita un enemigo sino un ser lleno de esperanzas y fracasos... Cuando llegamos a comprender que nuestro enemigo es un ser que también vivió con esperanzas y fracasos, estaremos poniendo una mirada humanizadora sobre la piel de la monstruosidad” (8).

¿Qué implica el proceso de reconciliación? En nuestra opinión, un estado de lucidez y compasión hacia el otro; un estado desde el cual es posible la visión del otro como proveniente del amor. Pero tal visión elevada del otro no puede surgir espontáneamente. El camino hacia la reconciliación no es simple, como no es simple el camino hacia la no-violencia. A L.Tolstoy ese camino le llevó toda la vida. Según Heidegger el hombre es un camino eterno hacia sí mismo. El acto de reconciliación se da como experiencia espiritual que exige de la persona, ante todo, una completa verdad frente a sí mismo, la eliminación de todas las máscaras y defensas, con el riesgo incluso de verse a sí mismo en una perspectiva no muy agradable. Y sólo con tal apertura, des-cubrimiento, es posible o bien un vago recuerdo, o bien la revelación de lo existente ya desde un comienzo, definido por S.Nizhnikov como el “arquetipo espiritual del ser humano” (4).

El pequeño niño residente en un hogar infantil no necesita perdonar a su madre que lo abandonó. El se encuentra reconciliado con ella. Por ello nunca creará a nadie que lo abandonaron, que lo traicionaron, ya que ve a su madre desde su esencia aún no perdida, cuando es visible, o audible, la imagen divina del otro. La madre sigue siendo para él la mejor y más hermosa, y ella sin duda llegará y él la espera. Ese niño no sabe qué es el perdón, no necesita perdonar a nadie, se encuentra en paz consigo mismo y en un vínculo sentido con aquella que le dio la vida; y esto es ya fundamento para un amor incondicional del niño hacia aquella que jamás ha visto.

Ese vínculo que se experimenta con el otro, es definido por el reconocido representante de la psicología existencial Rollo May como compasión. La compasión, en su concepción, es “*la toma de conciencia de que todos nosotros nos encontramos en un mismo barco, y nos hundiremos todos o navegaremos juntos. La compasión crece desde el reconocimiento de lo común que nos une*” (3).

Una reconciliación, basada en tal concepto de compasión, es exactamente lo contrario a la violencia física y psicológica. En búsqueda de las raíces psicológicas de la agresión y la violencia Rollo May definió a esta

última como la proyección psicológica de las imágenes hostiles sobre el oponente; y a la compasión como el “*reconocimiento de tal tipo de impulsos demoníacos en uno mismo*”. “*Y si bien el amor hacia los enemigos exige de la gracia divina – concluye R.May –, la compasión hacia ellos está completamente al alcance del ser humano*” (3).

Una reconciliación basada en semejante concepto de compasión, da a la sociedad de hoy la posibilidad de llegar a una posición humanista, que incluya al mismo tiempo fuerza y amor, y lo común a todos los seres humanos; aquello que nace – en palabras de Dostoevsky – “*del florecimiento de lo nacional*”; da la posibilidad de concretar el cambio que debe efectuar la civilización actual desde la concepción del choque de civilizaciones y culturas hacia su convergencia, hacia el restablecimiento, en un nuevo nivel, de la unidad perdida alguna vez.

Bibliografía

1. Antología de la filosofía mundial en 4 tomos – Moscú: 1969-1972.
2. Arzobispo Erofeev. Espiritualidad ortodoxa. Monasterio Sviato-Troitskaya Sergieva. 2006.
3. Campbell Joseph. The Mythic Image – Moscú: 2004. Ed. “AST”.
4. Heidegger M. El problema del hombre en la filosofía occidental – Moscú: 1982.
5. May Rollo. Fuerza e inocencia – Moscú: 2001. Ed. “Smysl”.
6. Nizhnikov S. El problema de lo espiritual en la cultura y la filosofía occidental y oriental – Moscú: 1995.
7. Silo. Humanizar la Tierra – Moscú: 1992. Ed. Club de Iniciativas Humanistas de Moscú.
8. Silo. Palabras en la apertura del Parque Punta de Vacas, Argentina. 3-5 mayo 2007. www.silo.net

**Проблемы гуманизма
в свете восточно-христианской антропологии**

С.В. Буянов

Как для религиозного, так и для философского сознания проблема человека была всегда значима. Но особенно она актуальна сейчас, в наши дни, когда кризисные процессы в культуре и обществе проходят на фоне всеобщей глобализации. Кардинальная нерешенность проблем человека в XXI столетии красноречиво свидетельствует нам о наступлении нового кризиса, который можно назвать антропологическим, лежащим в основе подавляющего большинства кризисных процессов в обществе и культуре.

К одному из проявлений этого кризиса можно отнести появление так называемого негативного антропологизма. Он начал формироваться с экзистенциализма и обрел вес и популярность в некоторых течениях постмодернистской и постструктуралистской мысли. В них обращение к человеку сопровождается негативными выводами и оценками относительно природы человека и перспектив его существования.

Иной раз кажется, что мы являемся свидетелями воплощения круга идей, провозглашенных еще Фридрихом Ницше. Он считал, что «Человек есть нечто, что должно быть преодолено». Но почему сейчас, спустя сто лет, его стремление вспомнить о сверхчеловеческом в человеке выродилось в прославление человека как дикого и злого животного высшей породы, чье «величие есть там, где есть великое преступление»?

Однако, даже в подобных, подчас нарочито шокирующих, негативистских, декларирующих отсутствие в человеке начал цельности и идентичности подходах, видно, что обращение к проблемам человека сейчас актуально как никогда. Антропологический поворот мысли стал реальностью практически во всех областях человеческой деятельности. Но сегодня требуется отстоять человеческое достоинство и веру, надежду в высокое предназначение.

Сейчас, как никогда, необходима честная, четко продуманная и последовательная позиция, определяющая место человека в современном мире и, в конечном счете, отвечающая на старый библейский вопрос: что есть человек?

Ответ на этот вопрос даст понимание тех проблем, с которыми сталкивается современный гуманизм.

По мнению некоторых современных гуманистов, в глобализирующемся современном мире религии играют скорее разделяющую чем интегративную роль. Несмотря на это мнение, я полагаю, что сегодня философская и религиозная мысль могут двигаться в общем направлении к человеку и в этом движении сближаться, оказывая взаимное плодотворное влияние. Русский философ Николай Бердяев считал необходимым соединение гуманизма с христианством, поскольку «только человеческий Бог спасает человека от бесчеловечности».

Также нельзя не упомянуть о тех непростых отношениях, которые изначально складывались у гуманистов эпохи Ренессанса с представителями западноевропейской схоластической школы, которые гуманизм не любили и подчас достаточно жестко критиковали. Гуманисты не оставались в долгу и пытались искать опору в обращении к античной культуре, противопоставляя ее христианскому мировоззрению. Это не совсем так.

Во-первых, если мы говорим о западноевропейском гуманизме, то важно отметить, что он появляется именно в недрах христианской культуры, которая утвердила персоналистическую традицию, поставив в центр внимания живую, трепетную, чувствующую, мыслящую личность.

Во-вторых, неправомерно сводить все христианство к консервативной католической среде, пусть даже и поддерживаемой папским престолом.

Всегда существовала и до сих пор существует другая, византийская, восточно-христианская традиция вселенского православия. Она постулировала не только совместимость христианства и языческой культуры, но, и более того, необходимость для христианина овладеть если не в полном объеме, то, по крайней мере, в значительной степени наследием языческой древности.

Положительная оценка античной культуры имела в святоотеческой литературе уже IV века. Именно тогда Церковь засвидетельствовала свое творческое отношение к античному наследию и показала, что создаваемая ею новая христианская культура не порывает с ним целиком. Например, у святого Василия Великого есть специальное сочинение о пользе, какую может извлечь юношество из чтения языческих книг. Причем пользу святитель усматривает, как это ни покажется нам странным, прежде всего в нравственных уроках, которые в них содержатся.

Известно, что в христианской Греции IV века большое значение имели "Илиада" и "Одиссея", было также переложение Евангелия

языком этих гомеровских поэм, а впоследствии, под пером выдающегося христианского писателя и мыслителя святителя Григория Богослова появилось изложение событий Страстей Господних и Воскресения в форме античной трагедии.

Представители восточно-христианской традиции отчетливо понимали границы и рамки допустимости использования античного наследия. Главная проблема состояла в том, что античное мировоззрение с его натуралистической антропологией растворяло человека в космосе, а христианство указывало на необходимость проявления человеком своего «я», своей души перед бездушными закономерностями природы и общества.

Христианство трактовалось восточно-христианскими мыслителями как религия совершенной личности – Иисуса Христа. Именно в нем, считали они, личность наконец обретает утешающее убеждение в том, что Бог как верховная инстанция бытия имеет в конечном счете одну заботу – помочь человеку в обретении совершенного бытия. Поэтому христианство есть религия спасения всех тех, кто напряженно ищет спасения в святости, спасения в совершенстве.

Почти ту же идею, идею всестороннего развития человека – физического и духовного – пропагандировали гуманисты. Их обращение мысли к человеку выливалось в оптимистическую апологию человека, его возвышение. Такова была реакция на нераскрытость истины о человеке в западноевропейском средневековом схоластическом христианстве.

В эпоху Возрождения пробудился интерес к мыслям человека, к его чувствам. С тех пор мы можем говорить о гуманистическом мировоззрении. Гуманисты видели свою цель в том, чтобы отстаивать идею безусловной ценности человеческой личности. В последствии, гуманистические воззрения претерпели ряд видоизменений. В эпоху Просвещения гуманизм сливается с материализмом и атеизмом, утверждает «исконное совершенство», доброту и разумность человеческой природы. Причем вся человеческая природа сводилась исключительно к его материальности.

Подобные гуманистические воззрения подвергались весьма серьезной критике со стороны представителей русской гуманитарной мысли, среди которых можно назвать Флоренского, Лосева, Гайденко, Солженицына. Более того, многие отечественные философы считали утверждение идей «профанного» гуманизма в сознании значительной части российской интеллигенции духовной трагедией России.

Такая позиция может быть объяснена тем, что к моменту попадания в Россию возникший в недрах западноевропейского христианства гуманизм претерпел определенную эволюцию и пришел в Россию уже в светском, секулярном виде, даже в виде антихристианства, и потому вызвал критику православно ориентированных мыслителей.

С точки зрения религиозно ориентированного мировоззрения всецелое сведение природы человека к материальности является недопустимым упрощением, поскольку в этом случае человек низводится до животного. Сосредоточение человека на конечности своего существования, придание ей статуса абсолютной ценности приводят к биологизации смысла человеческой жизни, к подавлению в нем духовного начала. Тогда человек становится «разжиревшим скотом»(1). С этим нельзя согласиться и повторяя Соловьева можно риторически воскликнуть: Человек есть обезьяна и потому должен полагать «душу за други своя»?

Безусловно, человек связан с миром материальным, миром эмпирической реальности, где все преисполнено несовершенства и страданий. Но с другой стороны, он несет в себе отпечаток мира сакрального, трансцендентного. Понимание человека лишь тогда становится непротиворечивым и плодотворным, когда покоится на утверждении его сверхприродной, точнее сверхматериальной сущности. Только духовное начало человека, т.е. качество, принципиально отличное от всех эмпирических (в том числе и интеллектуально-психических) качеств, выходящее вообще за пределы его эмпирической природы, определяет его подлинное своеобразие человека и кардинально выделяет его из мира животных.

Человек не только материален, он еще и духовен. Причем дух в человеке призван властвовать над телом, плотью, материей. Но властвовать он должен не слепо насилующе, не подавляюще-деспотически как тиран, а сострадательно-разумно. Это положение догматически обосновывается в христианстве тем, что Господь спас не только душу человека, а всего человека: и его душу, и его тело. Нетленность тела является Божьим даром совершенного бытия человека, а духовное совершенствование есть та задача, которая поставлена человеку для решения в его земной жизни. При таком подходе человек не является пассивным заложником окружающей его социальной среды. Человек призван к активным, волевым действиям, направленным прежде всего на собственное совершенствование, а потом уже на преобразование всего того, что его окружает

Человек не являет собой что-то статичное, застывшее, некую константу. Можно сказать, что человек есть нечто, что изменяется непрерывно, в земной жизни нет для человека покоя. Это та река, в которую невозможно одинаковым образом войти дважды. Причем река, которая по своей воле может менять направление течения. Вот, что писал Грибоедов: «Если бы я захотел, чтобы у меня был нос короче или длиннее, то это было бы глупо потому, что невозможно; в нравственном отношении, которое бывает иногда обманчиво физически для чувств; можно делать из себя все, говорю так, потому, что многое испытал над самим собой»(2).

Тема самовоспитания, формирования характера, нравственного совершенствования характерна для всей культуры начала прошлого века. И сегодня важно помнить, что человек либо совершенствуется, либо деградирует, но ему невозможно зафиксировать свой онтологический статус. Любая попытка фиксации приводит к застою, срывам и падениям. Как только человек останавливается в своем совершенствовании, он начинает деградировать.

Человек есть микрокосм, бесконечность, но бесконечность потенциальная, микрокосм становящейся, призванный актуализировать себя. Для обеспечения постоянного трансцендирования человек в своем подлинном бытии должен быть, да и всегда оказывается, устремленным к идеалу. Важна даже не близость к идеалу, а именно стремление. Если говорить о человеке как состоянии, то естественное состояние человека заключается не в жизни по собственной природе, а в преображении этой природы. Причем этот идеал должен быть неотмирным, трансцендентным, осуществляемым, но до конца неосуществимым.

В христианстве, например, эти свойства постулируются принципиальным сущностным различием Бога-Творца и Его творения-человека. Причем это различие не препятствует соединению человека с Богом, не препятствует их взаимодействию и общению. Но именно эта принципиальная разница является залогом сохранения человеческой личности, при соединении ее с Богом и в богообщении.

Трансцендентный идеал должен обладать свойством сообщения полноты бытия, которое обретается индивидом не изолированно, не в отъединенности от других, а лишь в содружестве, во взаимной ответственности друг за друга. Подлинное становление невозможно только собственными усилиями. Совершенное действие это не изолированное, а согласованное по крайней мере меж двух личностей. Становление всегда синергия, сотрудничество, когда объединенные Любовью люди помогают друг другу.

В своем становлении человек должен иметь и, как правило, имеет идеал и, может быть, не один. Что должно стать идеалом современного человека, что может им быть? Что может претендовать на роль метаидеала, существует ли метаидеал реально? Если да, то как он соотносится с идеалами других людей? В христианстве такой метаидеал есть. Это совершенная, актуализированная человеческая, точнее, богочеловеческая личность, которая выступает пределом всякого совершенствования и подражания. Пытаясь упразднить метаидеал секулярной культурой или подменить его, заменить на что-то другое в рамках религиозной субкультуры, мы рискуем потонуть в условностях человеческой изменчивости и будем вынуждены выдумывать новые интенциональные идеалы. Вновь созданные или новые идеалы непременно вступят в конкурентные отношения как с уже существующими идеалами, так и между собой.

Идеалов у человека может быть много и у разных людей они разные. Возможно ли построение какой-либо иерархии этих идеалов? Какой она должна быть, кокой она может быть в современном мире? Человек - существо одаренное множеством разнообразных творческих сил и способностей. Непропорциональное, дисгармоничное развитие способностей ведет к патологиям развития личности. Человеческие способности могут вступать в конкурентные отношения как с другими способностями человека, так и способностями окружающих его людей. Решение проблемы, предлагаемое восточно-христианской ментальностью состоит не в развитии отдельных способностей, которые помогли бы человеку занимать первые места в конкурентной борьбе с себе подобными, а в преодолении внутренней расколотости, в гармоничном обретении монолитной цельности всех душевных и телесных сил. Может быть в этой целостности, в тяге к ней состоит извечная загадка русской души, находящейся в извечном поиске того состояния, которое православной аскетике называется целомудрием.

Христианство неправомерно сводить к «морали рабов». Наоборот, это подлинно аристократическое мировоззрение. В восточном христианстве Бог есть любящее, милосердное и прощающее существо. Отношения между человеком и Богом одинаково свободны как от рабской подчиненности Богу, так и от бунтарского самоутверждения человека. Достоинство христианина подобно достоинству царского сына, который как наследник престола не испытывает унижений в своем вольном служении царю. Власть, которой он служит, не порабощает, а укрепляет его положение. Напротив, бунтарское самоутверждение человека есть проявление

рабского самосознания, ибо только рабу нужно бороться за свою свободу, низвергать тираническую власть, сбрасывать с себя оковы.

Центральной темой для европейского и русского гуманизма был вопрос об отношении к людям, как к «братьям». В русской литературе мучительнее и резче всего переживал её Гоголь. Он пишет: «...как полюбить братьев? Как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны, и так в них мало прекрасного»... По мнению Гоголя, душа человека XIX века неспособна к подлинной любви: «Человек девятнадцатого века отталкивает от себя брата... Он готов обнять все человечество, а брата не обнимет»(3), он может начать презирать окружающих за их недостатки. Человек призван любить идеал, к которому стремится. Он призван любить совершенство. Но это совершенство не может быть мертво статичным. Иначе человек полюбив совершенство, не сможет разглядеть возможность становления совершенства не только в себе, но и вокруг себя. Не просто тяга к совершенству, но сострадание и любовь к ближним, помощь в их совершенствовании должна быть отличительной чертой подлинного бытия. Таким проявлением с точки зрения христианства является Любовь к человеку, Любовь с большой буквы. Человек призван к совершенству, но может и оступаться и срываться. Человек - существо хрупкое и подверженное страстям, он способен на противоестественные действия, может сознательно действовать против собственной природы.

Если это сочетается с откровенной апологией творческой роли насилия, верой в то, что «освобождение» низших животных инстинктов приведет к некоему высшему общественному состоянию, то достигший надуманного имманентного идеала человек превращается в нищенского сверхчеловека, а культ природного непросветленного человека закономерно окончится культом тьмы как творческой силы.

Наиболее яркую художественную полемику с нищенством вел Ф.М.Достоевский, показывая в своих произведениях, что реальный человек оказывается непомерно далеким от идеи нищенского сверхчеловека: он слаб и хрупок, его жизнь трагична. Надеясь себя безусловными правами и вместе с тем видя конечность и хрупкость своего существования, человек чувствует себя разорванным и раздвоенным. «В человеке, - писал Трубецкой, - все борется, все двойится. И та духовная мука, которую мы испытываем, есть именно выражение этого рокового раздвоения, - этого спора смысла и бессмыслицы в человеке и о человеке»(1).

Подобному типу героической личности противостоит личность христианского подвижника, который никогда не теряет связи со своим

историческим и духовным прошлым. Такой человек имеет выдержку в несении «исторического тягла». Его идеал призывает к смирению, но не в смысле бездействия, а в смысле борьбы с самообожением и фальшивой гордостью мнимого спасителя мира. Воплощением такого типа личности в России были Сергей Радонежский, Дмитрий Донской, Александр Невский и многие другие выдающиеся деятели. В отличие от самоуспокоенности и самовлюбленности, духовный взор подвижника открывает в искаженном грехом и страстями человеке, и прежде всего в себе самом, все новые несовершенства.

В заключение следует отметить, что антропоцентричное объявление человека высшей ценностью таит в себе опасность обожествления человека т.е. признанием его идеалом, совершенством, актуализированной беконечностью, которой уже не к чему стремиться и нечего желать. В этом заключена неминуемость возможной деградации. Человек призван к совершенству. Его нельзя представлять статично. Однако человек может заблуждаться и действовать противоестественно, т.е. вопреки и против собственной природы. Но, так или иначе, становление личности возможно только в самостоятельном свободном действии, а подлинное бытие в действии совершенном полноценно, которое проявляется в содействии, любви и сострадании к ближним.

Есть еще один круг специфических проблем современного человека присущих исключительно нашему времени, это проблемы, порождаемые бурным развитием техники и коммуникационных технологий. Известно, что человек оказавшись в массе, в толпе начинает вести себя совершенно иначе, чем привык вести себя наедине с собой. И сформированный точечными сигналами средств массовой коммуникации он подвергается опасности потерять себя, сделавшись орудием, отражением СМИ, замкнуться и утонуть в потоке быстро и непрерывно сменяемых образов.

Поэтому сейчас как никогда важно вновь актуализировать и отталкиваться от максимального образа человека, определяющего его высшее призвание.

Литература

1. Трубецкой Е. Смысл жизни. www.scorcher.ru/art/life/art/11.htm
2. Грибоедов А. Его жизнь и литературная деятельность. www.ssga.ru/erudites_info/peoples/griboedov/part05.html
3. Зеньковский В.В. История русской философии. www.i-u.ru/biblio/archive/senkovskiy%5Fistorija/03.aspx

La cuestión del humanismo a la luz de la antropología cristiana oriental

S. Buyanov

Tanto para la conciencia religiosa como para la filosófica, el problema del ser humano fue siempre muy significativo. Pero especialmente actual es en nuestros días, cuando los procesos de crisis en la cultura y la sociedad se dan en el contexto de la globalización general. La falta de solución cardinal de los problemas del ser humano en el siglo XXI nos ilustra elocuentemente sobre el comienzo de una nueva crisis que podría ser llamada antropológica, que descansa en la base de la gran mayoría de los procesos de crisis en la sociedad y la cultura.

Una de las manifestaciones de esta crisis puede ser considerada la aparición del denominado antropologismo negativo, el cual comenzó a formarse ya a partir del existencialismo y adquirió peso y popularidad en ciertas corrientes del pensamiento postmoderno y postestructuralista. En ellas la referencia al ser humano es acompañada por conclusiones y evaluaciones negativas respecto de la naturaleza humana y las perspectivas de su existencia.

Pareciera que somos testigos una vez más de la concreción de un conjunto de ideas proclamadas por Friedrich Nietzsche, quien consideraba que “el ser humano es algo que debe ser superado”. ¿Pero por qué ahora, después de 100 años, su aspiración de evocar al superhombre en el ser humano degeneró en la glorificación del hombre como un animal salvaje de alto linaje, “cuya grandeza está allí donde está el gran delito”?

Sin embargo, incluso en semejantes enfoques, a veces incluso premeditadamente shockeantes, negativos, demostrativos de la ausencia en el hombre de principios de integridad e identidad, es evidente que la referencia a la cuestión del ser humano es como nunca actual. El giro antropológico del pensamiento se hizo realidad prácticamente en todos los campos de la actividad humana. Pero al mismo tiempo se requiere salvaguardar la dignidad humana, la fe, la esperanza en el destino superior del ser humano.

Hoy, como nunca, es imprescindible una posición clara, bien pensada y consecuente que defina el lugar del hombre en el mundo actual y, al fin de cuentas, responda a la vieja pregunta bíblica: ¿qué es el hombre?

La respuesta a esta pregunta dará una comprensión de aquellos problemas con los cuales se choca el humanismo actual.

En opinión de algunos humanistas contemporáneos, en un mundo que se globaliza las religiones juegan más un rol de división que de integración.

A pesar de esta opinión, considero que hoy el pensamiento filosófico y el pensamiento religioso pueden avanzar en una misma dirección hacia el ser humano y en esta dirección acercarse, ejerciendo una fructífera influencia mutua. El filósofo ruso Nicolás Berdayev consideraba necesaria la unión del humanismo con el cristianismo, por cuanto “sólo un Dios humanizado salvará al hombre de la deshumanización”.

Considero que la conciencia religiosa integral da la posibilidad de comprender cabalmente al humanismo, analizarlo críticamente poniendo atención en aquellos aspectos que han sido objeto de discusiones pasadas. Estoy convencido que semejante punto de vista crítico tiene derecho a la existencia.

También es necesario recordar las difíciles relaciones que se establecieron entre los humanistas de la época renacentista y los representantes de la corriente escolástica de Europa occidental, que no amaban el humanismo y por momentos incluso lo criticaron severamente. Los humanistas no se quedaron atrás e intentaron buscar apoyo en su referencia a la cultura antigua, enfrentándola a la visión del mundo cristiana. Pero esto no es tan así.

En primer lugar, si nosotros hablamos del humanismo europeo occidental, es importante destacar que el mismo surgió precisamente de las entrañas de la cultura cristiana, la cual afirmó la tradición personalista poniendo en el centro de atención a la persona viva, palpitante, sensible, pensante.

En segundo lugar, no es justo reducir todo el cristianismo al mundo católico conservador, aún incluso al sostenido por el trono papal.

Siempre ha existido y hasta hoy existe la tradición bizantina, cristiano-oriental, de la ortodoxia universal; la cual ha postulado no sólo la compatibilidad del cristianismo y la cultura pagana, sino, más aún, la necesidad para el cristiano de asimilar, sino en plenitud, al menos en un grado significativo, la herencia de la antigüedad pagana.

Un juicio positivo de la cultura antigua se expresaba ya en la literatura sagrada del siglo IV. Fue entonces que la Iglesia testimonió su buena relación respecto de la herencia antigua y mostró que la nueva cultura cristiana que estaba creando no rompía por completo con ella. Por ejemplo, San Basilio el Grande tiene una composición específica acerca de la utilidad que puede tener para los jóvenes la lectura de los libros paganos. Es más, la utilidad que el santo percibe en ellos, por más extraño que nos parezca, está ante todo en las lecciones de moral que incluyen.

Como es sabido en la Grecia cristiana del siglo IV tuvieron gran significado la “Iliada” y la “Odisea”. Hubo también una narración del Evangelio en el estilo de los poemas homéricos y, como consecuencia, bajo

la pluma del famoso pensador y escritor cristiano San Gregorio Bogoslov apareció el relato de los acontecimientos de la Pasión del Señor y la Resurrección en la forma de tragedia antigua.

Los representantes de la tradición cristiano-oriental comprendieron perfectamente los límites y marcos de permisibilidad en el uso de la herencia antigua. El principal problema consistía en que la visión del mundo antigua, con su antropología naturalista, disolvía al ser humano en el cosmos; en cambio, el cristianismo mostraba la necesidad de manifestación en el ser humano de su “yo”, de su alma, frente a las leyes desalmadas de la naturaleza y la sociedad.

El cristianismo era interpretado por los pensadores cristiano-orientales como la religión de una personalidad perfecta: Jesucristo. Precisamente en él, consideraban dichos pensadores, la persona adquiere la consoladora convicción de que Dios, como instancia superior de la existencia tiene en definitiva una preocupación: ayudar al hombre a lograr una existencia perfecta. Por ello el cristianismo es la religión para la salvación de todos aquellos que buscan intensamente la salvación en la santidad, en la perfección.

Prácticamente la misma idea, la idea del desarrollo integral del ser humano – físico y espiritual – era promovida por los humanistas. Su inclinación en el pensar hacia el ser humano se convertía en una apologización optimista del hombre y su elevación. Tal fue la reacción ante la no develación de la verdad acerca del ser humano en el cristianismo escolástico europeo-occidental de la Edad Media.

En la época del Renacimiento se despertó el interés hacia los pensamientos del hombre, hacia sus sentimientos. Desde aquel entonces podemos hablar de una visión del mundo humanista. Los humanistas veían su objetivo en instaurar la idea del valor incondicional de la persona humana. En adelante, las visiones humanistas sufrieron una serie de cambios. En la época de la Ilustración el humanismo confluyó con el materialismo y el ateísmo, afirmando la “eterna perfección”, bondad y racionalidad de la naturaleza humana. Y toda la naturaleza humana se redujo exclusivamente a su materialidad.

Semejantes puntos de vista humanistas sufrieron serias críticas por parte de los representantes del pensamiento social ruso, entre los cuales puede mencionarse a Florensky, Losev, Gaidenko, Solyenitsin. Más aún, muchos filósofos rusos consideraron como una tragedia espiritual para Rusia, la afirmación de las ideas de tal humanismo “profano” en la conciencia de una significativa parte de la inteligencia rusa.

Dicha posición puede ser explicada por el hecho que, al momento de su llegada a Rusia, el humanismo, surgido de las entrañas del cristianismo

europeo-occidental, había sufrido determinada transformación; y llegó a Rusia ya en su aspecto laico, secular, incluso en su calidad de anticristiano, y por ello suscitó la crítica de los pensadores de orientación ortodoxa.

Desde la perspectiva de una visión del mundo de orientación religiosa, la reducción total de la naturaleza humana a la materialidad es una simplificación inadmisibles, por cuanto el ser humano resulta así rebajado a lo animal. La limitación del ser humano en la finitud de su existencia, el otorgamiento a dicha finitud del status de valor absoluto, lleva a la biologización del sentido de la vida humana, a la anulación en ella del principio espiritual. El ser humano se convierte entonces en una “bestia de engorde”(1), y en lugar de los rostros vivos del alma surgen las “caras apagadas de aspecto porcino”. Más aún, el hombre resulta un ser similar al primate, sin una conciencia racional, ni espíritu, ni conciencia moral; y son las fuerzas caóticas inconscientes del tipo del complejo de Edipo y la excitación sexual, las que pretenden dirigir la vida humana. Lo cual resulta inadmisibles.

Indudablemente, el ser humano está vinculado con el mundo material, con el mundo de la realidad empírica, donde todo está pleno de imperfecciones y sufrimientos. Pero por otra parte, lleva en sí la marca del mundo de lo sagrado, de lo trascendental. La comprensión del ser humano se hace no contradictoria y fructífera sólo cuando descansa en la convicción de su naturaleza superior, o mejor dicho, de su esencia supramaterial. Sólo el principio espiritual del ser humano, o sea, esa cualidad principalmente diferente de todas las cualidades empíricas (inclusive las psíquicas-intelectuales), que salen fuera de los límites de su naturaleza empírica, define su verdadera particularidad de ser humano y lo distingue cardinalmente del mundo animal.

El ser humano no es sólo material, sino también espiritual. Y el espíritu en el hombre está llamado a dominar sobre el cuerpo, la carne, la materia. Pero debe dominar no de modo ciego y violento, represivo o despótico como un tirano, sino racional y compasivamente. Esta condición se fundamenta dogmáticamente en el cristianismo con el hecho que el Señor salvó no sólo el alma del ser humano, sino el ser humano completo: su alma y su cuerpo. La perennidad del cuerpo es una dádiva divina de la existencia perfecta del hombre, y el perfeccionamiento espiritual es la tarea puesta ante el hombre para ser resuelta en el transcurso de su vida terrestre. En tal enfoque el ser humano no es un prisionero pasivo del medio social que lo rodea. El hombre está destinado a la acción, a la actividad dirigida, ante todo, a su propio perfeccionamiento; y luego, a la transformación de todo aquello que lo rodea.

El hombre no es algo estático, inmóvil, una especie de constante. Puede decirse que el ser humano es un ser en permanente cambio, en la vida terrestre no hay tranquilidad para el hombre. Es, en todo caso, ese río en el que no es posible entrar dos veces. Un río que, por su propia voluntad, puede cambiar la dirección de su corriente. He aquí lo que escribió Griboedov: “Si yo quisiera que mi nariz fuera más corta o más larga, sería un deseo tonto, porque es algo imposible; sin embargo, en un sentido moral, que a veces resulta físicamente engañoso para los sentidos, es posible hacer de uno mismo todo lo que uno quiera; lo digo porque he experimentado mucho sobre sí mismo”(2).

El tema de la autoeducación, de la formación del carácter, del perfeccionamiento moral, es característico para toda la cultura de comienzos del siglo pasado. Y hoy es importante recordar que el ser humano, o bien se perfecciona o bien se degrada; pero nunca puede fijar su status ontológico. Cualquier intento de fijar conduce al estancamiento, la explosión y la caída. Apenas la persona se detiene en su desarrollo y perfeccionamiento, comienza a degradarse y retroceder.

El ser humano es un microcosmos, una infinitud, pero una infinitud potencial, un microcosmos en formación, llamado a actualizarse permanentemente. Para posibilitar la permanente trascendencia, el ser humano en su existencia cotidiana debe estar, y siempre resulta así, aspirando a un ideal. Y lo importante no es la cercanía al ideal, sino precisamente la aspiración, la intención. Si hablamos del ser humano como un estado, el estado natural del ser humano no está en la vida en su propia naturaleza, sino en la transformación de esta naturaleza. Y este ideal debe ser no mundano sino trascendente; realizable, pero no completamente realizable.

En el cristianismo, por ejemplo, estas propiedades se postulan con la diferencia esencial entre Dios-creador y Su creación-el ser humano. Y esta diferencia no impide la unión del ser humano con Dios, no dificulta su interacción y comunicación. Pero precisamente esta diferencia principal es la garantía de conservación de la persona humana al momento de su unión con Dios y de su comunicación con Dios.

Un ideal trascendente debe contar con la propiedad de comunicar al ser humano la plenitud de la existencia; que es adquirida por el individuo, no de modo aislado, no separado de los demás, sino sólo en comunidad, en recíproca responsabilidad del uno por el otro. Una verdadera realización no es posible sólo con el propio esfuerzo. Una acción válida no es una acción aislada, sino una cooperación, una acción acordada al menos entre dos personas. El desarrollo es siempre sinergia, reciprocidad, cuando la gente unida por el Amor se ayudan unos a otros.

En su desarrollo, la persona debe tener y, por lo general tiene, un ideal; y tal vez más de uno. ¿Cuál debería ser un buen ideal para el hombre contemporáneo? ¿Qué podría pretender el rol de metaideal, existe realmente un metaideal? Si es así, entonces ¿cómo se relaciona la persona con los ideales de otros? En el cristianismo existe tal ideal. Es la personalidad humana perfecta, más exactamente la personalidad humano-divina, que resulta el límite último de todo desarrollo y perfeccionamiento. En el intento de anular el metaideal por una cultura secular o de sustituirlo por alguna otra cosa en el contexto de la subcultura religiosa, arriesgamos a hundirnos en las condicionalidades de la variabilidad humana; y será necesario inventar nuevos ideales intencionales. Los nuevos ideales indefectiblemente entran en relación de competencia, tanto con los ideales ya existentes como entre sí mismos.

En el hombre puede haber muchos ideales y en diferentes personas son también diferentes. ¿Es posible construir algún tipo de jerarquía de estos ideales? ¿Cómo debería ser esta jerarquía en el mundo actual? El hombre es un ser dotado de gran cantidad de energías creativas y capacidades diversas. El desarrollo desproporcionado, inarmónico de sus capacidades lleva a diferentes patologías del desarrollo personal. Las capacidades de un ser humano pueden entrar en competencia tanto con otras capacidades de la misma persona, como con las capacidades de la gente que lo rodea. La solución a este problema, propuesta por la mentalidad cristiano-oriental consiste no en el desarrollo de capacidades aisladas, que le ayuden a la persona a ocupar los primeros lugares en la lucha competitiva con sus semejantes, sino en la superación de la división interna, en la adquisición armónica de una monolítica unidad de todas las fuerzas mentales y corporales. Tal vez en esta unidad, en la búsqueda de ella, consiste el eterno enigma del alma rusa, en busca sempiterna de tal estado, que en la ascesis ortodoxa es denominado estado de “pureza”.

No es justo reducir al cristianismo a una “moral de esclavos”. Por lo contrario, es una visión del mundo verdaderamente aristocrática. En el cristianismo oriental Dios es un ser caritativo, que ama y que perdona. La relación entre el hombre y Dios es igualmente libre tanto de la sumisión esclava a Dios como de la autoafirmación insurgente del hombre. La dignidad del cristiano es similar a la dignidad del hijo del zar, que como heredero del trono no experimenta humillación en su servicio voluntario al zar. El poder al cual él sirve no lo esclaviza, sino que fortalece su posición. Por lo contrario, la autoafirmación insurgente de la persona es una manifestación de la conciencia esclava, ya que sólo el esclavo necesita luchar por su libertad, derrumbar el poder tiránico, desprenderse de sus cadenas.

Un tema central, básico para el humanismo europeo y ruso fue la cuestión de la actitud hacia la gente como a “hermanos”. En la literatura rusa fue Gogol quien experimentó más aguda y penosamente esta cuestión. Escribió: “... cómo amar a los hermanos? ¿Cómo amar a la gente? El alma quiere amar algo bello y la gente pobre es tan imperfecta, y tan poco de bello hay en ellos”... En opinión de Gogol, el alma del hombre del siglo XIX es incapaz de un verdadero amor: “El hombre del siglo diecinueve aleja de sí al hermano... Está dispuesto a abrazar a toda la humanidad, pero no abraza al hermano”(3), puede llegar a despreciar a quienes lo rodean por sus insuficiencias.

El ser humano está llamado a amar el ideal al cual aspira. Está llamado a amar la perfección. Pero esta perfección no puede ser cadavéricamente estática. De otro modo, el hombre, al amar la perfección no podrá discernir la posibilidad de desarrollar la perfección, no sólo en sí mismo, sino también a su alrededor. No sólo la búsqueda de perfección, sino también la compasión y el amor a sus semejantes, la ayuda en su perfeccionamiento, deberá ser el rasgo característico de una existencia verdadera. Tal manifestación, desde el punto de vista del cristianismo, es el Amor al ser humano, Amor con mayúsculas.

El ser humano está destinado a la perfección, pero puede tropezar y caer. El hombre es un ser frágil y expuesto a las pasiones, capaz de acciones antinaturales, puede conscientemente actuar en contra de su propia naturaleza. Si se combina esto con la abierta apología del rol creativo de la violencia, la fe en que la “liberación” de los bajos instintos animales conduce a cierto estado social superior; entonces el hombre, al alcanzar el ideal immanente previsto, se convierte en un superhombre nietzscheano, y el culto del hombre natural no ilustrado desemboca inevitablemente en el culto de la oscuridad como fuerza creativa.

La polémica literaria más vistosa con el nietzcheanismo fue desarrollada por F.Dostoevsky, mostrando en sus obras que el hombre real resulta irremediamente lejos de la idea del superhombre nietzscheano: es débil y frágil, su vida es trágica. Otorgándose a sí mismo derechos incondicionales y, al mismo tiempo, viendo la finitud y fragilidad de su existencia, el hombre se siente a sí mismo roto y dividido. “En el hombre – escribió Trubetskoy – todo es lucha, todo es bifurcación. Y ese tormento espiritual que experimentamos es precisamente la expresión de esta fatal bifurcación, de este desdoblamiento, de esta lucha entre el sentido y el sin sentido en el hombre”(1).

A semejante tipo de personalidad heroica se le confronta la personalidad del devoto cristiano, que nunca pierde el vínculo con su pasado histórico y espiritual. Tal persona tiene su entereza en el cumplimiento del

“tributo histórico”. Su ideal invita a la humildad, pero no en el sentido de la inacción, sino en el sentido de la lucha contra la autoadoración y la falsa soberbia del ilusorio salvador del mundo. La encarnación de tal tipo de personalidad en Rusia fueron Sergiy Radonezhsky, Dmitri Donskoy, Alexander Nevsky y muchos otros notables. A diferencia de la autocomplacencia y la autoadoración, el horizonte espiritual del devoto descubre en el hombre, desfigurado por el pecado y las pasiones, y ante todo en sí mismo, siempre nuevas imperfecciones a superar.

Para finalizar es necesario notar que la declamación antropocéntrica del ser humano como máximo valor esconde en sí el peligro de adoración del hombre; o sea, su reconocimiento como ideal, perfección, infinitud actualizada que ya no tiene a qué aspirar, en esto consiste la inevitabilidad de la degradación posible. El ser humano está destinado al perfeccionamiento. De ningún modo es posible imaginarlo estático. El hombre es un ser en desarrollo, trascendible, pasible de ir más allá de sus propios límites y abrir nuevas fronteras. El ser humano es actividad, movimiento; o se perfecciona o se degrada. Esto último comienza apenas deja de perfeccionarse. Sin embargo, puede equivocarse y actuar contra su propia naturaleza. De uno u otro modo, el desarrollo personal es posible sólo por medio de una acción libre y autónoma, y una verdadera existencia para la acción válida, que se expresa en la reciprocidad, el amor y la compasión por quienes le rodean.

Un círculo más de problemas específicos del hombre contemporáneo, pertenecientes exclusivamente a nuestra época, son los problemas engendrados por el impetuoso desarrollo de la técnica y de las tecnologías de la comunicación en particular. Como es sabido, el hombre, al resultar en la masa, en la muchedumbre, comienza a comportarse de un modo completamente diferente al habitual. Y bombardeado por los medios de comunicación corre el riesgo de perderse a sí mismo, convirtiéndose en instrumento, en reflejo de los medios masivos; corre el riesgo de encerrarse y hundirse en una correntada de imágenes incesantemente cambiantes.

Por ello, es importante hoy más que nunca renovar y aspirar a un ideal de ser humano que defina su predestinación superior.

Bibliografía

1. Trubetskoy E. El sentido de la vida. www.scorcher.ru/art/life/art/11.htm
2. Griboedov A. Su vida y actividad literaria. www.ssga.ru/erudites_info/peoples/griboedov/part05.html
3. Zeñkovskiy V.V. La historia de la filosofía rusa. www.i-u.ru/biblio/archive/senkovskiy%5Fistorija/03.aspx

**Этноконфессиональная общность езидов:
история и современность**

К. Геворгян

*«Тут я подумал, что можно бы поплакать и о малых нациях,
ибо на что, собственно, может рассчитывать малая нация?»
Уильям Сароян «Приключения Весли Джексона»*

«О Всевышний, помоги семидесяти двум народам мира, помоги страждущим, тем, кто на чужбине, тем, кто в странствии, тем, кто в нужде, и под конец – помоги нам!» Так каждый день, становясь лицом к солнцу, произносят свою молитву езиды – не менее 3-5 раз в день.

«Когда наш народ узнал мир, уже существовало 72 народа, – говорит езидский духовный деятель, главный редактор газеты «Ездихана» Гасан Тамоян. – Этим и объясняется число, фигурирующее в нашей молитве».

Предмет моего исследования известен узкому кругу востоковедов. Так уж получилось, что беды и тревоги езидов, которых в мире насчитывается от двухсот тысяч до полумиллиона (точной статистики нет, сами езиды считают, что их около 1 млн. 200 тыс. чел.), не очень занимают «цивилизованное человечество». Беды эти угрожают общине езидов в Ираке. Кто они? Приведу обширную цитату из историко-этнографического справочника «Народы мира» (М., 1988 г.): «ЕЗИДЫ, ези (самоназв.), йезиды - этно-конфессиональная общность, субэтническая группа курдов. Живут гл. обр. в Ираке и Турции, небольшая часть в Иране, Сирии и СССР (Грузия, Армения)... Говорят на диалекте курдского языка. Религия езидов – синкретическое сочетание древне-иранского (манихейского) дуализма, иудео-христианских и мусульманских (суфийских) представлений.

Основные занятия – земледелие (зерновые, табак, виноград), овцеводство; в городах езиды – рабочие, мелкие торговцы, часть работает на нефтепромыслах.

Культура общекурдская... Для общин езидов (возникших в 11-12 вв.) характерно кастовое устройство и теократическое правление, деление на касты мирян (муридов) и духовенства (руани). Во главе иерархических групп духовных лиц (пиры, кавалы, факиры и кочаки) – шейхи. Глава езидов – шейх – потомок основателя религии езидов шейха Ади. Замкнутость общин езидов разрушается, в СССР они объединяются в курдских колхозах с курдами и другими народами Закавказья...

Место паломничества – храм шейха Ади (единственный у езидов) и его могила (Лалеш, р-н Мосула, Ирак)...»

Особенная характерная черта езидов (курдов) состоит в их традиционной общинной структуре, которая продолжает играть значительную роль. Национальная самобытность и важные особенности репродукции по многим причинам зависят от элементов национальной самоорганизации. Мирянами являются муриды и беки, а духовенством - шейхи и пиры. Последние разделены на несколько подгрупп, которые исполняют религиозные ритуалы. Муриды представляют собой обычных мирских людей, беки - элиту. Исследования показали, что в обычной жизни авторитет каждого человека зависит не столько от кастовой принадлежности, сколько от таких качеств, как поведение, нравственность, поступки, а также степень следования национальным ценностям.

Большую роль в общественной жизни езидов также играют обычаи и традиции, связанные с созданием семьи и семейной жизнью. Возникновение большей их части связано со старинным езидским обычаем большой семьи. Главой семьи является отец или старший сын. Принцип старшинства также соблюдается среди женщин. Мужчины занимаются всеми хозяйственными и семейными проблемами. Они также являются главными в религиозно-ритуальной жизни.

Что касается женщин, то, несмотря на вышеупомянутые позиции мужчин, езидские женщины, по сравнению с традиционными азиатскими обществами, занимают более высокое общественное положение и обладают большей свободой. В семье и обществе они имеют свое особое место, и, в случае отсутствия мужа, могут представлять семью на встречах и мероприятиях важной общественной значимости. Интересно, что, несмотря на нежелание езидских женщин получать высшее образование, езиды глубоко почитают женщин, у которых оно есть, и которые достигли определенного общественного положения. Особенно почитаются женщины, у которых много детей.

События Первой мировой войны перевернули тот и до того небезопасный мир, в котором жили эти «рыцари Востока», как их называли некоторые европейцы. Известно, что массовому истреблению в Турции подверглись армяне, за ними очевидцы упоминают греков и арабов-христиан, а также – русских и езидов. Зачастую карательные отряды состояли из курдов (мусульман) и представителей северокавказских народов. Часть езидов сумела тогда спастись бегством вместе с армянами, укрывшись в Восточной Армении на российской территории. Их военного предводителя Джангир-ага армяне считают и своим героем. Исходя из этого, нетрудно догадаться,

что трагические события начала XX века накладывают особый отпечаток на отношение потомков этих езидов к турецким курдам-мусульманам.

По словам предводителя духовного совета езидов шейха Гасана Гасаняна, езиды смогли в течение веков сохранить в Армении самобытность своего вероисповедания. Действующая в Армении религиозная организация «Последователи Шафрадина» является одной из крупнейших религиозных организаций езидов в мире. В настоящее время в Армении живут более 60 представителей духовенства езидов. Организация поддерживает связи с духовным центром езидов, который находится в северной части Ирака, в местности Лалеш. Там же находятся и так называемые святые места езидов.

Езиды считают себя последователями пророка Давида. Одновременно они поклоняются и пророкам, принятым в христианской церкви. «Для молений и сожжения свечей мы посещаем и армянские церкви», - сказал шейх Г.Гасанян.

Теперь о главном. Вот сообщение агентства РИА-Новости от 15.08.2007:

«Число погибших и раненых в результате террористической атаки на северо-западе Ирака достигло 500 человек, сообщает в среду катарский телеканал Al-Jazeera. Источники в иракской полиции ранее сообщили о 175 погибших и 200 раненых. Четыре начиненных взрывчаткой бензовоза во вторник вечером взлетели на воздух неподалеку от города Мосул. Мишенью боевиков стали живущие в этом районе езиды. Взрывы прогремели в трех поселениях курдов-езидов под городом Санджар, расположенном в 120 километрах к западу от Мосула близ сирийской границы. Атака была тщательно спланирована – все взрывы, по данным иракской полиции, прогремели практически одновременно, передает РИА Новости. В подвергшихся нападению районах полностью разрушены около 30 жилых домов.

Нападение на курдов-езидов стало одним из самых кровавых за последние четыре года после вторжения войск коалиции в Ирак. Полиция подозревает в организации диверсии суннитских экстремистов из числа сторонников «Аль-Каиды», активно действующей в приграничных с Сирией районах. Именно ее боевики, по мнению местных правоохранительных органов, стояли за недавними нападениями в другом североиракском городе – Эмерли, где проживают этнические туркмены. В июле в результате взрыва заминированного грузовика там погибли 105 человек, еще около 250 получили ранения.

Мосул и его окрестности со смешанным курдским, арабским и этническим туркменским населением считается одним из самых беспокойных районов Ирака. В апреле этого года суннитские боевики расстреляли в Мосуле 23 курдов-езидов, спровоцировав массовые волнения в третьем по величине городе Ирака».

На территории СНГ вторая после российской по численности община проживает в Армении. Ранее, во второй половине июня 2007 г. в связи с постоянными сообщениями о нападениях на езидов в Ираке в Армении эта тема была воспринята как актуальная, поскольку интересы всего сообщества транслировал председатель Национального Союза езидов мира Азиз Тамоян. Он заявил журналистам, что Езиды требуют создать на Севере Ирака государство Ездистан под протекторатом США. Он отметил, что направил письмо президенту США Джорджу Бушу с этим предложением. «Национальный Союз езидов мира, исходя из интересов езидского населения Ирака считает, что на севере этой страны необходимо создать государство Ездистан, которое может находиться под протекторатом США и которое должно быть признано государственно-административной территорией Соединенных Штатов», - сказал Тамоян. «В противном случае 1,2 миллион проживающих в Северном Ираке езидов грозит опасность геноцида». Езиды подвергаются нападениям иракских мусульман, а также страдают от передвижения турецких войск, борющихся с отрядами Рабочей партии Курдистана. Согласно заявлению представителя Общества защиты притесняемых народов (GfbV) доктора Камала Сидо, все беженцы-езиды, не должны возвращаться на территорию Турции или Греции из-за негуманного обращения.

По словам главы Национального Союза езидов мира, необходимость создания езидского государства вызвана тем, что согласно некоторым данным, страны «Большой восьмерки» договорились о создании на территории Ирака суннитского, шиитского и курдского государств. «При этом были игнорированы интересы езидов», - сказал Тамоян. По его словам, в результате притеснений из Ирака в страны Европы, США и Сирию уже перебравшись десять тысяч езидов. «Эту проблему могут решить только Соединенные Штаты, так как войска именно этой страны находятся сегодня в Ираке».

Следует признать, что это крик о помощи, который безнравственно не слышать. Если езиды не заинтересовали политиков, или их собственный голос недостаточно силен, то за дело могут и должны взяться общественные организации, объединяющиеся в Международное гуманистическое движение.

La comunidad etno-confesional de los yezidas: historia y actualidad

Karine Gevorgyan

“Y entonces pensé que se podría llorar por las naciones pequeñas; ya que ¿con quién propiamente puede contar una pequeña nación?”
William Saroyan “Aventuras de Vesli Jackson”

“Oh! Supremo, ayuda a los setenta y dos pueblos del mundo, ayuda a los que sufren, a quienes están en el extranjero, a quienes se encuentran en peregrinación, a quienes están necesitados y, finalmente, ayúdanos a nosotros!” Así, cada día, colocándose de cara al sol, pronuncian su oración los yezidas, no menos de 3-5 veces al día.

Cuando nuestro pueblo conoció el mundo ya existían 72 pueblos, - cuenta el sacerdote yezida, jefe de redacción del diario “Ezdijana” Gasan Tamoyan – así se explica la cifra que figura en nuestra oración.

El objeto de mi investigación es conocido sólo para un estrecho círculo de orientalistas. Así sucedió que los males y preocupaciones de los yezidas, de los cuales se cuentan alrededor de doscientos mil hasta medio millón (se carece de una estadística exacta, los yezidas mismos consideran ser alrededor de 1 millón 200 mil personas), no son tema que ocupe a la “humanidad civilizada”. Pero estos males amenazan a la comunidad yezida en Irak.

¿Quiénes son ellos? Voy a transcribir una amplia cita de la enciclopedia histórico-etnográfica “Pueblos del mundo” (Moscú, 1988):

“YEZIDAS, colectividad etno-confesional, grupo subétnico de los kurdos. Viven principalmente en Irak y Turquía; una parte menor en Irán, Siria y la URSS (Georgia, Armenia)... Hablan un dialecto de la lengua kurda. La religión de los yezidas es una combinación sincrética del antiguo dualismo iraní (maniqueísta) y de las concepciones judeocristianas y musulmanas (sufíes).

Sus principales ocupaciones son la agricultura (granos, tabaco, uva), cría de ovejas; en las ciudades los yezidas son obreros, pequeños comerciantes, una pequeña parte trabaja en la industria petrolera.

La cultura es kurda. Para las comunidades yezidas (que surgieron en los siglos XI-XII) son características las formaciones de castas y el gobierno teocrático, la división en castas de laicos (muridas) y clero (ruanis). A la cabeza de los grupos jerárquicos clericales (piros, cabalistas, faquires y kochacos) se encuentran los jeques. El jefe de los yezidas es el jeque, heredero del fundador de la religión de los yezidas, el jeque Adi. El

aislamiento de las colectividades yezidas se disuelve, en la URSS se reúnen en los koljoses con kurdos y otros pueblos transcaucásicos...

Su lugar de peregrinación es el templo del jeque Adi (el único entre los yezidas) y su tumba (Lalesh, región de Mosula, Irak)...”

El rasgo característico especial de los yezidas (kurdos) consiste en su tradicional estructura comunitaria, la cual continúa jugando un rol significativo. La identidad nacional y las particularidades más importantes de su reproducción por diferentes razones dependen de los elementos de autoorganización nacional. Los laicos son los muridas y los becos, y el clero está compuesto por los jeques y los piros. Estos últimos se dividen en varios subgrupos, quienes realizan los rituales religiosos. Los muridas son gente habitual de pueblo, los becos son la elite. Los estudios han mostrado que en la vida cotidiana la autoridad de cada persona depende no tanto de la pertenencia de casta, cuanto de cualidades tales como la conducta, la moral, y también el grado de observación de los valores nacionales.

Un importante rol en la vida social de los yezidas es jugado también por las costumbres y tradiciones vinculadas con la formación de la familia y la vida familiar. El surgimiento de la mayoría de ellos está relacionado con la vieja costumbre yezida de la gran familia. El jefe de familia es el padre o el hijo mayor. El principio de mayoría también es observado entre las mujeres. Los hombres se ocupan de todos los problemas familiares y económicos. Ellos también son los principales en la vida religioso-ritual.

En lo que hace a las mujeres. A pesar de la postura de los hombres mencionada más arriba, en comparación con las sociedades tradicionales asiáticas, las mujeres yezidas ocupan una posición social más elevada y disponen de mayor libertad. En la familia y en la sociedad ocupan un lugar especial y, en el caso de ausencia del esposo pueden llegar a representar a la familia en los encuentros y eventos de gran significado social. Es llamativo que, a pesar de la falta de interés de las mujeres yezidas por recibir educación superior, los yezidas respetan profundamente a las mujeres que la poseen y que han alcanzado determinada posición social. Especialmente respetadas son las mujeres que tienen muchos hijos.

Los acontecimientos de la Primera Guerra Mundial dieron vuelta a un mundo ya inseguro, en el cual vivían estos “caballeros del Oriente”, como los llaman algunos europeos. Como es sabido, los armenios sufrieron un exterminio masivo en Turquía y, además de ellos, los testigos mencionan a griegos y árabes-cristianos, como así también a rusos y yezidas. Los grupos represivos estaban constituidos en buena parte por kurdos (musulmanes) y representantes de los pueblos norcaucásicos.

Una parte de los yezidas supo entonces salvarse huyendo junto con los armenios, refugiándose en la Armenia Oriental, en territorio ruso. Su

caudillo militar Dyanguir-aga es considerado un héroe también por los armenios. A partir de esto no es difícil comprender que los trágicos acontecimientos de comienzos del siglo XX dejaron una especial huella en la relación de los herederos de estos yezidas hacia los kurdos-musulmanes turcos.

En palabras del caudillo del consejo espiritual de los yezidas, jeque Gasana Gasanyana, los yezidas en el transcurso de los siglos pudieron conservar en Armenia la originalidad de su confesión. La organización religiosa actuante en Armenia “Seguidores de Shafradin” es una de las organizaciones religiosas más grandes de los yezidas en el mundo. En el momento actual en Armenia viven más de 60 representantes del clero yezida. Esta organización mantiene vínculos con el centro espiritual yezida que se encuentra en la parte norte del Irak, en la localidad de Lalesh. Allí mismo se encuentra el lugar sagrado de los yezidas.

Los yezidas se consideran a sí mismos seguidores del profeta David. Al mismo tiempo, adoran a los profetas aceptados por la iglesia cristiana. “Para orar y encender velas nosotros visitamos también las iglesias armenias”, dijo el jeque G.Gasanyan.

Ahora lo más importante. He aquí una comunicación de la agencia RIA-Novosti del 15.08.2007:

“El número de muertos y heridos como resultado de un ataque terrorista en el noroeste de Irak alcanzó a 500 personas, comunica el miércoles el canal televisivo Al-Jazeera. Las fuentes en la policía iraquí hablaban antes de 175 muertos y 200 heridos. Cuatro camiones cisternas con explosivos volaron por los aires en la noche del martes en un lugar cercano a la ciudad de Mosul. El blanco de los guerrilleros fueron los yezidas residentes en esta región. Las explosiones tronaron en tres colonias de kurdos-yezidas en las afueras de la ciudad de Sandyar, ubicada a 120 kilómetros hacia el occidente de Mosul, junto a la frontera siria. El ataque fue minuciosamente planificado. Todas las explosiones, según datos de la policía iraquí, fueron prácticamente simultáneas, comunica RIA-Novosti. En las regiones que sufrieron el ataque resultaron destruidos alrededor de 30 edificios de vivienda.

El ataque a los kurdos-yezidas se convirtió en uno de los más sangrientos de los últimos cuatro años luego del ingreso de las tropas de la coalición a Irak. La policía sospecha como organizadores del sabotaje a los extremistas sunnitas que actúan en las regiones limítrofes con Siria. Precisamente sus guerrilleros, en opinión de los órganos del orden público locales, fueron quienes realizaron los ataques recientes a los grupos turcmenos residentes en otra ciudad del norte iraquí: Emerli. En julio, como

resultado de la explosión de un camión minado murieron allí 105 personas y más de 250 resultaron heridas.

Mosul y sus alrededores, con su población kurda, árabe y turcmena, es considerada una de las regiones más inestables del Irak. En abril de este año los guerrilleros sunnitas fusilaron en Mosul a 23 kurdos-yezidas, provocando manifestaciones masivas en la tercera ciudad de Irak”.

En el territorio de la CEI la segunda en número colectividad de yezidas vive en Armenia. En la segunda mitad de junio de 2007 en relación con las permanentes noticias de ataques a los yezidas en Irak, en Armenia este tema se convirtió en candente, por cuanto los intereses de toda la comunidad fueron transmitidos por el presidente de la Unión Nacional de Yezidas del mundo, Aziz Tamoyan. El mismo declaró a los periodistas que los Yezidas exigen crear en el norte de Irak el estado de Yezdistán, en caso contrario 1,2 millones de yezidas que viven en el norte del Irak están amenazados por el genocidio. Los yezidas son atacados por los musulmanes iraquíes, como así también sufren por los desplazamientos de las tropas turcas que luchan con las tropas del Partido Trabajador de Kurdistán. Según las declaraciones del representante de la Sociedad de defensa de los pueblos oprimidos, doctor Kamala Sido, los refugiados yezidas no debieran regresar al territorio de Turquía o Grecia debido al trato inhumano que reciben.

En palabras del jefe de la Unión Nacional de yezidas del mundo, la necesidad de fundación del estado yezida está suscitada por el hecho que, según algunas fuentes, los países de los Ocho acordaron la creación en el territorio del Irak de los estados sunnita, shiita y kurdo. “En esta situación, fueron ignorados los intereses de los yezidas”, afirmó Tamoyan. En sus palabras, como resultado de la persecución desde Irak han huido ya más de 10.000 yezidas a los países de Europa, EEUU y Siria.

Es necesario reconocer que se trata de un grito, un pedido de ayuda que es inmoral no escuchar. Si los yezidas no han despertado el interés de los políticos o su voz no es lo suficientemente fuerte, podrían y debieran hacerse cargo del tema las organizaciones sociales que confluyen en el Movimiento Humanista Internacional.

Декларация движения к миру без насилия

**П. Савельев
О. Калинина**

*«Должно сделать то, чтобы чувства братства
и любви к ближним, доступные теперь
только лучшим людям общества,
стали привычными чувствами,
инстинктом всех людей»
Лев Толстой*

23 - 24 ноября 1990 года в Туле родилось движение «Мир без насилия». Прошло семнадцать лет и сегодня у нас особенная радость: мы принимаем участие в международной встрече единомышленников и обсуждаем проект Декларации принципов ненасилия.

Все наше движение начиналось с Михаила Сергеевича Горбачева и с Делийской декларации, которую подписали М. Горбачев и Раджив Ганди в 1986 году. «Ненасилие должно быть основой жизни человеческого сообщества: Философия и политика, построенные на насилии и устрашении, неравенстве и угнетении, дискриминации по расовому и религиозному признакам или цвету кожи, аморальны и недопустимы. Они приносят дух непримиримости, губительны для высоких устремлений человека и отрицают все человеческие ценности» и далее «Построение свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира требует революционной перестройки в умах людей, воспитания народов в духе мира, взаимного уважения и терпимости».

Для продвижения этих положений огромная роль отводится культуре. Ещё в 1934 году Эйнштейн обратился к Фрейдю с вопросом об истоках войн. В последних строчках своего длинного ответа Фрейд пишет: «...можно лишь сказать, что все то, что в той или иной форме сделано для развития культуры, работает против войны». В своей недавней статье «Культура и будущее России» Игорь Харичев пишет: «Мы имеем то, что позволяет нам иметь наша культура. И если мы хотим изменений, необходимо менять культуру».

В этой связи Д.С. Лихачев говорит об экологии культуры и выделяет в качестве её предмета культурно-мировоззренческие ценности, воздействующие на человека: архитектурная, ландшафтная и материальная среда, а также аудиовизуальные, литературные и др. Представления Д.С. Лихачева позволяют утверждать, что сегодня

возникает потребность и интеграция важнейших мировоззренческих представлений отдельных национальных культур, в преодолении некоторых жестких локальных ценностных ориентаций при сохранении этноприродного разнообразия человека. Деятельность миротворческих общественных организаций, является в настоящее время неотъемлемой составляющей гражданского общества.

Наше движение с 2001 года действует в рамках Международного десятилетия культуры мира и ненасилия в интересах детей планеты (2001-2010 годы). Более того, мы говорим не только о культуре мира и ненасилии, у нас есть программа «100 дней движения к экологической культуре мира».

Движение «Мир без насилия» возникло 17 лет назад, и было зарегистрировано как общероссийское общественное объединение.

В 1988 году приняли участие в Советско-американском походе мира по маршруту Одесса – Киев. А в 1989 году мы инициировали и провели Яснополянский поход мира «За единение, ненасильственный мир и бессмертие человечества» под девизом «В поисках зеленой палочки» по пути Льва Толстого из Ясной Поляны в Оптину Пустынь. Все участники получили в подарок книгу Толстого «В чем моя вера?». Именно эта книга произвела глубочайшее впечатление на Махатму Ганди и сделала его убежденным сторонником ненасилия, о чём он написал в статье «Мой Толстой».

В последние дни похода было создано Толстовское общество. Ещё до Яснополянского похода в журнале «Новое время» было опубликовано наше предложение о проведении походов по следам Генри Торо, Льва Толстого и Махатмы Ганди. Этот проект был поддержан Сергеем Михайловичем Толстым. И в 1990 году в Туле после проведения второго Яснополянского похода мира прошла учредительная конференция движения «Мир без насилия». В марте 1991 года Министр юстиции Николай Федоров вручил нам свидетельство о регистрации нашего движения в качестве общероссийского общественного объединения.

Проекты и программы движения «Мир без насилия» развиваются вокруг имен Генри Торо, Льва Толстого и Махатмы Ганди. В России ежегодно проводятся мероприятия в рамках «100 дней движения к миру без насилия»: 1 июня – Марш «К миру без насилия» из Тулы в Ясную Поляну, 5 июня – Круглый стол «Друзья реки Шат», 8 сентября – Толстовские юношеские встречи-чтения.

Эти мероприятия проходят в пространстве, где Лев Толстой любил ходить пешком. Думается, что это пространство может быть

расширено, включая бассейн реки Волги, Казань и Самару, где также бывал Лев Толстой.

Для каждого мероприятия принимаются декларации маршей и толстовских встреч-чтений:

«Мы приветствуем провозглашение ООН 2001-2010 годов "Международным десятилетием культуры мира и ненасилия в интересах детей планеты" и решение Генеральной Ассамблеи ООН об объявлении дня рождения Махатмы Ганди 2 октября Международным Днем Ненасилия. Прежде всего, как и Лев Толстой, мы хотим, чтобы любовь к миру перестала быть робким стремлением народов, она должна стать непоколебимым требованием честной совести. Все, что мы делаем, направлено на то, чтобы ненасилие стало основой жизни человеческого сообщества. Мы призываем сделать новый век – веком без войн и насилия! Наша цель гуманна, реалистична и неизбежна – движение к миру без насилия. Мы верим, что стремление к этой цели может объединить всех людей, все местные и международные организации, защищающие человека, природу и вообще жизнь на Земле. Мы призываем к достижению согласия и примирения. Мы стараемся, как можно шире распространять культуру мира и ненасилия, опыт ненасильственных движений. Мы выступаем за создание центров и школ ненасильственного мира. Обеспечение экологической безопасности – одна из главных наших задач. Мы стремимся к объединению людей для достижения ненасильственного, безопасного, экологически сбалансированного и устойчивого, движимого любовью прекрасного мира. Любите друг друга!».

Таким образом, общероссийское общественное движение «Мир без насилия» включает в себя весь спектр сил общества, которые направлены на организацию людей, выступающих за снижение действия экологически опасных факторов среды, за улучшение обстановки в регионе, за гармонизацию взаимоотношений человека и общества и за устойчивое развитие России. Общественное объединение помогает школам, колледжам Тульской области в реализации экологических программ, содействует объединению усилий природоохранных, образовательных общественных организаций, учреждений культуры, спорта и туризма, научных учреждений, средств массовой информации, трудовых коллективов и профессиональных союзов для воплощения в жизнь таких программ. Решению конкретных экологических проблем способствуют экологически ориентированные экспедиции, летние лагеря, экологические клубы и движения, экологический туризм.

В пространстве паломничества Л. Толстого (Московская, Тульская и Калужская области) мы предлагаем создать Российский центр культуры мира и ненасилия Льва Толстого. А также подобные центры, продвигающие культуру мира и ненасилия, могли бы возникнуть в Индии и США, в местах жизни и деятельности Генри Торо и Махатмы Ганди. Эти центры стали бы опорными в создании глобального движения к миру без насилия.

Сегодня настало время приступить к созданию глобального движения к миру без насилия. «Создание мира без насилия является целью гуманной, реалистичной и неизбежной. Россия могла бы найти и для себя достойную роль в движении к этой цели. Стремление к добру на планете может объединить миллиарды людей, все местные и международные организации, уважающие права человека, защищающие природу и вообще жизнь на земле»!

Declaración del Movimiento hacia un mundo sin violencia

**P. Savelev
O. Kalinina**

*“Se deberá hacer todo para que los sentimientos de hermandad
y amor al prójimo, hoy accesibles sólo a los
mejores representantes de la sociedad
se conviertan en sentimientos habituales,
en instintivos para todas las personas”
León Tolstoy*

El 23 y 24 de noviembre del año 1990 nació en Tula el movimiento “Mundo sin violencia”.

Han pasado 17 años y tenemos hoy una alegría especial: participamos en un encuentro internacional de compañeros de lucha y trataremos juntos el proyecto de Declaración de Principios de la No Violencia.

Nuestro movimiento comenzó con Mijail Gorbachev y la Declaración de Delhi, que suscribieron M.Gorbachev y R.Gandhi en el año 1986. “La no-violencia debe ser el fundamento de la vida de la comunidad humana mundial. La filosofía y la política construidas sobre la violencia y la intimidación, la desigualdad y la opresión, la discriminación racial y religiosa, son amorales e inadmisibles; son portadoras de resentimiento, mortales para las aspiraciones más elevadas del ser humano y niegan todo

valor humano. La construcción de un mundo no violento, libre de armamento nuclear, exige un cambio revolucionario en la mente de las personas y la educación de los pueblos en el espíritu de la paz, el respeto mutuo y la tolerancia”.

La cultura cumple un rol muy importante para la promoción de estas propuestas. En 1934 Einstein se dirigió a Freud con una pregunta sobre el origen de las guerras. En las últimas líneas de su larga respuesta, Freud escribe: “...puede en síntesis decirse que todo aquello que, de una u otra forma, está hecho para el desarrollo de la cultura trabaja en contra de la guerra”. En su reciente artículo “Cultura y futuro de Rusia” Igor Kharichev escribe: “Disponemos de todo aquello que nos permite disponer nuestra cultura. Y si queremos cambios, es necesario cambiar la cultura”.

En este sentido D.S. Lijachev habla de ecología de la cultura y destaca, en calidad de objeto de valor cultural y de concepción del mundo que actúa sobre el ser humano, el medio arquitectónico, paisajista y material, como así también el audiovisual, literario, etc. Las imágenes de D.Lijachev permiten afirmar que hoy surge la necesidad de integración de ideas conceptuales muy importantes de las culturas nacionales en la superación de ciertas orientaciones rígidas de valores, resguardando la diversidad etno-cultural del ser humano. La actividad de las organizaciones sociales promotoras de la paz es, en el momento actual, un componente insustituible de la sociedad civil.

Nuestro movimiento, desde el año 2001, actúa en el contexto de la Década Internacional de la Cultura de la Paz y la No-violencia en beneficio de los niños del planeta (2001-2010). Más aún, nosotros hablamos no sólo de cultura de la paz y la no-violencia, sino que tenemos también el programa “100 días de movimiento hacia la cultura ecológica del mundo”.

El Movimiento “Mundo sin violencia” surgió hace 17 años y fue registrado como movimiento social de toda Rusia.

En el 1988 participamos en la expedición soviético-americana por la paz entre Odessa y Kiev. Y en 1989 comenzamos con las marchas por la paz “Por la unidad, el mundo no violento y la inmortalidad de la humanidad” bajo el lema “En busca de la varilla verde”, por el camino de León Tolstoy desde Yasnaya Polyana hasta Optina Pustin. Todos los participantes recibieron de regalo el libro de Tolstoy “¿En qué consiste mi fe?”. Precisamente este libro produjo una profunda impresión en Mahatma Gandhi, convirtiéndolo en un partidario convencido de la no-violencia, sobre lo cual escribió en su artículo “Mi Tolstoy”.

En los últimos días de la marcha fue creada la Sociedad Tolstoiana. Tiempo antes había sido publicada en la revista “Nuevo tiempo” nuestra propuesta de realizar expediciones por las huellas de Henry Thoreau, León

Tolstoy y Mahatma Gandhi. Este proyecto fue apoyado por Serguey Tolstoy. Y en 1990, en Tula, luego de la finalización de la segunda marcha de Yasnaya Polyana se realizó la conferencia constitutiva del movimiento “Mundo sin violencia”. En marzo de 1991 el Ministro de Justicia Nikolay Federov nos entregó el certificado de registro del movimiento en calidad de movimiento social de toda Rusia.

Los proyectos y programas del movimiento “Mundo sin violencia” se desarrollan alrededor de los nombres de Henry Thoreau, León Tolstoy y Mahatma Gandhi. En Rusia anualmente se realizan eventos en el contexto de los “100 días de movimiento hacia un mundo sin violencia”: el 1 de junio es la Marcha “Hacia un mundo sin violencia” desde Tula hasta Yasnaya Polyana; el 5 de junio, la Mesa redonda “Amigos del río Shat”; el 8 de setiembre, el Encuentro-lectura juvenil Tolstoyano.

Estas actividades se desarrollan en el territorio por donde León Tolstoy amaba caminar. Pienso que este espacio puede ser ampliado, incluyendo la cuenca del río Volga, Kazán y Samara, por donde también anduvo León Tolstoy.

En cada evento se adopta una declaración de la marcha y los encuentros-lectura tolstoyanos: “Saludamos la proclamación por las Naciones Unidas de los años 2001 al 2010 como “Década Internacional de la Cultura de la Paz y la No-violencia en beneficio de los niños del planeta” y la resolución de la Asamblea General de la ONU declarando el 2 de octubre, día de nacimiento de Mahatma Gandhi, como Día Internacional de la No-violencia. Ante todo, al igual que León Tolstoy, queremos que el amor por la paz deje de ser una tímida aspiración de los pueblos y se convierta en una firme exigencia de la conciencia limpia. Todo lo que nosotros hacemos está dirigido a que la no-violencia se convierta en fundamento de la vida en toda la comunidad mundial. ¡Convocamos a hacer del nuevo siglo un siglo sin guerras ni violencia! Nuestro objetivo es humano, realista e inevitable.

Estamos convencidos que esta aspiración puede unir a todos los seres humanos, a todas las organizaciones locales e internacionales que defienden al hombre, la naturaleza y toda la vida en la Tierra. Convocamos al logro de la reconciliación. Intentamos difundir lo más ampliamente posible la cultura de la paz y la no-violencia, la experiencia de los movimientos no violentos.

Proponemos la creación de centros y escuelas de la no-violencia. Garantizar la seguridad ecológica es una de nuestras principales tareas. Aspiramos a unir a todos los seres humanos para el logro de un mundo no violento, seguro, equilibrado ecológicamente, movido por el amor. ¡Amáos los unos a los otros!”.

De tal modo, el movimiento social ruso “Mundo sin violencia” abarca todo el espectro de fuerzas sociales dirigidas a la organización de la

gente, que actúan por el mejoramiento de la situación ecológica y la armonización de las relaciones hombre y sociedad, por el crecimiento sostenido de Rusia. Nuestro movimiento ayuda a las escuelas y colegios de la región de Tula en la realización de programas ecológicos, intenta unir los esfuerzos de las organizaciones ecologistas, educativas y sociales, de los centros culturales, científicos, de deporte y turismo, de los medios de difusión masiva, colectivos de trabajadores y sindicatos profesionales, para la concreción de los mencionados programas. La resolución de problemas ecológicos concretos es facilitada por expediciones ecologistas, campamentos de verano, clubes ecológicos, turismo ecológico.

En el espacio de nuestras peregrinaciones y las de León Tolstoy (por las regiones de Moscú, Tula y Kaluga) proponemos la creación del Centro Ruso por la cultura de la paz y la no-violencia León Tolstoy. Centros similares podrían surgir en India y EEUU, en los lugares donde vivieron y actuaron Henry Thoreau y Mahatma Gandhi. Estos centros podrían convertirse en apoyos para la creación de un movimiento global hacia el mundo sin violencia.

Hoy ha llegado el momento de comenzar la formación de un movimiento global por un mundo sin violencia.

“La creación de un mundo sin violencia es un objetivo humano, realista e inevitable. Rusia podría encontrar para sí un rol digno en el movimiento hacia este objetivo. La aspiración hacia la bondad en el planeta puede unir a millones de personas, a todas las organizaciones locales e internacionales que respeten los derechos humanos, y protejan la naturaleza y la vida en la Tierra”.

**Репрезентация молодежного проекта
«Содружество. Память поколений»**

**К. Шимчик
М. Старостина
Д. Антонов
Н. Киселев
С. Чернышов
А. Хоружая**

Уже практически 4 года Региональный Общественный Фонд «Центр Национальной Славы» в рамках проекта «Поколение в поисках себя» проводит международный молодежный лагерь на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Первая смена лагеря была проведена с 8-22 июля 2004 года в поселке Васкелово Ленинградской области. Это был Международный Христианский лагерь, целью которого являлось углубление понимания молодыми людьми основ православия, выработка собственных взглядов на геополитические, геоэкономические и геокультурные проблемы, обсуждение и выбор собственного понимания своего места и предназначения в меняющемся мире, содействие формированию у активной части молодежи положительного образа православной культуры.

В июле 2006 года Центр Национальной Славы России открыл Второй Международный молодежный культурно-просветительский лагерь «Содружество. Память поколений» близ поселка Лосево в Ленинградской области. В чуть-чуть измененном светском формате участники из разных городов и регионов России - студенты вузов, представители общественных организаций и молодежных движений - работали и отдыхали по программе лагеря. Программа включала беседы и лекции известных ученых, преподавателей петербургских и московских вузов, писателей. Молодежь окуналась в такие важные на данный момент и актуальные темы, как «Социальный портрет современной молодежи и проблема национальной идентичности», «Культура, духовность и память поколений», «Патриотические традиции русского народа».

И, наконец, этим летом с 10 по 22 июля 2007 года на базе санатория Стрельна под Санкт-Петербургом продолжилась работа Третьего Международного молодежного лагеря «Содружество. Память поколений», участниками которого мы являлись.

Главной целью данной смены было содействие формированию у молодого поколения России, стран СНГ и прибалтийских государств

общности взглядов на развитие культурно-цивилизационного пространства.

Участниками лагеря стали более 60 молодых людей из различных регионов России, Украины, Латвии, Эстонии, каждый из которых активно принимает участие в общественной жизни, небезразлично относится к культуре и истории.

В экспертный совет лагеря вошли выдающиеся деятели науки, представители духовенства, руководители общественных объединений и организаций. Организационную работу в лагере вели преподаватели и студенты СпбГУЭФ, имеющие опыт работы в подобных проектах.

Изначально основными направлениями работы лагеря были обозначены темы преемственности ответственности поколений за сохранение культурного наследия своего народа, социального портрета молодежи и вопросов национальной идентичности, а также обсуждение общности культурно-исторического наследия стран – участников СНГ. Каждый участник лагеря изначально был подготовлен по одной из обозначенных тем, что позволяло вести работу и обсуждение наиболее конструктивно.

Программа работы лагеря была составлена таким образом, что в ней гармонично сочетались лекции – дискуссии, экскурсии, проектная деятельность, обмен участниками опытом работы своих общественных организаций, кроме того, с участниками лагеря проводилась работа на командообразование, были организованы и развлекательные мероприятия.

Огромный интерес участников вызывали лекции-дискуссии, проводимые истинными профессионалами своего дела. Это профессора РГПУ им. Герцена А.А. Корольков и А.А. Грякалов, декан Восточного факультета СпбГУ Е.В. Зеленов, профессор факультета журналистики СпбГУ Громова Людмила Петровна, первый заместитель директора ТРК Санкт-Петербург Игнатьев Игорь Петрович, заместитель председателя Национального Совета молодежи и детских объединений России Кострикин А. В.

Огромное впечатление произвели встречи с представителями духовенства: настоятелем храма иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» на Шпалерной улице, членом Епархиального Совета Санкт-Петербургской Митрополии священником Вячеславом Хариновым и с Наместником Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры архимандритом Назарием.

Кроме того, участникам удалось самостоятельно, без привлечения экспертов, провести дискуссию и выделить проблематику и пути решений по очень важной теме – «Будущее России, СНГ и

Европы: содружество людей, культур, сообществ». Эта дискуссия показала высокую подготовку участников по вопросам межкультурного взаимодействия, дала возможность не упустить даже самые мелкие проблемы обозначенных взаимоотношений России, СНГ и Европы.

Конкретным результатом работы лагеря стали проекты, направленные на решение проблем по направлениям: национальная идентичность, социальный портрет молодежи, «культура, духовность, память поколений». Участники были разделены на 6 команд, каждая из которых работала над своим проектом. Среди предложенных проектов были разработки по проведению культурных фестивалей, организации единого молодежного информационного пространства, создания координационных советов для наиболее эффективного решения проблем, обозначенных в ходе работы лагеря.

Особенно хотелось бы отметить то, что, несмотря на отсутствие у многих участников практического опыта работы по данным направлениям, проекты отмечены высокой оценкой экспертами Центра Национальной Славы с точки зрения их рациональности и реальности осуществления. Особенно представители центра отметили проекты трех команд, подчеркнув возможность их дальнейшей реализации и эффективности внедрения. Одним из этих трех проектов был проект «Молодежный центр» в рамках тематического направления «Социальный портрет современной молодежи». На протяжении своих презентаций участники команды выявили основные проблемы молодежи России, одной из которых отметили проблемы молодежной политики. В качестве решения команда предложила создание молодежных центров в разных регионах России, которые будут работать в двух основных направлениях:

1. Создание центра развития молодежных организаций, который будет координировать и развивать молодежные организации региона, повышая качество и эффективность их работы;
2. Координация крупномасштабных проектов, направленных на решение актуальных проблем молодежи.

В рамках проекта участниками были выявлены его цели, задачи, этапы внедрения, оценены эффективность и риски. Но самое главное все же то, что ребята достигли высокого уровня командной работы, сумев за ограниченное время разработать качественный и актуальный на сегодняшний день в России проект в рамках молодежной политики. На заключительной презентации членами жюри было еще раз подчеркнуто то, что реализация данного проекта возможна и даже необходима, и к его внедрению будут непосредственно привлечены

участники лагеря. Сейчас проект находится на подготовительном для внедрения этапе, причем огромную поддержку этому оказывает именно Центр Национальной Славы России.

При этом можно отметить, что и другие проекты уже сегодня частично реализуются на территории регионов, представленных участниками лагеря, что подчеркивает их реальную необходимость и значимость.

Кроме подготовленных проектов, не менее значимым результатом работы лагеря стал вывод о том, что молодежь сегодня способна выделять проблемы и находить нестандартные пути решения общественно значимых вопросов. Активная работа участников лагеря позволила вовлечь их в процессы и тематики, которыми уже давно занимаются ученые всего мира, как то вопросы преемственности поколений, национальной идентичности, сохранения традиций, проблем глобализации. Чем больше молодых людей будут осознавать проблемы, стоящие перед мировым сообществом сегодня, тем меньше этих проблем будет в будущем. Работа лагеря позволила сделать вывод, что сегодняшняя малая активность молодежи в данных вопросах вызвана недоверием к молодому поколению со стороны общества и ее малая информированность.

Ежегодное проведение молодежного лагеря является не только хорошим толчком для развития молодежи и приобщения их к решению социально-значимых вопросов и проблем современного общества, но и своего рода школа для установления связей и контактов среди молодежи и молодежных структур различных стран и регионов, организации совместных проектов и реализации общих идей.

Создается не только единый живой коллектив, несмотря на изначальную широкую географию представителей лагеря, но и появляется желание добиваться общих целей, вырабатывать новые идеи и подходы, которые наиболее актуальны в быстроразвивающемся мире.

Проект данного лагеря во многом как раз направлен на решение подобных проблем, и необходимость развития проекта видна из результатов его работы. При должной поддержке проект лагеря уже в ближайшее время может стать авторитетнейшей площадкой для обсуждения и решения проблем молодежью стран Восточной Европы, совместную работу и реализацию поставленных задач.

Планируется создание актив-группы лагеря «Память. Содружество поколений.» (с приглашением самых активных и ответственных участников лагеря и молодежных проектов) для дальнейшего развития и внедрения молодежных программ в северо-

западном регионе. Надеемся образовать долгосрочный и действенный коллектив активных и деятельных представителей молодежи, которые будут вовлечены в процесс работы над совместными проектами, разработку новых акций и проектов, отвечающих идеям работы Центра Национальной Славы.

В планах не только проведение следующего лагеря летом 2008 года, но и организация промежуточных кратковременных акций, семинаров, круглых молодежных столов и слетов, которые помогут активной молодежи выработать свои собственные взгляды на современные проблемы, разрабатывать и предпринимать шаги по решению этих проблем. В целом, содействовать формированию у молодого поколения общности взглядов на развитие культурно-цивилизационного пространства.

**Presentación del proyecto juvenil
“Comunidad CIS. Memoria de las generaciones”**

**M. Starostina
D. Antonov
A. Joruzhaya
K. Shinchik
N. Kiselev**

Hace ya 4 años que la fundación regional “Centro de la Gloria Nacional de Rusia” (CGNR) organiza, en el contexto del programa “Una generación en busca de sí misma”, campamentos juveniles internacionales en los alrededores de San Petersburgo. La primera vez se realizó del 8 al 22 de junio de 2004 en la localidad de Vaskelovo. Se trató de un campamento cristiano internacional, cuyo objetivo fue profundizar el conocimiento de las bases de la confesión ortodoxa por parte de los jóvenes; la promoción entre los mismos de una imagen positiva de la cultura ortodoxa; la elaboración de sus propios puntos de vista en los problemas geopolíticos, geoeconómicos y geoculturales actuales; la discusión y elección del propio lugar y predestinación en un mundo cambiante.

En julio del año 2006 el CGNR inauguró el Segundo campamento internacional juvenil “Comunidad CIS. Memoria de las generaciones”, en la localidad de Losevo en los alrededores de S.Petersburgo. En un formato un tanto diferente, partícipes de diferentes ciudades y regiones de Rusia: estudiantes universitarios, representantes de organizaciones sociales y movimientos juveniles, trabajaron según el programa previsto. Dicho programa incluía conferencias de conocidos científicos, profesores de universidades moscovitas y petersburguinas, escritores. Los jóvenes se introdujeron en temáticas de gran actualidad, tales como: “El retrato social de la juventud contemporánea y el problema de la identidad nacional”, “Cultura, espiritualidad y memoria de las generaciones”, “Tradiciones patrióticas del pueblo ruso”.

Finalmente, del 10 al 22 de junio de 2007 en territorio del sanatorio Strelna, en las cercanías de San Petersburgo, funcionó el Tercer campamento internacional juvenil “Comunidad CIS. Memoria de las generaciones”, en el cual participamos nosotros.

El objetivo principal de este evento fue lograr entre los jóvenes de Rusia, los países Bálticos y la Comunidad de Estados Independientes una mirada convergente respecto del desarrollo de este espacio cultural común.

Participaron del campamento más de 60 jóvenes de diferentes regiones de Rusia, Ucrania, Lituania, Estonia, cada uno de los cuales

participa activamente de la vida social, no es indiferente a la cultura y la historia de su pueblo.

En el comité experto del campamento fueron incluidos reconocidos científicos, representantes religiosos, dirigentes de organizaciones sociales; el trabajo organizativo fue llevado adelante por estudiantes y profesores de la Universidad de San Petersburgo con gran experiencia en actividades similares.

Desde un comienzo las principales actividades del campamento fueron organizadas alrededor de los siguientes temas: responsabilidad de los jóvenes en el cuidado de la herencia cultural de su pueblo, retrato social de los jóvenes e identidad nacional, herencia cultural común de los países integrantes de la CIS. Cada partícipe del campamento desde un comienzo estuvo preparado para alguno de los temas previstos, lo que permitió desarrollar la discusión y el trabajo de un modo más constructivo.

El programa de trabajo del campamento fue organizado de tal modo que se combinaran armónicamente las conferencias y las discusiones, las excursiones, la generación de proyectos, el intercambio de experiencias sobre el trabajo en las respectivas organizaciones sociales. Además, se capacitó a los partícipes del campamento en el trabajo en equipo y se organizaron actividades de entretenimiento.

Un enorme interés despertó en los participantes las conferencias-debate llevadas adelante por verdaderos profesionales de su ramo: los profesores de la Universidad Guertsena A.Korolkov y A. Gryakalov, el decano de la Facultad del Oriente de la USP E.Zelenev, el profesor de la facultad de periodismo de la USP L.Gromova, el vice-director del canal televisivo TRK I. Ignatev, el vice-presidente del Consejo Nacional de organizaciones infantiles y juveniles A.Kostrikin.

Una gran impresión produjeron los encuentros con los representantes de la iglesia ortodoxa rusa de la Metrópolis de San Petersburgo y el Monasterio de Alexander Nevsky.

Además, los jóvenes pudieron por su propia iniciativa discutir y definir caminos de solución para una temática especialmente importante: “El futuro de Rusia, la CIS y Europa: comunidad de gentes, pueblos y culturas”. Esta discusión mostró el alto nivel de formación de los partícipes en la problemática de las relaciones interculturales, dió la posibilidad de considerar los problemas más puntuales de las relaciones entre Rusia, la CIS y Europa.

Como resultado concreto del trabajo del campamento se pueden citar los proyectos orientados a la resolución de problemas en los campos de: identidad nacional, retrato social de los jóvenes, “cultura, espiritualidad y memoria de las generaciones”. Los participantes se repartieron en 6 equipos,

cada uno de los cuales trabajó sobre su propio proyecto. Entre los proyectos propuestos se destacan: la realización de festivales culturales, organización de un espacio informacional único de los jóvenes, creación de consejos coordinadores para una solución más efectiva de los problemas estudiados durante el transcurso del campamento.

Quisiéramos destacar especialmente que, a pesar de la ausencia en muchos de los partícipes de experiencia práctica de trabajo en estas temáticas, los proyectos recibieron una alta calificación por parte de los expertos del CGNR, desde el punto de vista de su racionalidad y factibilidad de realización. Los representantes del Centro destacaron los proyectos de tres equipos, subrayando la posibilidad de su realización futura y la efectividad de su introducción. Uno de estos tres proyectos fue el del “Centro Juvenil” en el área “Retrato social de la juventud actual”. En el transcurso de sus presentaciones los participantes de los equipos describieron los principales problemas de la juventud en Rusia, uno de los cuales se centró en el problema de la política juvenil. En calidad de resolución dicho equipo propuso la creación de centros juveniles en diferentes regiones de Rusia, los cuales van a trabajar en dos direcciones básicas:

1. Creación de un centro para el desarrollo de organizaciones juveniles, el cual coordinará y desarrollará las organizaciones juveniles de la región, elevando la calidad y efectividad de su trabajo.

2. La coordinación de proyectos a gran escala dirigidos a la resolución de los actuales problemas de la juventud.

En el contexto del proyecto los partícipes precisaron su objetivo, tareas, etapas de realización, evaluando su efectividad y riesgos. Pero lo más importante en todo caso fue que los jóvenes lograron un alto nivel de trabajo en equipo, logrando en un tiempo limitado elaborar un proyecto calificado y actualizado al día de hoy en Rusia, en el contexto de la política juvenil. En la presentación final los miembros del jurado subrayaron una vez más que la realización de este proyecto es posible y necesaria, y que para su realización serán convocados especialmente los partícipes del campamento. Ahora el proyecto se encuentra en la etapa de preparación para su ejecución y un gran apoyo en este sentido es otorgado precisamente por el CGNR.

Es necesario notar que también otros proyectos se realizan parcialmente en las regiones de Rusia, presentados por los partícipes del campamento, lo que subraya su real necesidad y significado.

Además de los proyectos elaborados, un resultado no menos significativo del trabajo del campamento fue la conclusión de que la juventud hoy está capacitada para detectar problemas y encontrar caminos no habituales para la resolución de problemáticas de amplia repercusión social. Cuanto más gente joven tome conciencia de los problemas que se

presentan hoy ante la comunidad mundial, menores serán los problemas que se presentarán en el futuro. El trabajo del campamento permitió llegar a la conclusión de que la poca actividad de los jóvenes en estas cuestiones está basada en la falta de credibilidad de parte de la sociedad hacia las generaciones jóvenes y a su falta de información.

La realización anual del campamento juvenil resulta no sólo un buen impulso para el desarrollo de los jóvenes y su inclusión en la resolución de problemas de significado social en el mundo contemporáneo, sino también una suerte de escuela para el fortalecimiento de vínculos y contactos entre jóvenes y organizaciones juveniles de diferentes países y regiones, para la organización de proyectos conjuntos y la realización de ideas comunes.

No solamente se crea un colectivo dinámico y único, a pesar de la extendida geografía inicial de los participantes del campamento, sino que surge el deseo de lograr objetivos comunes, de elaborar nuevas ideas y enfoques para un mundo que cambia tan aceleradamente.

Este campamento está justamente orientado a la resolución de dichos problemas y la necesidad de llevar adelante este proyecto es evidente a partir de los resultados concretos del trabajo realizado. En caso de recibir el apoyo debido el campamento anual puede convertirse en poco tiempo más en un espacio influyente para la discusión y resolución de los problemas de las juventudes de Europa Oriental, para el trabajo conjunto y la realización de las tareas planteadas.

Se planifica la creación de grupos de activistas del campamento “Comunidad CIS. Memoria de las generaciones” para el desarrollo posterior y la implementación de los programas juveniles en la región nordoccidental (invitando a los partícipes más activos y responsables del campamento y de los proyectos juveniles).

Confiamos en conformar un colectivo dinámico y permanente de jóvenes activos, los que serán incluidos en el proceso del trabajo sobre los proyectos conjuntos, en la elaboración de nuevas actividades que respondan a las ideas de trabajo del CGNR. Se encuentran en planes no sólo la realización del próximo campamento en verano 2008, sino también la organización de actividades intermedias breves, seminarios, mesas redondas juveniles y encuentros que ayudarán a los jóvenes más activos a desarrollar sus propios puntos de vista sobre los problemas actuales, elaborar y realizar los pasos necesarios para la resolución de los mismos. En definitiva, facilitar en las nuevas generaciones la formación de miradas convergentes respecto del desarrollo del espacio cultural-civilizacional común.

**РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ЦЕНТР ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В
МОСКВЕ
ФОНД ПАНГЕЯ ИСПАНИИ**

предлагают

**ДЕКЛАРАЦИЮ ПРИНЦИПОВ ГУМАНИЗМА И
НЕНАСИЛИЯ²⁶**

*Гуманизм, толерантность и единство в многообразии –
основа глобального ненасильственного мира.*

Исходя из общечеловеческих принципов гуманизма, естественного права и соответствующих документов ООН и ЮНЕСКО, в связи с ростом вооруженных конфликтов, как в международной политике, так и между различными этносами и идеологиями, провозглашаем настоящую «Декларацию принципов гуманизма и ненасилия».

Теоретические основы ненасилия, заключающиеся в недопустимости и осуждении насилия, заложены в истоках великих духовных культур человечества – философии и развитых религий. Они были продолжены и развиты далее великими философами, деятелями религии и культуры (Л.Н. Толстой, Махатма Ганди, М.Л. Кинг и др.). Универсальный гуманизм и движение за активное ненасилие имеет сегодня свой ориентир в лице латиноамериканского мыслителя и духовного лидера Марио Родригеса - Сило.

Необходимо повсеместное признание принципа ненасилия, как основы гуманизма.

Гуманизм есть следствие духовно-нравственного развития человека, развертывания его сущности. Гуманизм, как человечность и человеколюбие не должен разделять, а напротив, должен объединять всех людей и человечество.

Вместе с тем, ненасилие не означает абсолютного пацифизма, пассивности перед осуществляющимся злом. Ненасилие должно быть мощным, действенным и активным. Его сила, прежде всего, в правде, однако зло должно быть нейтрализовано и остановлено.

---

²⁶ Проект Декларации, принят и одобрен на конференции «Гуманистические основы взаимодействия цивилизаций» в РУДН, 27.10.2007 г., г. Москва.

Сейчас, в век глобализации, мир вновь начинает ввергаться в хаос как неконтролируемого, так и осознанного насилия по отношению к отдельной личности, народам, государствам и даже целым регионам, культурам и религиям.

Считаем, что особая роль в реализации нижеуказанных принципов принадлежит образованию, поэтому призываем к формированию единой образовательной среды в мире, основанной на гуманистических идеях и воспитывающей культуру мира и ненасилия. Необходима пропаганда и развитие культуры ненасилия во всем мире, а также сопротивление насилию во всех его формах и проявлениях.

Резюмируя вышесказанное говорим:

Мы признаем человека высшей ценностью; утверждаем свободу мысли; провозглашаем равенство прав и возможностей для всех людей; признаем и воодушевляем разнообразие культур и традиций; противостоям дискриминации; отдаем все силы справедливому сопротивлению против всех форм насилия: физического, экономического, расового, религиозного, сексуального, психологического и морального. Мы ставим себе задачу, все больше соблюдать принцип, который помогает нам «относиться к другим так, как мы хотим, чтобы относились к нам».

Призываем международное общественное мнение и политиков всех стран признать следующие принципы:

Часть I. В отношении к международным проблемам:

Принцип 1. Прекращение производства, совершенствования и распространения оружия массового уничтожения, и последующее сокращение вплоть до полной ликвидации.

Принцип 2. Недопущение милитаризации космического пространства.

Принцип 3. Недопущение осуществления насилия для решения, каких бы то ни было проблем. Любые вынужденные вооруженные меры должны применяться только на основании решений ООН и Совета Безопасности.

Принцип 4. Демилитаризация мира и Европы, объявление Европы зоной, свободной от оружия массового уничтожения и каких-либо военных блоков.

Принцип 5. Недопущение применения вооруженных сил государств в качестве инструмента влияния и террора.

Принцип 6. Борьба за координированное снижение расходов на вооружение и переориентация освободившихся средств на социальные программы в масштабах всего мира.

Часть II. Во взаимоотношениях власти и народа:

Принцип 7. Остановка милитаризации национальных экономик, распространения оружия среди населения.

Принцип 8. Утверждение принципов народовластия и прав человека. Недопустимость насилия с какой-либо стороны. Осуждение экстремизма во всех его формах и идеологических обличьях. Допустимы лишь легальные и ненасильственные методы борьбы.

Принцип 9. Насильственная методология решения общественно-политических проблем должна смениться истинно гуманистической, исходящей из народовластия, в центре которой стоит человек и его развитие.

Принцип 10. Недопустимость смертной казни; она аморальна, не имеет рационального оправдания. Поддержать резолюцию ООН по ликвидации смертной казни в мире.

Часть III. Во взаимоотношении людей друг с другом:

Принцип 11. Недопустимость насилия человека над человеком. Уважение и соблюдение естественных и гражданских прав каждого. Недопустимо не только физическое насилие, но и экономическое, расовое, религиозное, сексуальное, психологическое и моральное.

Принцип 12. Недопустимость создания образа врага из какого либо народа в учебной, школьной и иной литературе.

Принцип 13. Поддержать резолюцию ООН по объявлению 2 октября Международным днем ненасилия.

Часть IV. Во взаимоотношениях человека, общества с природой:

Принцип 14. Ненасилие в отношении к окружающей природной среде, что означает недопущение разрушения и нанесения безвозвратного ущерба биосфере, другим природным системам на Земле и в Космосе.

Принцип 15. Формирование экологического сознания на всех уровнях общества, отказ от политики и практики хищнического подхода к использованию природных ресурсов.

**UNIVERSIDAD RUSA DE LA AMISTAD ENTRE LOS
PUEBLOS
CENTRO DE ESTUDIOS HUMANISTAS DE MOSCU
FUNDACION PANGEA ESPAÑA**

proponen la siguiente

**DECLARACION DE PRINCIPIOS DEL HUMANISMO Y
LA NO-VIOLENCIA²⁷**

Humanismo, tolerancia y convergencia en la diversidad: cimientos de un nuevo mundo no violento.

Basados en los conceptos generales del humanismo, los derechos humanos universales y los documentos correspondientes de las Naciones Unidas y UNESCO; considerando el aumento de la violencia tanto al nivel de relaciones internacionales como entre diferentes etnias, ideologías y confesiones, proclamamos la presente “*Declaración de Principios del Humanismo y la No violencia*”.

Los fundamentos teóricos de la no-violencia están presentes ya desde los orígenes de las grandes culturas espirituales de la humanidad, de la filosofía y la religión, afirmando la no aceptación y condena de la violencia. Estas tradiciones han sido continuadas y desarrolladas por grandes filósofos y hombres de acción del campo religioso y cultural (León Tolstoy, Mahatma Gandhi, Martin Luther King y otros). El Humanismo Universalista y el movimiento por la no-violencia activa reconocen hoy como referencia mundial al pensador latinoamericano y guía espiritual Mario Rodríguez Cobos, Silo.

Es imprescindible el reconocimiento generalizado de la metodología de la no-violencia como fundamento del humanismo.

El humanismo es resultado del desarrollo espiritual y moral del ser humano, del despliegue de su esencia. El humanismo, como expresión de amor y compasión hacia el ser humano, está destinado a unir a las personas y a la humanidad en su conjunto.

Al mismo tiempo, no-violencia no implica pacifismo, pasividad frente al mal. La no-violencia debe ser fuerte, activa y efectiva. Su fuerza

---

²⁷ Aprobada en la Conferencia Internacional “Bases humanistas para la convergencia entre culturas”, realizada en Moscú, RUDN, 26-27 octubre 2007.

está ante todo en la verdad, sin embargo la violencia debe ser neutralizada y detenida.

Ahora, en el siglo de la globalización, el mundo comienza nuevamente a sumirse en el caos, tanto de la violencia descontrolada como de la violencia dirigida: hacia las personas, los pueblos, los estados, e incluso hacia regiones enteras, culturas y religiones.

Consideramos que en la realización de los principios más abajo enunciados la educación juega un rol fundamental, por lo cual convocamos a la creación de un espacio formativo común de alcance mundial, basado en las ideas humanistas y promotor de una cultura de la paz y la no-violencia. Es necesario impulsar la difusión y el desarrollo de la cultura de la no-violencia en todo el mundo, como así también resistir a la violencia en todas sus formas y expresiones.

Resumiendo lo antedicho, decimos:

Consideramos al ser humano como máximo valor por encima del dinero, del Estado, de la religión, de los modelos y de los sistemas sociales.

Impulsamos la libertad de pensamiento.

Propiciamos la igualdad de derechos y la igualdad de oportunidades para todos los seres humanos.

Reconocemos y alentamos la diversidad de costumbres y culturas.

Nos oponemos a toda discriminación y a toda forma de violencia física, económica, racial, religiosa, sexual, psicológica y moral.

Nos proponemos dar creciente cumplimiento a esa regla que nos recuerda “tratar a los demás como queremos ser tratados”.

En dicho contexto, convocamos a la opinión pública mundial y a los políticos de todos los países a reconocer los siguientes principios:

Parte I. En las relaciones internacionales:

Principio 1. Cese de la producción, perfeccionamiento y distribución de armamentos de destrucción masiva, con la consiguiente reducción progresiva hasta su liquidación total.

Principio 2. Inadmisibilidad de todo intento de militarización del espacio cósmico.

Principio 3. Inadmisibilidad del uso de la violencia para la resolución de cualquier tipo de problemas. Toda medida de acción armada que resultare inevitable deberá ser aplicada exclusivamente sobre la base de las resoluciones de las Naciones Unidas y el Consejo de Seguridad.

Principio 4. Desmilitarización del mundo y de Europa en particular. Declaración de Europa como zona libre de armamentos de destrucción masiva e independiente de todo bloque militar.

Principio 5. Inadmisibilidad del uso de las fuerzas armadas de los estados en calidad de instrumento de dominación y terror.

Principio 6. Lucha por una reducción coordinada de los gastos en armamentos y reorientación de los recursos liberados hacia programas sociales, a escala mundial.

Parte II. En las relaciones entre pueblo y poder:

Principio 7. Cese de la militarización de las economías nacionales y de la venta de armas entre la población.

Principio 8. Inadmisibilidad de la violencia desde cualquiera de las partes. Afirmación de la soberanía popular y los derechos humanos. Condenación del extremismo en todas sus formas y apariencias ideológicas. Sólo son admisibles los métodos de lucha legales y no violentos.

Principio 9. La metodología violenta de resolución de los problemas sociales y políticos deberá ser reemplazada por una metodología verdaderamente humanista que surja de la soberanía popular, en el centro de la cual se coloque al ser humano y su desarrollo.

Principio 10. Inadmisibilidad de la pena de muerte, por amoral y carente de justificación racional alguna. Apoyo a la resolución adoptada por Naciones Unidas para la definitiva abolición de la pena de muerte en el mundo.

Parte III. En las relaciones interpersonales:

Principio 11. Inadmisibilidad de la violencia de un ser humano sobre otro. Respeto y observación de los derechos civiles y universales de la persona. Son inadmisibles no sólo la violencia física, sino también la económica, racial, religiosa, sexual, psicológica y moral.

Principio 12. Es inadmisibile, en la literatura escolar o de otro tipo, construir la imagen de enemigo de un pueblo o cultura diferente a la propia.

Principio 13. Apoyo activo a la resolución de las Naciones Unidas declarando el 2 de octubre como Día Internacional de la No-violencia.

Parte IV. En las relaciones entre ser humano, sociedad y naturaleza:

Principio 14. No-violencia en la relación con el medio natural circundante implica la inadmisibilidad de toda forma de destrucción y perjuicio irreversible de la biosfera y de otros sistemas naturales, tanto en la Tierra como en el Cosmos.

Principio 15. Formación de una verdadera conciencia ecológica en todos los niveles de la sociedad, renuncia a toda política y práctica rapaz de utilización irracional de los recursos naturales.

НАШИ АВТОРЫ

Безрогов Виталий Григорьевич, доктор педагогических наук, член-корреспондент Российской академии образования.

Буянов Сергей Васильевич, к.т.н., доцент кафедры информатики ПСТГУ, специалист-теолог.

Геворгян Каринэ Александровна, журналист, писатель.

Глинская Ирина Юрьевна, доцент кафедры рекламы РУДН, докторант РАГС при Президенте РФ.

Горелов Анатолий Алексеевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Госало Гонсалес Эдуардо, президент фонда «Пангея» Испании.

Иванченко Галина Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии Высшей школы экономики, г. Москва.

Калинина Ольга, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии организации работы с молодёжью Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Карнацкая Лариса Анатольевна, Кандидат психологических наук. Доцент кафедры Психологии управления Московского института психологии и педагогики. Научный секретарь Центра гуманистических исследований в Москве.

Коваль Борис Иосифович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Научного совета по исследованию современных цивилизаций РАН, вице-президент Гуманистического интернационала.

Кричевский Сергей Владимирович, к.т.н., с.н.с., доцент кафедры экологии и управления природопользованием РАГС при Президенте РФ (Москва), действительный член Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, член-корреспондент Российской

экологической академии и Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике.

Кульпин-Губайдулин Эдуард Салманович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Институт социологии РАН.

Лебедев Валентин Витальевич, член-корреспондент РАН, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза

Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии РУДН.

Новотный Уго, президент Центра гуманистических исследований в Москве.

Савельев Петр, президент движения «Мир без насилия»

Солод Вадим Юрьевич, независимый эксперт.

Старостина Марина С., студент Тамбовского государственного университета, молодежный представитель Международного форума «Диалог цивилизаций».

Чалдымов Никита Андреевич, доктор философских наук, профессор, академик РАЕН; генерал-майор; президент общественного движения `Армия и общество`.

NUESTROS AUTORES

Bezrogov Vitaly, doctor en ciencias de la educación, miembro correspondiente de la Academia Rusa de la Educación.

Buyanov Sergey, doctor en ciencias técnicas, docente de la Cátedra de Informática de la PSTGU, teólogo.

Gevorgian Karine, periodista, escritora.

Glinskaya Irina, docente de la Cátedra de Propaganda de la RUDN, doctorante en RAGS de la Presidencia de Rusia.

Gorelov Anatoly, doctor en ciencias filosóficas, colaborador científico principal del Instituto de Filosofía de la Academia Rusa de Ciencias.

Gozalo González Eduardo, presidente de la Fundación Pangea España.

Ivanchenko Galina, doctor en ciencias filosóficas, profesor de la cátedra de sociología general de la Escuela Superior de Economía de Moscú.

Kalinina Olga, doctor en ciencias pedagógicas, docente de la cátedra de pedagogía y psicología del trabajo con jóvenes de la Universidad Estatal Pedagógica de Tula con el nombre de León Tolstoy.

Karnatskaya Larisa, doctor en psicología, docente de la cátedra de psicología del Instituto de Psicología y Pedagogía de Moscú. Secretario científico del Centro de Estudios Humanistas de Moscú.

Koval Boris, Doctor en Ciencias Históricas. Profesor. Académico. Presidente del Consejo Científico para el estudio de las civilizaciones contemporáneas de la ACR. Vice-presidente de la Internacional Humanista.

Krichevsky Sergey, doctor en ciencias técnicas, docente de la Cátedra de ecología y administración de recursos naturales de la RAGS de la Presidencia de Rusia, miembro correspondiente de la Academia de Problemas del Hombre en la Aviación y la Cosmonáutica, aviador experimental y cosmonauta.

Kulpin-Gubaydulin Eduardo, doctor en ciencias históricas, profesor, colaborador científico principal del Instituto de Sociología de la ACR.

Lebedev Valentín, Miembro correspondiente de la ACR, aviador-cosmonauta de la URSS, doble Héroe de la URSS.

Nizhnikov Sergey, doctor en ciencias filosóficas, profesor de la Cátedra de Historia de la Filosofía de la RUDN.

Novotny Hugo, Presidente del Centro de Estudios Humanistas de Moscú.

Savelev Petr, presidente del movimiento “Mundo sin violencia”.

Solod Vadim, experto independiente.

Starostina Marina, estudiante de la Universidad estatal de Tambov, representante juvenil del Foro Internacional “Diálogo de las Civilizaciones”.

Chaldimov Nikita, doctor en ciencias filosóficas, profesor, académico RAEN, general mayor, presidente del movimiento social “Fuerzas Armadas y Sociedad”.